

**ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ**
РАНХиГС ХАБАРОВСК

ISSN 1818-4049 (Print)
ISSN 3033-635X (Online)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

POWER AND ADMINISTRATION IN THE EAST OF RUSSIA

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

М. А. ТАРАСОВ

Процесс возрождения Северо-Востока Китая и развитие
сотрудничества с Дальним Востоком России

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: СТРАТЕГИИ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

В. Ф. ЕФРЕМЕНКО

Место и роль трансфера технологий в научно-технологическом
развитии Дальнего Востока России

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

С. Н. НАЙДЕН, П. С. БРАВOK

Опыт исследований локальных рынков труда: пространственный аспект

ХАБАРОВСК

**№ 3
(112)
2025**

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

**научный журнал
2025 г. №3 (112)**

Научный журнал «Власть и управление на Востоке России» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Scientific journal «Power and Administration in the East of Russia» is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of science, for the degree of doctor of science must be published.

ISSN 1818-4049 (Print)
ISSN 3033-635X (Online)

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

**научный журнал
2025 г. № 3 (112)**

Научный журнал основан
в марте 1998 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор: О. Г. Поливаева

Адрес редакции:

680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33. Дальневосточный институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». Тел. (факс): (4212) 305-306. E-mail: rio-dviu@ranepa.ru

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (119606, г. Москва, просп. Вернадского, 82)

© Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (верстка, дизайн, макет), 2025
© Авторы, 2025

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-48935 от 12 марта 2012 г.

Редакционная коллегия:

Н. М. Байков, д.с.н., профессор (Россия)
Е. Н. Галичанин, д.э.н., профессор (Россия)
И. А. Гареева, д.с.н., доцент (Россия)
Ю. А. Зубок, д.с.н., профессор (Россия)
С. Г. Максимова, д.с.н., профессор (Россия)
Е. А. Мотрич, д.э.н. (Россия)
А. В. Новокрещёнов, д.с.н., профессор (Россия)
Е. С. Осипова, д.э.н., доцент (Россия)
О. М. Прокапало, д.э.н. (Россия)
О. М. Рензин, к.э.н., ст. науч. сотр. (Россия)
А. М. Сергиенко, д.с.н., доцент (Россия)
О. И. Тишутина, д.э.н., доцент (Россия)
С. Н. Третьякова, д.э.н., доцент (Россия)
Ю. А. Тюрина, д.с.н., профессор (Россия)
Андреас Кнорр, доктор, профессор (Германия)
Зенджиро Сугиура, профессор (Япония)
Ма Юцзюнь, доктор, главн. науч. сотр. (Китай)
Чжун Цзяньпин, д.и.н., профессор (Китай)

При перепечатке ссылка на журнал «Власть и управление на Востоке России» обязательна. Рукописи рецензируются.

Мнения, высказываемые авторами, могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

ISSN 1818-4049 (Print)
ISSN 3033-635X (Online)

POWER AND ADMINISTRATION IN THE EAST OF RUSSIA

scientific journal
2025, no. 3 (112)

Scientific journal is founded
in March, 1998
Is issued 4 times a year

Editor-in-Chief: O. G. Polivaeva

Address:

Russia, 680000, Khabarovsk, Muraviova-Amurskogo St., 33. The Far-Eastern institute of management – branch of the Academy of National Economy and Public Administration by the President of the Russian Federation. Tel. (fax): 305-306. E-mail: rio-dviu@ranepa.ru

Founder:

The Federal state budgetary educational institution of the highest education "The Russian Academy of National Economy and Civil Service by the President of the Russian Federation" (119606, Moscow, 82, Vernadskiy prospect)

© The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (layout, design), 2025
© Authors, 2025

The periodical is registered by the Federal Service for supervision in the sphere of communication, information technologies and mass communications (Roscommnadzor). The certificate about the registration of the mass information PI № FS77-48935 dated March 12, 2012.

Editorial Staff:

N. M. Baykov, Doctor of Sociology, Professor (Russia)

E. N. Galichanin, Doctor of Economy, Professor (Russia)

I. A. Gareeva, Doctor of Sociology, Associate Professor (Russia)

Yu. A. Zubok, Doctor of Sociology, Professor (Russia)

S. G. Maksimova, Doctor of Sociology, Professor (Russia)

E. L. Motrich, Doctor of Economy (Russia)

A. V. Novokreshchenov, Doctor of Sociology, professor (Russia)

E. S. Osipova, Doctor of Economy, professor (Russia)

O. M. Prokapalo, Doctor of Economy (Russia)

O. M. Renzin, Candidate of Economy, chief scientific researcher (Russia)

A. M. Sergienko, Doctor of Sociology (Russia)

O. I. Tishutina, Doctor of Economics, Associate Professor (Russia)

S. N. Tretyakova, Doctor of Economics, Associate Professor (Russia)

Yu. A. Tyurina, Doctor of Sociology, professor (Russia)

Andreas Knorr, Doctor, Professor (Germany)

Zenjiro Sugiura, Professor (Japan)

Ma Yujun, Doctor, Chief Researcher (China)

Zhong Tsyangpin, Doctor of History, Professor (China)

No part of any material may be reprinted without the reference to the journal "Power and Administration in the East of Russia". Articles are subject to review.

The authors' opinions may not coincide with those of the editorial board.

The authors of the articles bear responsibility for the selection and precision of the facts, quotations, economic and statistical data, proper and geographical names.

СОДЕРЖАНИЕ

Социально-экономическое сотрудничество стран Азиатско-Тихоокеанского региона

Тарасов М. А.	Процесс возрождения Северо-Востока Китая и развитие сотрудничества с Дальним Востоком России	8
---------------	--	---

Дальний Восток: стратегии и модели развития

Ефременко В. Ф.	Место и роль трансфера технологий в научно-технологическом развитии Дальнего Востока России	18
Шавалеева Ч. М.	Оценка финансовой самостоятельности и бюджетной устойчивости регионов Дальнего Востока	29
Кулагина О. В. Лагулова Е. С.	Оценка разрыва выпуска продукции в Еврейской автономной области	41

Теория и практика экономики и управления

Найден С. Н. Бравок П. С.	Опыт исследований локальных рынков труда: пространственный аспект	49
Новицкий А. А. Шевченко И. А.	Методика оценки валового муниципального продукта с учетом отраслевой структуры экономики	62

Маслюк Н. А. Медведева Н. В.	Механизм обратной связи с бизнесом как инструмент стимулирования инвестиционной проактивности	73
Раевский С. В.	Особенности разработки стратегии развития города (на материалах Находкинского городского округа)	87
Алешков А. В. Синюков В. А. Ивашкин М. В. Мирзоев В. Н.	К оценке возможности применения искусственного интеллекта для развития туризма в Хабаровском крае	96
Баяскаланова Т. А. Мишин Н. М.	Интеграция искусственного интеллекта и нейронных сетей в системы управления малыми предприятиями Восточно-Сибирского региона: вызовы и перспективы	107

Социология

Кузнецова О. В. Карапетян К. А.	Россия глазами китайских студентов: трансформация восприятия и барьеры социальной адаптации в академической среде (на примере вузов Сибири и Дальнего Востока)	119
Перепечай П. Э.	Социальные представления молодёжи Хабаровского края о престижности профессий	133

Представляю к защите

Зайцев Э. А.	Оценки молодежью внутрисемейных отношений как условие для психологической помощи и поддержки: социологический анализ	142
--------------	--	-----

CONTENTS

Social and economic cooperation of the countries of the Pacific Rim

Tarasov M. A.	The Process of Revitalizing the North-Eastern China and Developing Cooperation With the Russian Far East	8
---------------	--	---

The Far East: strategies and development models

Efremenko V. F.	Place and Role of Technology Transfer in the Scientific and Technological Development of the Russian Far East	18
Shavaleyeva Ch. M.	Assessment of Financial Independence and Budget Sustainability of the Russian Far Eastern Regions	29
Kulagina O. V. Lagulova E. S.	Estimating the Output Gap in the Jewish Autonomous Region	41

Theory and practice of economics and management

Naiden S. N. Bravok P. S.	Experience in Researching Local Labor Markets: the Spatial Aspect	49
Novitskii A. A. Shevchenko I. A.	Methodology for Estimating the Gross Municipal Product Accounting for Economic Structure	62
Maslyuk N. A. Medvedeva N. V.	Business Feedback Mechanism as a Tool to Stimulate Investment Proactivity	73

Raevskiy S. V.	Evolution of the City Development Strategy (Based on the Nakhodka Urban District data)	87
Aleshkov A. V. Sinyukov V. A. Ivashkin M. V. Mirzoev V. N.	Assessment of the Possibility of Using Artificial Intelligence for Tourism Development in Khabarovsk Territory	96
Bayaskalanova T. A. Mishin N. M.	Integration of Artificial Intelligence and Neural Networks Into the Management Systems of Small Enterprises in the East-Siberian Region: Challenges and Prospects.	107

Sociology

Kuznetsova O. V. Karapetyan K. A.	Russia Through the Eyes of Chinese Students: Transformation of Perception and Barriers to Social Adaptation in the Academic Environment (Using the Example of Universities in Siberia and the Far East).	119
Perepechai P. E.	Social Representations of the Khabarovsk Territory Youth About the Prestige of Professions	133

Post-Graduate Research

Zaytsev E. A.	Young People's Assessments of Intra-family Relationships as a Condition for Psychological Assistance and Support: Sociological Analysis	142
---------------	---	-----

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Научная статья
УДК 327(510:571.6)
<https://elibrary.ru/AOVOKG>

Процесс возрождения Северо-Востока Китая и развитие сотрудничества с Дальним Востоком России

Максим Анатольевич Тарасов

Представительство МИД России в г. Хабаровске, Хабаровск, Россия
matarasov@mid.ru

Аннотация. В условиях жесткой геополитической турбулентности отношения между Россией и Китаем являются важнейшим элементом поддержания глобальной стабильности и строятся на взаимовыгодной и взаимоуважительной основе. Двустороннее сотрудничество активно развивается по широкому спектру направлений, среди которых немаловажную роль играют контакты сопредельных макрорегионов – российского Дальнего Востока и Северо-Востока Китая. Организация эффективного приграничного сотрудничества и его дальнейшие перспективы тесно увязаны с позитивным развитием этих регионов. В статье рассматривается ситуация в экономике провинций Северо-Востока Китая (Ляонин, Цилинь и Хэйлуцзянь), а также шаги руководства китайских провинций по их позитивной трансформации. Прогнозируется усиление влияния межрегиональных контактов в перспективном взаимодействии между РФ и КНР.

Ключевые слова: Северо-Восток Китая, Дальний Восток России, стратегии регионального развития, программы развития провинций Северо-Востока КНР, внешнеэкономические взаимосвязи Китая и России

Для цитирования: Тарасов, М. А. Процесс возрождения Северо-Востока Китая и развитие сотрудничества с Дальним Востоком России // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 3 (112). С. 8–17. EDN: AOVOKG

Original article

The Process of Revitalizing the North-Eastern China and Developing Cooperation With the Russian Far East

Maxim A. Tarasov

The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, representative office in Khabarovsk, Khabarovsk, Russia
matarasov@mid.ru

Abstract. In the context of severe geopolitical turbulence, relations between Russia and China are an essential element in maintaining global stability and are based on a mutually beneficial and respectful foundation. Bilateral cooperation is actively developing in a wide range of territories, among which an important role belongs to the contacts between the adjacent macro-regions – the Russian Far East and the North-Eastern China. Organization of the effective cross-border cooperation and

its future prospects are closely linked to the positive development of these regions. This article examines economic situation in the provinces of the North-Eastern China (Liaoning, Jilin and Heilongjiang), as well as the steps taken by the leadership of Chinese provinces to transform them positively. The influence of interregional contacts in prospective interaction between the Russian Federation and China is forecasted to increase.

Keywords: *the Northeast of China, the Russian Far East, regional development strategies, development programs for the provinces of the North-Eastern China, foreign economic relations between China and Russia*

For citation: Tarasov, E. A. (2025) The Process of Revitalizing the North-Eastern China and Developing Cooperation With the Russian Far East. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 3 (112), pp.8–17. EDN: AOVOKG

Введение

В настоящее время российско-китайские отношения находятся на высоком уровне развития. Тесная и доверительная дипломатия формирует условия для непрерывного наращивания двусторонних связей по всему спектру сотрудничества. Приверженность двух стран к дальнейшему развитию взаимоотношений подтверждается динамикой показателей торговли, реализацией инвестиционных проектов, совместными мероприятиями в гуманитарной сфере, увеличением туристических обменов.

Одним из важных сегментов российско-китайского сотрудничества стало взаимодействие приграничных территорий – Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая. Этому способствует схожесть макрорегионов по климатическим условиям и ресурсному потенциалу. Их локальные экономические системы и развитие энергетической и коммунальной инфраструктуры имеют в национальных масштабах сопоставимый невысокий уровень. Идентичные для обеих сторон проблемы возникают и в социальной сфере, которая не позволяет активно привлекать население из других территорий и закреплять его на местах.

Качественно общие проблемы создают благоприятную платформу для совместного решения региональных задач. Именно поэтому необходимо значительно большее внимание к характеристикам развития сопредельных территорий Северо-Востока Китая и к организации их эффективного взаимодействия с

Дальним Востоком России.

О развитии регионов Северо-Востока Китая

Северо-Восток Китая долгое время считался «колыбелью» китайской индустриализации и сельскохозяйственной житницей страны. Регион выполнял важную роль в обеспечении национальной обороны, продовольственной, экологической, энергетической и промышленной безопасности. Однако в начале 2000-х гг. экономика входящих в него провинций столкнулась с рядом серьезных проблем, тормозящих темпы развития региона. Высокая доля государственного сектора в экономике северо-восточных провинций, истощение ресурсной базы моногородов, безработица, снижение конкурентоспособности ключевых производств и отток населения подтолкнули власти к определению необходимости реформирования старых промышленных баз Северо-Востока КНР. [Александрова, 2015]

Для достижения устойчивого развития региона ЦК КПК и Госсовет в 2003 г. выдвинули стратегию возрождения Северо-Востока страны. На начальном этапе этого реформирования (2003–2010 гг.) в провинциях региона наблюдался высокий рост ВРП, темпы которого исчислялись двухзначными цифрами. Но затем, начиная с 2010 г., прирост ВРП северо-восточных провинций замедлился, стали нарастать негативные структурные изменения в экономике, усилились процессы деиндустриализации регионов, проблемы оттока населения и демографии. Кроме того, на регион накладывались сложности развития ресурсно-ориентированных

городов, а также периферийное приграничное расположение большей части территории. [Чубаров, 2020] В результате доля совокупного ВРП Северо-Востока Китая в ВВП КНР стала снижаться, наблюдалось изменение этого показателя с 6,9% в 2010 г. до 4,7% в 2024 г.

Аналогичные процессы произошли в развитии всех входящих в регион провинций. Так, с 2010 г. по 2024 г. произошло снижение темпов роста ВРП провинции Хэйлунцзян с 11,7% до 3,2%, провинции Ляонин – с 10,3% до 5,1%, провинции Цзилинь – с 10,4% до 4,3%.

С 2010 г. доля промышленного сектора в экономике провинции Хэйлунцзян снизилась с 50,2% до 25,2%, в Ляонине – с 51,6% до 35,3%, а в провинции Цзилинь – с 38,7% до 31,9%.¹ В этот же период население трех провинций Северо-Востока Китая сократилось более чем на 12 млн человек. Наибольший отток населения произошел в провинции Хэйлунцзян – с 38,3 до 30,1 млн человек. [Чжан, Ван, 2023] Отметим, что падение динамики (чего?) отражало общую для страны тенденцию: ВВП КНР с 2010 г. по 2024 г. снизился с 10,6% до 5,0%.² Но в регионе падение было более сильным, чем произошедшее изменение макроэкономических показателей.

Сложившаяся ситуация определила активную позицию руководства Китая. В период с 2015 г. по 2025 г. Председатель КНР Си Цзиньпин совершил на Северо-Восток Китая (далее – СВК) 8 инспекторских визитов, итогом каждого, как правило, становились постановления ЦК КПК и Госсовета об очередных мерах по развитию макрорегиона. За период 2003–2024 гг. центральными органами власти Китая было принято более 80 документов, определяющих преференциальную политику в отношении провинций СВК. [Лю, Ван, 2024]

Это направление действий получило отражение в программных задачах, определенных руководством Китая. В частности, в октябре 2022 г. на XX съезде КПК Си Цзиньпин в своем докладе заявил, что «в области реформ, открытости и социалистической модернизации были достигнуты огромные успехи», Китай реализовал «давнюю мечту китайской нации о достижении среднего достатка... В то же время целый ряд острых противоречий и проблем, накопившихся за долгое время, требовал неотложного разрешения»³. В связи с этим лидер Китая отметил необходимость скоординированного развития регионов и призвал «способствовать... достижению новых прорывов в деле всестороннего возрождения северо-восточного региона».³

В апреле 2023 г. в Пекине прошло 20-е заседание Комитета по всестороннему углублению реформ ЦК КПК (далее – Комитет), работа которого имела важное значение для практической реализации установок недавнего партийного съезда. Открывая заседание, Си Цзиньпин (как глава Комитета) сформулировал центральную задачу: превратить «всестороннее углубление реформ в основную движущую силу модернизации в китайском стиле». [Бони, 2023] В рамках этих установок Политбюро ЦК КПК рассмотрело «мнения о некоторых системных мерах по совершенствованию нового прорыва в дальнейшем продвижении всестороннего возрождения СВК в новую эпоху». В ходе обсуждения Си Цзиньпин отметил, что главная идея возрождения СВК в новую эпоху – формирование в СВК производительных сил нового качества (далее – ПСНК), модернизация транспортной системы и сельского хозяйства на основе 5 стратегических факторов безопасности государства:

оборонная безопасность (развитие и модернизация предприятий оборонно-

¹ Доклад о развитии СВК 2023-204 под редакцией Лю Лисин, Дин Сяоянь. Пекин, Издательство Академии социальных наук, июль 2024, (Синяя книга СВК, ISBN 978-7-5228-3794-9, С. 32–33, 54–55, 69–70). Кроме этого: Национальное бюро статистики КНР. URL: <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=E0103> (дата обращения 26.06.2025)

² Национальное бюро статистики КНР. URL: <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=E0103> (дата обращения 29.04.2025)

³ Доклад 20-му Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая (полный текст) // СИНЬХУА Новости. 25 октября 2022 г. URL: <https://russian.news.cn/20221025/b32a2a0cff064246838b0999eedebaa/c.html> (дата обращения: 12.08.2024)

промышленного комплекса (ОПК), выпуск качественно новых образцов вооружений);

продовольственная безопасность (цифровизация и применение искусственного интеллекта (далее – ИИ) в сельском хозяйстве, точное земледелие);

экологическая безопасность (использование научных и технологических инноваций в области охраны окружающей среды, низкоуглеродная экономика);

энергетическая безопасность (развитие чистых источников энергии, снижение зависимости от традиционных источников энергии, использование научно-технических инноваций, обеспечение устойчивости энергоснабжения);

промышленная безопасность (модернизация и развитие традиционных отраслей обрабатывающей промышленности, внедрение научно-технических инноваций на предприятиях, автоматизация и роботизация производств, применение ИИ)⁴.

На совещании было подчеркнуто, что основой производительных сил нового качества должны стать инновационные, высокотехнологичные производства, производящие продукцию с высокой добавленной стоимостью. По замыслу руководства КНР, целями нового этапа реформации экономики СВК должны стать: модернизация промышленности; технологическое лидерство; повышение качества жизни населения макрорегиона; интеграция в глобальные и национальные экономические цепочки.

О современном этапе реализации программ развития провинций СВК

В достижении поставленных целей ключевая роль отводится региональным властям, которые должны обеспечить стратегическую поддержку дальнейшему развитию СВК, разработав собствен-

ные системные меры по поддержке внедрения научно-технических инноваций, модернизации действующих и «приземления» новых производств, развития современной транспортной инфраструктуры и крупномасштабного сельского хозяйства, создания новых высококвалифицированных рабочих мест.

С этих позиций рассмотрим современное состояние экономических систем, формирование предложений по их совершенствованию и их реализацию в провинциях Северо-Востока Китая.

Провинция Хэйлунцзян

В 2024 г. ВРП провинции Хэйлунцзян достиг 1,64 трлн юаней. Совокупный среднегодовой темп роста ВРП провинции Хэйлунцзян в период 2012–2024 гг. составлял 1,7%⁵, что ниже аналогичного показателя в среднем по КНР (5,4%).

Начиная с 2012 г., структура хозяйства провинции стала носить несбалансированный характер. В 2024 г. соотношение секторов экономики (сельское хозяйство – промышленность – услуги) составило 19,4:25,2:55,4 соответственно (для сравнения, в целом в КНР 6,8:36,5:56,7).⁶ С 2010 г. доля промышленности провинции снизилась с 50,2% до 25,2%. Эти цифры свидетельствуют о реальной потере провинцией статуса промышленного центра СВК. Одновременно с этим доля сельского хозяйства возросла с 12,6% до 19,4%. [Ставров, 2023]

Внешнеторговая квота провинции в 2024 г. составила 19% (для КНР – 34%). Внешнеторговый оборот Хэйлунцзяна в 2024 г. составил 312,3 млрд юаней (+4,85%), в том числе экспорт – 87,9 млрд юаней (+14,4%), импорт – 225,3 млрд юаней (+1,5%). Объем торговли с Россией составил почти 75%, или 234,1 млрд юаней, что на 11,2% выше уровня 2023 г.⁷

⁴ Юань Сяоцунь. Участие Си Цзиньпина в симпозиуме о всестороннем возрождении СВК в новую эпоху // Информационное агентство «Хуанцю». 09 сентября 2023 г. URL: <https://china.huanqiu.com/article/4ETNTsetdGj> (дата обращения: 29.08.2024)

⁵ Рассчитано по данным Национального статистического бюро КНР. Источник: Национальное бюро статистики КНР. URL: <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=E0103> (дата обращения: 04.06.2025)

⁶ Национальное бюро статистики КНР. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202502/t20250228_1958817.html (дата обращения: 11.05.2025)

⁷ Харбинская таможня. URL: http://harbin.customs.gov.cn/harbin_customs/467898/467900/467901/6325484/index.html (дата обращения: 29.05.2025)

Темпы роста инвестиций в экономику провинции с 2014 г. были существенно ниже, чем в среднем по стране. В 2023 г. темпы роста инвестиций имели отрицательную динамику (–14,8% по сравнению с 2022 г.), что является самым низким показателем по стране. В 2024 г. инвестиции в основной капитал провинции выросли на 6%.⁸

Вклад частного сектора провинции в экономику невысокий: около 50% ВРП провинции приходится на частный бизнес – это ниже на 10%, чем в среднем по стране,⁹ что свидетельствует о недостаточно благоприятном бизнес-климате для развития частного предпринимательства.

В период с 2010 г. по 2024 г. население провинции Хэйлунцзян сократилось с 38,3 до 30,3 млн человек¹⁰. Это связано как с естественной убылью населения, так и с миграцией населения в другие регионы КНР. С точки зрения возрастного состава, доля населения в возрасте старше 65 лет составляет 18,8%, что выше аналогичного показателя в среднем по стране. Таким образом Хэйлунцзян занимает 3 место среди самых стареющих провинций Китая. [Чжан, 2021]

Уровень бюджетной самообеспеченности провинции низкий. Начиная с 2014 г., уровень снизился с 37,9% до 24,2%, провинция занимает 28 место из 31 по данному показателю среди провинции и городов КНР.

Провинция имеет серьезную долговую нагрузку на бюджет, которая в 2022 г. возросла до 729 млрд юаней, или 45,8% от ВРП, что выше, чем в среднем по стране (29%). Главным образом это связано с низкими темпами экономического роста провинции.

Для преодоления сложившихся нега-

тивных тенденций, во исполнение руководящего курса на более эффективное возрождение СВК, власти провинции Хэйлунцзян сосредотачивают усилия на мерах по сбалансированию структуры экономики. Они направлены на реализацию Стратегии модернизации имеющегося промышленного комплекса и развития новых отраслей промышленности (так называемая Стратегия «4567»), привлечение инвестиций, создание более либеральной и ориентированной на рынок деловой среды для восстановления доверия частного капитала.

Учитывая приграничное местоположение провинции, продолжают наращивание внешнеэкономических связей и их диверсификация. В социальной сфере внимание провинциальных властей обращено на решение проблем продолжающегося оттока населения, стабилизации численности населения провинции и привлечения квалифицированных кадров из других провинций и городов.

Провинция Ляонин

В 2024 г. ВРП провинции Ляонин достиг 3,26 трлн юаней. Совокупный среднегодовой темп роста ВРП провинции Ляонин в период 2012–2024 гг. составлял 2,2%, что ниже аналогичного показателя в среднем по КНР (5,4%).

Начиная с 2012 г., структура экономики постепенно меняется. В 2024 г. соотношение секторов экономики (сельское хозяйство – промышленность – услуги) составило 7,9:35,3:56,9¹¹ соответственно (в целом в КНР 6,8:36,5:56,7). С 2012 г. по 2024 г. доля промышленности снизилась с 47,9% до 35,3%, доля сельского хозяйства сократилась с 10,3% до 7,9%. Одновременно с этим, доля сферы услуг возросла с 41,8% до 56,9%. Рост доли сферы услуг, проходящий на фоне структурной

⁸ Статистическое бюро провинции Хэйлунцзян. URL: https://tjj.hlj.gov.cn/tjj/c106779/202504/c00_31830865.shtml (дата обращения: 19.05.2025)

⁹ Цзян Ф. Аналитический доклад об экономике провинции Хэйлунцзян // Информационно-аналитический портал sina.com.cn. 27 октября 2023 г. URL: <https://finance.sina.cn/zl/2023-10-27/zl-imzspazs5374254.d.html> (дата обращения: 21.05.2025)

¹⁰ Национальное бюро статистики КНР. URL: <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=E0103> (дата обращения: 26.05.2025)

¹¹ Статистическое бюро провинции Ляонин. URL: <https://tjj.ln.gov.cn/uiFramework/js/pdfjs/web/viewer.html?file=/tjj/attachDir/2025/03/2025033115090391807.pdf> (дата обращения: 03.06.2025)

перестройки промышленного сектора, отражает тенденцию ускорения развития в провинции IT-сектора экономики, формирования цифровых кластеров.

Согласно Национальному статистическому бюллетеню провинции Ляонин за 2024 г., рост добавленной стоимости в промышленности составил 3,1%.¹¹ Ключевыми отраслями в структуре промышленности являются производство машин и оборудования, а также нефтехимическая промышленность, на долю которых приходится 28,8% и 32,4% соответственно. Темпы прироста валовой продукции в указанных отраслях в 2024 г. составили 9,1% и 4,9% соответственно, что выше средних общенациональных.

Инвестиции в основной капитал в 2024 г. увеличились на 5,3%. Наибольшая инвестиционная активность – в секторе высокотехнологической промышленности, где рост составил 17,8%, в том числе инвестиции в производство высокотехнологического медицинского оборудования выросли в 5 раз, а в производство авиационного и космического оборудования увеличилось на 68%.

Внешнеторговая квота провинции – 23,4% (КНР – 34%). Объем внешней торговли провинции в 2024 г. составил 763 млрд юаней (- 0,5%), в том числе экспорт – 377,6 млрд юаней (+6,8%), импорт – 385,3 млрд юаней (-6,7%). Доля торговли с Россией составила около 5%, или 37,7 млрд юаней, что на 31% ниже уровня 2023 г.¹²

Вклад частного сектора провинции в экономику составляет около 75%, что превышает средний показатель по КНР¹³. Вместе с тем провинциальные власти продолжают уделять особое внимание формированию благоприятного предпринимательского климата в регионе.

С 2010 г. по 2022 г. сокращение населения провинции совокупно составило более 760 тыс. человек. Темпы естественного прироста населения Ляонина в течение последних десяти лет оставались практически отрицательными. Доля населения старше 65 лет в провинции Ляонин составляет 17,42%. В 2023 г. впервые за 10 лет миграционный приток в провинцию составил 86 тыс. человек, что свидетельствует об улучшении социально-экономической ситуации в провинции. Вместе с тем естественная убыль населения достаточно высокая: в 2024 г. население провинции сократилось на 0,65% по отношению к 2023 г. и составило 41,55 млн человек¹⁴.

Уровень бюджетной самообеспеченности в провинции Ляонин всегда был намного ниже, чем в среднем по стране. В 2022 г. уровень достиг своего самого низкого значения почти за десятилетие и составил 40,4%, но в 2023 г. вырос на 1,5 п. п. до 41,9%¹⁵.

Долговая нагрузка бюджета провинции Ляонин в 2022 г. составила 37,89%, что немного выше среднего показателя по провинциям и городам страны (29,04%).

В целях ускорения позитивных процессов в экономике провинции Ляонин, учитывая географическое положение, наличие крупных морских портов, провинциальные власти Ляонина планируют активнее использовать опыт развития южнокитайских прибрежных городов, внедрять инновации в систему и механизмы управления (новые экспериментальные преференциальные режимы, цифровизацию управления и др.). Акцент будет сделан на модернизацию традиционной промышленности, на внедрение «умных заводов» (smartfactories) на

¹² Шэньянская таможня. URL: http://shenyang.customs.gov.cn/shenyang_customs/zfxxgk4391/fdzdgknr57/bgtj98/3420901/2024/6328074/6328075/6328120/index.html (дата обращения: 21.05.2025)

¹³ Цзян Ф. Аналитический доклад об экономике провинции Ляонин // Информационно-аналитический портал sina.com.cn. 11 июля 2023 г. URL: <https://finance.sina.com.cn/zt/china/2023-07-11/zt-imzaiiwi4066062.shtml> (дата обращения: 27.05.2025)

¹⁴ Национальное бюро статистики КНР. URL: <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=E0103> (дата обращения: 06.05.2025)

¹⁵ Цзян Ф. Аналитический доклад об экономике провинции Ляонин // Информационно-аналитический портал sina.com.cn. 11 июля 2023 г. URL: <https://finance.sina.com.cn/zt/china/2023-07-11/zt-imzaiiwi4066062.shtml> (дата обращения: 04.06.2025)

базе ИИ, Интернета вещей (IoT) и робототехники при модернизации ключевых и стратегических отраслей промышленности, которыми определены авиа- и судостроение, промышленность новых материалов, производство промышленных роботов и интеллектуальное станкостроение, зеленая энергетика, биотехнологии и фармацевтика. [Юй, Цао, 2023]

Власти провинции продолжают поддерживать и стимулировать частный бизнес, привлекать частных инвесторов. Провинция Ляонин будет стремиться осуществлять перенос на свою территорию высокотехнологичной промышленности из южных регионов страны. Также власти провинции нацелены на повышение уровня и качества системы образования, формирование высококвалифицированных рабочих мест, что положительно будет влиять на демографическую ситуацию.

Усилия руководства провинции также будут направлены на интеграцию экономических субъектов в национальные и международные проекты. Создание зоны свободной торговли в г. Даляне, развитие Морского шелкового пути, формирование экономической зоны «Бохай – Хэбэй – Шаньдун – Пекин» являются основными мерами в данном направлении.

Провинция Цзилинь

В 2024 г. ВРП провинции Цзилинь составил 1,43 трлн юаней. Вместе с тем с 2012 г. по 2024 г. совокупный среднегодовой темп роста ВРП провинции Цзилинь составлял 1,53% (средний по КНР – 5,4%).

В 2024 г. соотношение секторов экономики (сельское хозяйство – промышленность – услуги) составило 11,1:31,9:57,0 соответственно (в целом в КНР 6,8:36,5:56,7). За 11 лет доля сельского хозяйства незначительно снизилась на 2,6 п. п., услуги выросли с 34,8 пунктов в 2012 г. до 57,0 пунктов в 2024 г., одновременно с этим доля промышленности за период сократилась с 38,2 пунктов до 31,9 (справочно: в 2012 г. соотношение

составляло 13,7:38,2:48,0)¹⁶.

Рост валовой добавленной стоимости промышленной продукции в 2024 г. составил 4,1%. Наибольший рост добавленной стоимости отмечен в производстве промышленного оборудования – 13,2%. Одновременно с этим 6 ключевых отраслей в совокупности выросли незначительно – на 0,9%.

Внешнеторговая квота Цзилинь – 11,8% (КНР – 34%). Объем внешней торговли провинции в 2024 г. составил 176,4 млрд юаней (5,1%), в том числе экспорт – 67,7 млрд юаней (+8%), импорт – 108,7 млрд юаней (3,4%). Доля торговли с Россией составила 15,4%, или 27,2 млрд юаней, что на 8,5% ниже уровня 2023 г.¹⁷

В 2024 г. инвестиции в основной капитал провинции выросли незначительно – на 0,7% по сравнению с предыдущим годом. Наибольший рост в секторе гос-теприимства (строительство гостиниц и объектов общественного питания) – 59,1% и в сельском хозяйстве – 41%. Инвестиции в обрабатывающую промышленность выросли на 22%, в энергетическую инфраструктуру – на 0,2%. Наряду с этим динамика инвестиций в добывающей отрасли отрицательная, снижение составило 0,2%; инвестиции в строительство сократились на 90,9%, в финансовую сферу – на 66%¹⁷.

Доля частной экономики в ВРП провинции в 2022 г. составляла около 53%, что ниже среднего показателя по стране.

Начиная с 2010 г., население провинции сократилось на 4 млн человек и в 2024 г. составило 23,1 млн человек (- 1,3% к 2023 г.). Вместе с тем в 2023 г. был отмечен миграционный прирост 43,4 тыс. человек. Доля населения в возрасте старше 65 лет составляет 18,6%.

Уровень бюджетной самообеспеченности провинции Цзилинь в 2022 г. составил 24,4% (27 место из 31 среди провинции). В 2022 г. долговая нагрузка на бюджет провинции возросла до 54,8% от ВРП, что выше, чем в среднем по стра-

¹⁶ Статистическое бюро провинции Цзилинь. URL: http://tjj.jl.gov.cn/tjsj/tjgb/ndgb/202503/t20250324_3419691.html (дата обращения: 29.05.2025)

¹⁷ Чанчуньская таможня. URL: http://changchun.customs.gov.cn/changchun_customs/zfxcgk4846/3010576/4960753/3010754/6325518/index.html (дата обращения 02.06.2025)

не (29%). Главным образом это связано с низкими темпами экономического роста провинции.

Учитывая продолжающуюся потерю населения и его старение, невысокий уровень бюджетной обеспеченности, слабую жизнеспособность частного сектора экономики, правительство провинции Цзилинь сосредоточится на оптимизации бизнес-среды, развитии новых отраслей и якорных производств, используя преимущества региональных ресурсов. Будут предприняты меры по наращиванию налоговой базы провинции, развитию экспортоориентированных производств и международных транспортных коммуникаций.

В целом политика Пекина в отношении северо-восточных провинций Китая нацелена на изменение промышленной структуры экономики, развитие высокотехнологичных отраслей и производств с высокой добавленной стоимостью, формирование современной системы высшего образования, комфортной среды для бизнеса и проживания населения.

О политике межгосударственного сотрудничества в СВК

Особое место в системе развития Северо-Восточного Китая имеет организация приграничного сотрудничества с Дальним Востоком России. Макрорегионы, имеющие общую протяженную (более 4 тыс. км) сухопутную границу, являются экономическими «фронтами» и транспортными «воротами» для двух стран. Основной грузооборот взаимной торговли проходит через 19 пропускных пунктов, расположенных на дальневосточной границе. В этих условиях региональное сотрудничество Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая получило опережающее развитие, играет важную роль в реализации национальных стратегий России и Китая, содействии экономическому развитию приграничных районов двух стран, обеспечении безопасности границ и социальной стабильности.

В условиях взаимодополняемости двустороннее сотрудничество между российским Дальним Востоком и Северо-Востоком КНР стало совместным «мейн-стримом» двух стран. В октябре 2009 г.

руководителями двух стран была одобрена «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востоком Китайской Народной Республики (2009–2018)», которая была направлена на реализацию конкретных проектов в таких областях, как транспорт, трудовые ресурсы, туризм, гуманитарный обмен и защита окружающей среды. Программа была нацелена на совместное создание новых транспортных коридоров, запуск трансграничного сообщения, дальнейшее укрепление регионального сотрудничества в области науки и технологий, туризма, охраны окружающей среды и гуманитарных наук. Кроме этого, документ формировал условия для содействия региональному сотрудничеству в крупномасштабных инвестиционных проектах. [Дяо, 2022]

Ещё одним важным направлением экономического сотрудничества между дальневосточными субъектами России и северо-восточных провинций Китая стало сопряжение инициативы «Пояс и путь» с Евразийским экономическим союзом и развитием Северного морского пути. В 2015 г. Китай и Россия опубликовали «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути». Кроме того, в качестве важного дополнения к инициативе «Пояс и путь» был разработан проект «Ледяной Шелковый путь» в интересах развития региона в координации с Дальним Востоком России, направленный на содействие инфраструктурной связанности и региональной экономической интеграции. [Ли, Ян, Чжоу, 2025]

В ходе реализации Программы сотрудничества... (2009–2018) Северо-Восточный Китай и Дальний Восток России достигли определенного прогресса в развитии приграничной инфраструктуры и торговли, но в целом практический эффект её реализации был незначительным. В связи с этим в «Программу развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инве-

стиционной сферах на Дальнем Востоке Российской Федерации (2018–2024 гг.)» были внесены «технические» изменения, которые дополнительно уточняли проекты и категории сотрудничества.

Заключение

Для стимулирования взаимных инвестиций в 2024 г. главы правительств РФ и КНР подписали План российско-китайского инвестиционного сотрудничества, а по линии профильной межправительственной комиссии осуществляется сопровождение порядка 80 сов-

местных проектов на сумму более 200 млрд долларов. По мере достижения этих целей будет наращиваться экспортный потенциал китайских компаний в сфере производства высокотехнологичной продукции, осуществляться включение приграничных территорий Китая и России в эффективные производственные цепочки, ре-ализация взаимовыгодных интегральных проектов, способствующих реализации программ развития Северо-Восточного Китая и Дальнего Востока России.

Список источников:

1. Ли Тяньцзы, Ян Цзинкан, Чжоу Чантун. Региональное сотрудничество Северо-Восточного Китая и Дальнего Востока России: историческая основа, практические вызовы и перспективы развития // Журнал «Российское китаеведение». №1 (10). 2025. С. 6–25. DOI: 10.48647/ISSA.2025.69.74.002
2. Лю Шуан, Ван Шицюань. Оценка и исследование процесса всестороннего возрождения Северо-Восточного Китая // Исследование местных финансов. Выпуск 2, 2024. С. 63–78).
3. Чубаров, И. Г. Госпрограммы регионального развития КНР в историческом контексте // Журнал Восточная Азия: факты и аналитика. Выпуск 2, 2020. С. 26. DOI:10/24411/2686-7702-2020-10022 EDN: JTV DVS
4. Бони, А. Д. О мерах КНР по реализации решений XX съезда КПК // Аналитические записки ИКСа РАН. Выпуск 4, 2023. Гл. 1. С. 11. DOI: 10.48647/ISSA.2023.52.44.002 EDN: LENMVD
5. Чжан Липин, Ван Гуанчжоу. Исследование особенностей и важных проблем отрицательного прироста населения на северо-востоке Китая // Журнал социальных наук. Выпуск 2, 2023. С. 136–138. ISSN:1001-6198
6. Юй Мяоцзе, Цао Цзянь. Анализ развития частной экономики на северо-востоке Китая // Журнал Исследование строительства национальной модернизации. Выпуск 4, 2023. С. 81–82).
7. Ставров, И. В. Тенденции экономического развития Северо-Восточного региона КНР (2015–2022 гг.) // Труды ИИАЭ ДВО РАН. Том 42. С. 26–29. DOI: 10.24412/2658-5960-2023-42-22-34 EDN: ROPEML
8. Александрова, М. М. Политика возрождения старой промышленной базы Северо-Восточного Китая // Проблемы Дальнего Востока, Выпуск 3, 2015. С. 84–85.
9. Дяо Сюхуа. Экономическое сотрудничество Северо-Восточного региона Китая и ДВ России в новых условиях: состояние, возможности и предложение // Теоретическая экономика. № 1, 2022. С. 71 DOI:10.52957/2221360_2022_1_70
10. Чжан Липин. Исследование ловушки низкой рождаемости в Северо-Восточном Китае // Серная теория. Выпуск 4, 2021. С. 66–67.

References:

1. Li Tianzi, Yang Jingkan, Zhou Changtong. (2025) Regional Cooperation between Northeast China and the Russian Far East: Historical Basis, Practical Challenges, and Development Prospects. *Journal of Russian Sinology*, no. 1 (10), pp. 6–25. DOI: 10.48647/ISSA.2025.69.74.002 (in Russ.).
2. Liu Shuang, Wang Shiquan. (2024) Assessment and Research of the Process of Comprehensive Revival of Northeast China. *Research of Local Finance*, is. 2, pp. 63–78

(in Chinese).

3. Chubarov, I. G. (2020) State Programs for Regional Development of the PRC in the Historical Context. *Journal of East Asia: Facts and Analytics*, is. 2, pp. 26. DOI:10/24411/2686-7702-2020-10022 EDN: JTVDVS (in Russ.).

4. Boni, L. D. (2023) On China's Measures to Implement the Resolutions of the Twentieth Congress of the CPC. *Analytical Notes of the ICCA RAS*, is. 4, ch. 1, pp. 11. DOI: 10.48647/ICCA.2023.52.44.002 EDN: LENMVD (in Russ.).

5. Zhang Liping, Wang Guangzhou. (2023) A Study on the Features and Important Problems of Negative Population Growth in Northeast China. *Journal of Social Sciences*, is. 2, pp. 136–138 (in Chinese).

6. Yu Miaojie, Cao Jian. (2023) Analysis of the Development of the Private Economy in Northeast China. *Journal of Research of the Construction of National Modernization*, is. 4, pp. 81–82 (in Chinese).

7. Stavrov, I. V. (2023) Trends in Economic Development of the Northeastern Region of China (2015–2022). *Proceedings of the Institute of Analytical Ethnography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*, vol. 42, pp. 26–29. DOI: 10.24412/2658-5960-2023-42-22-34 EDN: ROPEML (in Chinese).

8. Aleksandrova, M. M. (2015) Policy for the Revival of the Old Industrial Base of Northeast China. *Problems of the Far East*, is. 3, pp. 84–85 (in Russ.).

9. Diao Xiuhua. (2022) Economic Cooperation between the Northeastern Region of China and the Russian Far East in the New Conditions: Status, Opportunities, and Supply. *Theoretical Economics*, no. 1, pp. 71. DOI:10.52957/2221360_2022_1_70 (in Russ.).

10. Zhang Liping. (2021) A Study on the Low Fertility Trap in Northeast China. *Sulfur Theory*, is. 4, pp. 66–67.

Статья поступила в редакцию 02.07.2025; одобрена после рецензирования 14.08.2025; принята к публикации 18.08.2025.

The article was submitted 02.07.2025; approved after reviewing 14.08.2025; accepted for publication 18.08.2025.

Информация об авторе

М. А. Тарасов – первый секретарь Представительства МИД России в г. Хабаровске.

Information about the author

M.A. Tarasov – the First Secretary, the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, representative office in Khabarovsk.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: СТРАТЕГИИ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

Научная статья
УДК 330.354(571.6)
<https://elibrary.ru/CMYQYE>

Место и роль трансфера технологий в научно-технологическом развитии Дальнего Востока России

Владимир Филиппович Ефременко

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия
efremenko-vf@ranepa.ru; vladfilef@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4457-5653>

Аннотация. Новый исторический этап освоения Дальнего Востока России, сутью которого является переход к высокотехнологичному инновационному типу развития экономики и социальной сферы, должен быть обеспечен непрерывным поступлением в хозяйственный оборот новейших перспективных к внедрению и экономически эффективно применению результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Однако собственная сфера научных исследований и разработок Дальневосточного макрорегиона составляет крайне незначительную долю в научном и технологическом потенциале России, распределенном по территории страны крайне неравномерно. Дальний Восток занимает одно из последних мест в стране по способности генерировать изобретения и новые полезные модели. В этих условиях возрастает роль системы трансфера технологий, которая должна быть организована таким образом, чтобы осуществлять в короткие сроки передачу результатов исследований, полученных в ведущих научных центрах страны, в периферийные регионы, неспособные к самостоятельному проведению результативных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, но располагающих достаточным кадровым, промышленным, энергетическим, транспортным потенциалом для их экономически эффективного применения. Существующие в России центры трансфера технологий не предназначены для решения таким образом сформулированной задачи. Предлагается новая форма организации трансфера, дополненная функциями ранее успешно работавших центров научно-технической информации.

Ключевые слова: научно-технологическое развитие, Дальний Восток России, центры трансфера технологий

Для цитирования: Ефременко, В. Ф. Место и роль трансфера технологий в научно-технологическом развитии Дальнего Востока России // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 3 (112). С. 18–28. EDN: CMYQYE

Place and Role of Technology Transfer in the Scientific and Technological Development of the Russian Far East

Vladimir F. Efremenko

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA, Khabarovsk, Russia
efremenko-vf@ranepa.ru; vladfilef@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4457-5653>

Abstract. *A new historical stage in the development of the Russian Far East, the essence of which is transition to a high-tech, innovative type of economic and social development, should be ensured by the continuous entry into the economic turnover of the latest, promising for introduction and cost-effective use of results of the research and development work. However, the own sphere of scientific researches and development of the Far-Eastern macro-region is an extremely insignificant share in the scientific and technological potential of Russia, distributed extremely unevenly throughout the country. The Far East is one of the last places in the country in terms of its ability to generate inventions and new useful models. In these conditions, the role of technology transfer system is growing, which should be organized in such way as to transfer in a short time the results of researches obtained in the leading scientific centers of the country to peripheral regions that are unable to carry out independently the effective research and development work, but have the sufficient personnel, the industrial, energy, transport potential for their cost-effective application. The technology transfer centers existing in Russia are not intended to solve this formulated problem. A new form of transfer organization is proposed, supplemented by functions of the previously successfully operating centers of scientific and technical information.*

Keywords: *scientific and technological development, the Russian Far East, technology transfer centers*

For citation: Efremenko, V. F. (2025) Place and Role of Technology Transfer in the Scientific and Technological Development of the Russian Far East. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 3 (112), pp. 18–28. EDN: CMYQYE

Актуальность проблемы

Преимуществами наблюдаемого в мире взрывного технологического роста, охватившего все отрасли и сферы хозяйственной деятельности, в полной мере пользуются только те страны и регионы, которые способны обеспечивать выстраивание полной технологической цепочки – от генерации нового знания до его опережающего внедрения в производство и успешного вывода продукции на рынок. В этих странах и регионах на основе качественного изменения структуры экономики и социальной сферы повышается степень удовлетворенности населения всей совокупностью условий проживания и возможностями собственного саморазвития, что находит свое от-

ражение в демографических показателях естественного и механического движения. И наоборот – страны и регионы, специализирующиеся на добыче сырья и (или) тиражировании продукции массового спроса, не располагающие высокотехнологичными, наукоемкими секторами хозяйства, ограничены в привлечении высококвалифицированных работников, допускают «утечку мозгов», что еще больше снижает возможности и перспективы их будущего развития. Нарастающее отставание стран и регионов сырьевой специализации иллюстрируется феноменом возникновения отрицательной корреляции, отмеченной О. С. Сухаревым [Сухарев, 2011. С. 23], между высокими темпами роста доходов от добычи полез-

ных ископаемых и ухудшением состояния социальной сферы, сопровождаемым формированием выездных миграционных потоков. Подобная ситуация наблюдалась на Дальнем Востоке России с 2010 г., когда опережающие средние по стране показатели роста экономики, обусловленные преимущественно наращиванием объемов добычи сырьевых ресурсов, сопровождались устойчивым миграционным оттоком населения.

В 2025 г. на X Восточном экономическом форуме Президент Российской Федерации В. В. Путин сказал о переходе к новому историческому этапу освоения Дальневосточного макрорегиона, суть которого в том, чтобы «опираясь на достигнутые результаты в добывающей и обрабатывающей промышленности, ... сделать территорию всего Дальнего Востока именно территорией, где будут развиваться высокотехнологичные проекты»¹, что приведет к кардинальному улучшению всей среды для жизни.

В достижении цели, сформулированной таким образом, предстоит преодолеть существующее значительное отставание Дальнего Востока от других регионов страны в развитии науки, высоких технологий и инноваций.

Решение этой задачи должно быть найдено на основе теоретически правильного представления движущих сил инновационной экономики, на основе анализа их фактического состояния в регионах Дальнего Востока и обоснования путей преодоления технологического отставания макрорегиона.

Методология и методы исследования

Инновационная (постиндустриальная, информационная и т. д.) экономика по составу своих движущих сил и типу складывающихся между ними отношений фундаментально отличается от предыдущих формаций – индустриальной и доиндустриальной (аграрно-сырьевой). Как образно отметил Президент Российской Федерации В. В. Путин: «... в современных условиях это нельзя сделать так, как

это делали в советское время. И даже нельзя делать так, как это делали при Столыпине...Тогда главным средством производства была земля, а теперь главное средство производства – мозги»². Инновационной экономике «присущи своя форма и структура богатства, собственные критерии оценки эффективности накопления. То, что считается ростом в традиционной экономике, не является таковым в современных условиях, поскольку не всякий экономический рост основан на инновациях и поэтому не приводит к инновационному развитию» [Валентей, 2005. С. 132].

Инновационный тип воспроизводства характеризуется тем, что «каждый акт расширенного воспроизводства является проводником в экономику научно-технических нововведений, обладающих высоким потенциалом эффективности... Инновационные процессы в таких условиях превращаются в важнейший структурообразующий компонент макроэкономических систем...» [Структурная трансформация..., 2007. С. 12]. Актам принятия решений о направлении ресурсов в те или иные проекты предшествуют научные исследования и разработки. Они же обеспечивают социальную и экономическую эффективность инвестиций.

Результативное выращивание технологических компаний, осуществляющих производство и реализацию новой продукции на основе полученных результатов интеллектуальной деятельности (далее – РИД), происходит в процессе противоречивого взаимодействия элементов национальной (региональной) инновационной системы, целью которой, составляющей ее предназначение, является коммерциализация РИД [Кук, 2012. С.244].

Минимально необходимую структуру элементов, достаточных для претворения нового знания в востребованный на рынке продукт, определил еще Й. Шумпетер – изобретатель, предприниматель и финансист [Шумпетер, 2007. С.141]. Соответствующие этим субъектам эле-

¹ Пленарное заседание X Восточного экономического форума 5 сентября 2025 года. URL: / <http://www.kremlin.ru/events/president/news/77927> (дата обращения 10.09.2025).

² Пленарное заседание XXVI Санкт-Петербургского международного экономического форума, 7 июня 2024 года. URL: // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74234> (дата обращения 12.08.2025)

менты инновационной системы – подсистемы генерации нового знания (лаборатории, R&D компании), производства (технологические компании), финансирования (венчурные, посевные фонды) – связываются между собой институтами инновационной инфраструктуры (бизнес-инкубаторы, технопарки, центры трансфера технологий и др.), которые составляют четвертый необходимый элемент инновационной системы [Ефременко, 2019. С. 65]. Отсутствие хотя бы одного из элементов системы прекращает ее существование по определению и делает невозможным множественное повторение процессов создания технологических компаний, хотя не исключает отдельные, единичные случаи возникновения и успешной реализации инновационных проектов.

Инновационная экономика подразумевает постановку «на поток» процессов претворения РИД в востребованные на рынке продукты и услуги, в связи с чем возникает необходимость организации работы всех четырех обязательных элементов инновационной системы.

Элементы системы должны быть соразмерны друг другу, а их количественные и качественные характеристики являются производными от подсистемы генерации новых знаний. Потенциально возможный объем РИД, вовлекаемых в хозяйственный оборот, задает экономически целесообразную величину рискованного капитала (средств посевных, венчурных фондов), а также необходимое количество бизнес-инкубаторов и технопарков. Будучи начальным, исходным пунктом инновационного цикла, результаты научных разработок, получившие статус интеллектуальной собственности (далее – ИС) и предназначенные для коммерциализации, определяют размеры инновационной экономики в регионе и дальнейшие возможности научно-технологического и социально-экономического развития

территориального образования.

Результаты исследования

Повышение значимости научно-технологической компоненты социально-экономического развития сталкивается с проблемой высокой дифференциации по территории России не только естественно-географического, социально-экономического, но и технологического пространства. Как было отмечено в вышедшей на рубеже тысячелетий коллективной монографии «Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики», «Российская экономика по сравнению с экономикой наиболее развитых стран характеризуется существенно меньшей однородностью технологического пространства. Это означает, что передача нововведений с верхних уровней на нижние существенно затруднена, если не невозможна (слишком велик технологический разрыв). В этом аспекте обеспечение большей эффективности инновационных процессов в российской экономике во многом тождественно достижению большей однородности технологического пространства» [Путь..., 1999. С. 393].

В Российской Федерации активные технологические преобразования проводятся с 2012 г., после законодательного утверждения в 2011 г. нормативно-правовой базы инновационной деятельности³ и принятия Стратегии инновационного развития РФ⁴.

В то же время закрепленный Стратегией «переход экономики на инновационную социально ориентированную модель развития»⁴ осуществляется неравномерно по территории страны, причем эта технологическая неравномерность экономического пространства оказывает определяющее влияние на формирование миграционных потоков, отчетливо тяготеющих к центрам научно-технологического, инновационного развития [Ефременко, 2020. С. 118]. Дальний Восток значитель-

³ Федеральный закон «О внесении изменений в федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» [Электронный ресурс]: 21 июля 2011 года, N 254-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

⁴ Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс]: Утверждена распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. N 2227-р. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»

но отстает от других регионов страны по своему научно-технологическому развитию, что является основным фактором оттока населения с этой территории, прежде всего высококвалифицированных, высокообразованных кадров [Ефременко, 2022. С. 104]. Необходимость стабилизации населения на Дальнем Востоке требует доведения основных параметров технологического, инновационного развития макрорегиона хотя бы до уровня средних по стране.

В сфере генерации нового знания, являющейся фундаментом инновационной экономики, существует значительный разрыв в характеризующих ее основных показателях по Дальнему Востоку и в целом по стране.

Способность проживающего на территории населения к организации процессов разработки новых продуктов и технологий прямо зависит от уровня его образования и квалификации, а также успешности организации в регионе процессов по «выращиванию талантов». Соответственно, численность студентов вузов и их доля в структуре постоянного населения может рассматриваться как один из показателей, отображающих потенциальную возможность и готовность региона к построению экономики нового типа. На Дальнем Востоке доля населения, имеющего высшее образование, а также проходящего обучение в высших учебных заведениях, ниже, чем в среднем по Российской Федерации. Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры, на 10000 человек населения составила в 2023–2024 учебном году 296 человек в среднем по Российской Федерации и 225 человек по Дальневосточному федеральному округу (далее – ДФО), что в 1,3 раза меньше⁵. Но и эти выпускники вузов не все остаются в макрорегионе. Во всех субъектах Российской Фе-

дерации, расположенных на территории Дальнего Востока, наблюдается устойчивое отрицательное сальдо миграции лиц, имеющих высшее образование, в том числе ученые степени кандидата и доктора наук. За период 2011–2023 гг. доля лиц с высшим образованием в общем суммарном сальдо миграции населения в возрасте 14 лет и старше превысила 40%⁶. В то же время, согласно Переписи населения 2020 г.⁷, доля лиц с высшим образованием в возрастной группе 15 лет и старше населения ДФО составляет вдвое меньшую величину (19,5%), что указывает на ускоренное «вымывание» высокообразованных кадров с Дальнего Востока и еще больше снижает возможности его научно-технологического и социально-экономического развития.

Работа институтов по выработке нового научного знания может быть охарактеризована величиной внутренних затрат на научные исследования и разработки, проводимые научными организациями. На Дальнем Востоке этот показатель в 2023 г. составил незначительную величину в 1,5% от суммарных затрат по Российской Федерации. За период 2010–2023 гг. объем внутренних затрат на научные исследования и разработки увеличился в целом по Российской Федерации в 3,2 раза, тогда как по Дальнему Востоку только в 2,4 раза, со значительным отставанием от общероссийских темпов роста.⁸

Научные исследования подразделяются по своему типу на фундаментальные, прикладные исследования и научные разработки. Фундаментальные исследования направлены на получение новых знаний в виде гипотез, теорий, методов и т. д. без какой-либо конкретной цели, связанной с использованием этих знаний. Прикладные исследования представляют собой поиск возможных путей использования результатов фундаментальных исследований в целях решения

⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели 2024 г. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 20.08.2025).

⁶ Численность и миграция населения Российской Федерации URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения 20.08.2025).

⁷ Всероссийская перепись населения 2020 года. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения 20.08.2025).

⁸ Регионы России. Социально-экономические показатели 2024 г. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 20.08.2025).

конкретных практических задач. Разработки, основанные на результатах проведенных исследований, направлены на производство новых или усовершенствование существующих продуктов и процессов. В целом по Российской Федерации 2/3 текущих затрат осуществляется на проведение разработок, примерно втрое меньшие суммы направляются на прикладные исследования и фундаментальные исследования. Противоположные пропорции, показывающие полное отсутствие приоритетности разработок, наблюдаются в структуре финансирования научной деятельности в Дальневосточном макрорегионе. Почти две трети затрат приходится на проведение прикладных исследований, около четверти – на фундаментальные исследования и только около 10% – на разработки. Отметим, что непосредственный переход от науки к инновациям, представляющим собой коммерциализацию научных знаний, осуществляется на стадии разработок. На Дальнем Востоке долю этого вида научной деятельности, при том что по стране он занимает лидирующее положение, можно считать ничтожно малой (0,04% от суммы общероссийских затрат), что снижает возможности дальневосточной науки к переводу производимого нового знания в сферу практического использования.

Введение в хозяйственный оборот результатов интеллектуальной деятельности осуществляется через признание имущественных прав автора на объекты интеллектуальной собственности. Осно-

ванием для получения прав собственности на объект РИД является получение соответствующего патента на изобретение, полезную модель, промышленный образец. Для характеристики уровня изобретательской активности в регионе или стране в статистике применяется относительный показатель – коэффициент изобретательской активности, определяемый как число поданных резидентами в патентное ведомство страны заявок на объекты ИС в расчете на 10 тыс. человек постоянного населения. Из них с точки зрения оценки инновационных ресурсов региона особое значение имеют такие объекты ИС, как изобретения и полезные модели, которые характеризуют уровень технологического потенциала конструкторских разработок и их конкурентоспособность. Динамика коэффициентов изобретательской активности (суммарно по показателям подачи заявок на изобретения и полезные модели) федеральных округов России, представленных в годовых отчетах Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатента), показана в таблице 1.

Дальневосточный федеральный округ занимает предпоследнее место среди федеральных округов Российской Федерации, имея критично низкий (менее единицы) уровень изобретательской активности при обозначившихся незначительных тенденциях к улучшению ситуации.

Низкая «ресурсная база», под которой подразумевается количество и качество РИД, предлагаемых к экономически эффективному использованию в практике,

Таблица 1

Коэффициент изобретательской активности по федеральным округам Российской Федерации, рассчитанный по числу заявок на изобретение и полезную модель в расчете на 10 тыс. чел. населения, в 2019–2023 гг.

№ п/п	Федеральный округ	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
	Российская Федерация	2,25	2,22	1,95	1,87	2,07
1.	Центральный	3,7	3,48	3,14	2,91	3,16
2.	Северо-Западный	3,68	4,53	2,38	2,41	2,62
3.	Приволжский	1,83	1,75	1,80	1,75	2,01
4.	Сибирский	1,68	1,55	1,58	1,49	1,63
5.	Уральский	1,39	1,28	1,42	1,20	1,50
6.	Южный	1,28	1,19	1,17	1,14	1,28
7.	Дальневосточный	0,83	0,74	0,75	0,77	0,86
8.	Северо-Кавказский	0,52	0,53	0,53	0,52	0,63

Источник: [Александрова и др., 2024. С.17].

не способна сформировать достаточный объем привлекательных инвестиционных предложений для вложения капитала, что является одной из основных причин устойчивого отставания ДФО по показателю доли инвестиций, направленных на реконструкцию и модернизацию, в общем объеме инвестиций в основной капитал, от средних по России значений.⁹

Заключительная стадия инновационного цикла происходит в компаниях, осуществляющих производство и реализацию товаров и услуг. Среди них удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, в 2023 г. в ДФО был в 1,6 раз меньше среднего по стране значения, уровень инновационной активности организаций в 1,8 раз ниже и, как результат, объем инновационных товаров, работ, услуг в процентах от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг был меньше в 3,2 раза среднероссийского показателя.¹⁰ Конечный результат инновационной деятельности крайне незначителен, что прямо связано с состоянием подсистемы генерации нового знания – низким научным, изобретательским потенциалом макрорегиона.

Нарастить мощности региональной сферы научных разработок в короткие сроки невозможно – научные школы складываются десятилетиями. Производство и распространение значимых результатов интеллектуальной деятельности становится возможным в ходе открытого личного общения ученых различного статуса, проводящих научно-исследовательские работы под руководством признанного научного лидера.

В то же время распространение научного знания может осуществляться двумя принципиально различными путями, обусловленными его разделением на два вида: формализованное и неформализованное знание. Для передачи неформализованного знания необходимо поддержание творческой среды, непосредственного социального взаимодействия, в ходе которого генерируются и защища-

ются научные идеи и одновременно вырабатываются новые кадры молодых исследователей. Тогда как «формализованное знание представляет собой знание в конкретной, четкой форме, оно может быть сохранено и может передаваться в неизменном виде без социального контакта» [Клеева, 2024. С. 56].

Подавляющая часть РИД, предназначенных для практического использования в производстве товаров и услуг, кодируется в текстах, формулах, чертежах и способна передаваться на значительные расстояния без личного контакта изобретателя и предпринимателя, что позволяет обеспечить поступление результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (далее – НИОКР) в Дальневосточный макрорегион через систему центров трансфера технологий (далее – ЦТТ), которая приобретает особую значимость в условиях необходимости научно-технологического развития ДФО.

Трансфер результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских работ, выполненных в ведущих российских и зарубежных институтах, в периферийные регионы может проводиться через внутриотраслевую, внутрифирменную систему передачи знаний и технологий или путем приобретения соответствующих лицензий на рынке ИС.

Для Дальнего Востока характерен путь, когда крупные вертикально интегрированные компании, создающие свои производственные подразделения на Дальнем Востоке, передают этим подразделениям для практического использования необходимую конструкторскую и технологическую документацию, сохраняя права владения интеллектуальной собственностью в головной организации. По такой схеме осуществляется производство практически всей продукции отраслей специализации, поставляемой за пределы региона: продукции оборонного назначения, гражданских самолетов, морских и речных судов, сжиженного и

⁹ Технологическое развитие отраслей экономики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11189> (дата обращения 20.08.2025).

¹⁰ Регионы России. Социально-экономические показатели 2024 г. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 20.08.2025).

переработанного природного газа, обогащенных руд металлов и др.

Дальнейшее расширение технологического трансфера по такой модели можно ожидать в связи с поручением Президента РФ В. В. Путина, данным на X Восточном экономическом форуме: «У нас уже стартовали национальные проекты по обеспечению технологического лидерства страны. На базе каждого из них прошу Правительство до конца года подготовить и утвердить соответствующую программу развития применительно к Дальнему Востоку и Арктике».¹¹

Развитие отдельных производств в рамках восьми национальных проектов технологического лидерства в Дальневосточном макрорегионе ожидаемо повысит присутствие здесь наукоемких, капиталоемких видов деятельности. В то же время в такой модели возможен нежелательный эффект «соборов в пустыне», когда производства самого высокого технологического уровня, являющиеся носителями ключевых компетенций, не имеют связи с территориальным окружением – поставщики комплектующих, информации, капиталов находятся далеко за пределами региона, и там же располагаются основные потребители продукции. Преодоление такого разрыва осуществляется формированием пояса малых технологических компаний, окружающих производство конечной продукции, что является необходимым условием устойчивого функционирования крупных поставщиков лидирующей продукции мирового уровня. Производство комплектующих, высокотехнологичных услуг, ориентированных на головную компанию, формирует спрос на работников, имеющих высокий уровень образования и квалификации, формирует разветвленные связи с региональной системой подготовки кадров, научными организациями.

Как показывает практика развития инновационного территориального кластера авиа- и судостроения Хабаровского края, в настоящее время создание та-

ких малых технологических компаний происходит по той же модели, что и в основных производствах. Так, в рамках реализации программы по локализации производств авиационных комплектующих в ТОР «Комсомольск» были запущены более низкие переделы: кабельной продукции (АО «Промтех-на-Амуре»), элементов бортовых систем (ООО «ПАКС-Восток»), твердосплавного инструмента (ООО «СКИФ-М ДВ») [Ефременко, Габуннов, 2020. С.104]. Все эти малые высокотехнологичные компании являются филиалами головных, расположенных в Московской области.

Технологии передаются по закрытым внутрифирменным каналам и не участвуют в формировании предложения РИД в подсистеме генерации нового знания Дальневосточного макрорегиона. Эту функцию могла бы выполнять сеть центров трансфера технологий, актуальность развития которой подчеркнута в Стратегии пространственного развития РФ, принятой в декабре 2024 года¹².

Задачей сети ЦТТ является организация и поддержание механизмов непрерывной передачи результатов научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности в сферу их экономически эффективного использования при производстве товаров и услуг. ЦТТ должны иметь актуальную информацию о новых результатах, полученных разработчиками НИОКР, и поддерживать постоянные связи с потенциальными потребителями – заинтересованными предприятиями, отраслевыми объединениями, а также региональными правительствами и институтами, отвечающими за технологическое развитие территориальных образований.

В мировой практике получили распространение две основных модели ЦТТ – американская и европейская. В американской модели владельцем ИС является вуз, который, наряду с образовательной и научно-исследовательской деятельностью, обязан, в соответствии с законо-

¹¹ Пленарное заседание X Восточного экономического форума 5 сентября 2025 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/77927> (дата обращения 10.09.2025).

¹² Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

дательством, участвовать в трансфере технологий. Для этих целей практически при каждом университете созданы ЦТТ. В работе центров большую роль играет государство. В европейской модели интеллектуальные права на РИД принадлежат изобретателю, вне зависимости от источника финансирования. Основной задачей европейских центров трансфера технологий является привлечение технологических инноваций с целью повышения конкурентоспособности местной индустрии [Стратегическая..., 2020. С.23].

В Российской Федерации по аналогу европейской модели работает сеть RTTN (Russian Technology Transfer Network) и ЦТТ при вузах, деятельность которых сходна с американской сетью трансфера. Всего по стране насчитывается порядка 50-ти RTTN и более 30 ЦТТ. В Хабаровском крае были попытки создания ЦТТ по обеим моделям, однако они не были результативными – создания малых технологических компаний на основе трансфера не произошло.

В целом по Российской Федерации не отмечено заметных достижений в работе ЦТТ того и другого типа, что послужило основанием к постановке задачи в Стратегии пространственного развития РФ на «развитие межрегиональной сети центров трансфера технологий по единому стандарту и регламенту взаимодействий»¹². Открытым является вопрос о методологических подходах к организации такой сети. По-видимому, постановка задачи на рост объемов реализации объектов ИС, осуществляемых по лицензионным соглашениям, сильно ограничивает функции ЦТТ и не приведет в конечном счете к становлению высокотехнологичной инновационной экономики на Дальнем Востоке. Как показывает накопленная мировая практика венчурного инвестирования, для того, чтобы 2–3 стартапа получили одобрение экспертов для вложения рискованного капитала, процедуру анализа и отбора должны пройти не менее 100 проектов. Так устроена «воронка венчурного анализа». Поэтому первой задачей для сети ЦТТ на Дальнем Востоке следовало бы рассматривать формирование информационного потока новых технологических решений, ко-

торый создаст минимально необходимый объем предложений на рынке ИС.

Деятельность по доведению максимально возможного объема технической информации, подлежащей инвестиционному анализу, до предпринимательских и финансовых подсистем макрорегиона не может быть коммерчески эффективной, она содержит в себе образовательные и просветительские функции и должна осуществляться при поддержке государства.

В этом отношении представляет интерес система Центров научно-технической информации (далее – ЦНТИ), существовавших во всех регионах СССР. Эта система стала в 1980-е годы наиболее важным и широкодоступным каналом распространения самой актуальной информации о достижениях в мире науки и техники как в стране, так и за рубежом. ЦНТИ располагали системой научно-технических библиотек, распространяли реферативный журнал, проводили целевые семинары и выставки, осуществляли патентный поиск, т. е. выполняли коммерчески неэффективную, но общественно необходимую функцию, утрата которой делает невозможным переход к высокотехнологичной инновационной экономике на Дальнем Востоке.

Заключение

Переход к инновационному типу развития Дальнего Востока осуществляется на основе накопленного значительного потенциала материального производства, темпы роста которого на протяжении последних 15-ти лет опережали средние по стране показатели.

Однако развитие нематериального производства на Дальнем Востоке – сферы научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ – существенно отставало от такового в ведущих научных, технологических центрах страны, разрыв технологического пространства не уменьшался, а увеличивался. ДФО занимает одно из последних мест в стране по способности генерировать новые научные результаты, представляющие интерес для практики.

Сформировать результативные научные школы в короткие сроки невозможно, поэтому для решения задачи пред-

лагается идти по пути развития сети центров трансфера технологий с существенно расширенными функциями, выходящими за рамки простой передачи по лицензионным соглашениям прав на использование объектов ИС. В создании

ЦТТ нового типа предлагается использовать опыт центров научно-технической информации, проводивших образовательные, информационные и другие мероприятия, в настоящее время востребованные практикой.

Список источников:

1. Александрова, А. В., Суконкин, А. В., Власов, А. Д., Евстратова, А. С., Абусеридзе, И. З. Аналитические исследования сферы интеллектуальной собственности 2023: коэффициент изобретательской активности в субъектах Российской Федерации. – М.: Федеральный институт промышленной собственности (ФИПС), 2024. С. 60.
2. Валентей, С. Контринновационная среда российской экономики // Вопросы экономики. 2005. № 10. С. 132–143. DOI: 10.32609/0042-8736-2005-10-132-143 EDN: MUMZZF
3. Ефременко, В. Ф. Постиндустриальные факторы развития Дальнего Востока России // ЭКО. 2020. № 9 (555). С. 114–137. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-9-114-137 EDN: NSFGDM
4. Ефременко, В. Ф. Структурные факторы миграции населения Дальнего Востока России // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 3 (100). С. 101–107. DOI: 10.22394/1818-4049-2022-100-3-101-107 EDN: WLZOH
5. Ефременко, В. Ф. Региональная инновационная система как инструмент опережающего социально-экономического развития Дальнего Востока России // ЭКО. 2019. № 2 (536). С. 56–73. EDN: YYFSTB
6. Ефременко, В. Ф., Габунов, В. В. Развитие инновационного территориального кластера авиастроения и судостроения Хабаровского края // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 3 (92). С. 97–106. DOI: 10.22394/1818-4049-2020-92-3-97-106 EDN: LKHNNK
7. Клеева, А. П. Роль науки в социально-экономическом развитии // Экономика науки. 2024. Т. 10. № 1. С. 54–65. DOI: 10.22394/2410-132X-2024-10-1-54-65 EDN: ENXHBB
8. Кук, Ф. Региональные инновационные системы, кластеры и экономика знаний // Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры и перетоки знания [Отв. ред. А.Н. Пилясов]. – Смоленск: Ойкумена, 2012. С. 237–264.
9. Покрытан, А., Шумков, В., Хворостяная, А., Новикова, Ю. Стратегическая сравнительная характеристика европейских и американских центров трансфера технологий // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2020. № 12. С. 20–29. EDN: DYPRSU
10. Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики. Системные проблемы России / Рук. авт. колл. Д.С.Львов; Отд. экон. РАН. – М.: ОАО «Издательство «Экономика», 1999. 793 с.
11. Структурная трансформация инновационно активной национальной экономики / Под ред. В.И. Кушлина, А.Н. Фоломьева. – Москва: Изд-во РАГС, 2007. 292 с.
12. Сухарев, О. С. Социальные результаты и факторы экономического роста (теоретические и практические вопросы) // Экономика региона. 2011. № 1. С. 23 – 31. EDN: NHZNAB
13. Шумпетер, Й. А. Теория экономического развития // Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Эксмо, 2007. С. 31–362.

References:

1. Aleksandrova, A. V., Sukonkin, A. V., Vlasov, A. D., Evstratova, A. S., Abuseridze, I. Z. (2024) Analytical studies of the intellectual property sphere in 2023: the coefficient of inventive activity in the constituent entities of the Russian Federation. – Moscow: Federal

Institute of Industrial Property (FIPS). P. 60 (in Russ.).

2. Valentey, S. (2005) Counter-innovation environment of the Russian economy. *Voprosy ekonomiki*, no. 10, pp. 132–143. DOI: 10.32609/0042-8736-2005-10-132-143 EDN: MUMZZF (in Russ.).

3. Efremenko, V. F. (2020) Post-industrial factors of development of the Russian Far East. *All-Russian Economic Journal*, no. 9 (555), pp. 114–137. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-9-114-137 EDN: NSFQDM (in Russ.).

4. Efremenko, V. F. (2022) Structural Factors of Population Migration in the Russian Far East. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 3 (100), pp. 101–107. DOI: 10.22394/1818-4049-2022-100-3-101-107 EDN: WLZOH (in Russ.).

5. Efremenko, V. F. (2019) Regional Innovation System as a Tool for Advanced Socio-economic Development of the Russian Far East. *All-Russian Economic Journal*, no. 2 (536). P. 56–73. EDN: YYFSTB (in Russ.).

6. Efremenko, V. F., Gabunov, V. V. (2020) Development of an Innovative Territorial Cluster of Aircraft and Shipbuilding in Khabarovsk Krai. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 3 (92), pp. 97–106. DOI: 10.22394/1818-4049-2020-92-3-97-106 EDN: LKHNNK (in Russ.).

7. Kleyeva, L. P. (2024) The Role of Science in Socio-Economic Development. *Economics of Science*, vol. 10, no. 1, pp. 54–65. DOI: 10.22394/2410-132X-2024-10-1-54-65 EDN: ENXHBB (in Russ.).

8. Cook, F. (2012) Regional Innovation Systems, Clusters, and the Knowledge Economy. *Synergy of Space: Regional Innovation Systems, Clusters, and Knowledge Flows* [Ed. by A.N. Pilyasov]. – Smolensk: Oikumena, pp. 237–264 (in Russ.).

9. Pokrytan, L., Shumkov, V., Khvorostyanaya, A., Novikova, Yu. (2020) Strategic Comparative Characteristics of European and American Technology Transfer Centers. *Intellectual Property. Industrial Property*, no. 12, pp. 20–29. EDN: DYPRSU (in Russ.).

10. The Path to the 21st Century: Strategic Problems and Prospects of the Russian Economy. *Systemic Problems of Russia / Head of the Authors' Collaboration D.S. Lvov; Dep. of Economics of the Russian Academy of Sciences*. – Moscow: OAO Izdatelstvo Ekonomika, 1999. 793 p. (in Russ.).

11. Structural Transformation of an Innovation-Active National Economy / Ed. V.I. Kushlin, A.N. Folomyev. – Moscow: RAGS Publishing House, 2007. 292 p. (in Russ.).

12. Sukharev, O. S. (2011) Social Results and Factors of Economic Growth (Theoretical and Practical Issues). *Economy of the Region*, no. 1, pp. 23–31. EDN: NHZNAB (in Russ.).

13. Schumpeter, J. A. (2007) Theory of Economic Development. *Theory of Economic Development. Capitalism, Socialism and Democracy*. – M.: Eksmo, pp. 31–362 (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 25.08.2025; одобрена после рецензирования 17.09.2025; принята к публикации 19.09.2025.

The article was submitted 25.08.2025; approved after reviewing 17.09.2025; accepted for publication 19.09.2025.

Информация об авторе

В. Ф. Ефременко – доктор экономических наук, доцент, начальник отдела научно-исследовательской, международной деятельности и аспирантуры, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the author

V. F. Efremenko – Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the department of research, international activities and graduate school, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEP.

Научная статья

УДК 336.13(571.6)

<https://elibrary.ru/LDTSBX>

Оценка финансовой самостоятельности и бюджетной устойчивости регионов Дальнего Востока

Чулпан Мансуровна Шавалеева

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

chulpan212@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5407-3219>

Аннотация. В условиях экономической и политической нестабильности особую актуальность приобретает оценка финансового состояния субъектов РФ, поскольку ее результаты могут дать объективную информацию о тенденциях развития регионов. Однако в настоящее время на государственном уровне оценка финансового состояния публично-правовых образований в России не проводится. Министерство финансов РФ оценивает лишь уровень бюджетной обеспеченности и долговой устойчивости субъектов РФ. В этой связи исследования, посвященные разработке методики оценки финансового состояния публично-правовых образований в России, не утрачивают актуальности. Целью статьи является развитие теоретических подходов к содержанию понятий «финансовая самостоятельность», «бюджетная устойчивость», совершенствование методики оценки финансовой самостоятельности и бюджетной устойчивости субъектов РФ, их апробация на показателях регионов Дальнего Востока. В статье на основе авторской методики проведена оценка финансовой самостоятельности и бюджетной устойчивости субъектов РФ, входящих в Дальневосточный федеральный округ. Выявлено, что показатели оценки финансовой самостоятельности и бюджетной устойчивости регионов в 2022–2023 г. позволяют отнести их к группе субъектов РФ с относительной финансовой самостоятельностью и бюджетной устойчивостью, за исключением Сахалинской области, которая по указанным направлениям оценки относится к регионам с абсолютной финансовой самостоятельностью и бюджетной устойчивостью.

Ключевые слова: субъекты РФ, финансовая самостоятельность, бюджетная устойчивость

Благодарность: статья подготовлена за счет гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан».

Для цитирования: Шавалеева, Ч. М. Оценка финансовой самостоятельности и бюджетной устойчивости регионов Дальнего Востока // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 3 (112). С. 29–40. EDN: LDTSBX

Assessment of Financial Independence and Budget Sustainability of the Russian Far Eastern Regions

Chulpan M. Shavaleyeva

The Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia
chulpan212@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5407-3219>

Abstract. *In the context of economic and political instability, assessing the financial health of the subjects of the Russian Federation is of particular relevance, since its results can provide valid information on the development trends of the regions. However, nowadays the government does not examine the financial health of its subjects; the Ministry of Finance of the Russian Federation only assesses the level of budgetary security and debt sustainability of the Russian federal subjects. The paper presents new theoretical approaches to the concepts of «financial independence», «budget sustainability», offers new methods of assessing financial independence and budget sustainability of the subjects of the Russian Federation, and applies them to the regions of the Russian Far East. The paper examines the financial independence and budget sustainability of the subjects of the Russian Federation included in the Far Eastern Federal District. The financial data of 2022-2023 let the subjects be considered relatively financially healthy and budgetary sustainable. The exception is the Sakhalin Region, which, according to specific areas of assessment, is considered a region with absolute financial independence and budgetary sustainability. However, some regions (the Jewish Autonomous Region, the Magadan Region, the Kamchatka and Transbaikal Territories, and the Republic of Buryatia) take high financial risks due to their dependence on gratuitous donations from the federal budget and a small property stock, selling of which can be used to ensure budgetary sustainability.*

Acknowledgments: *this publication was prepared with the help of grant from the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, provided to young candidates of science (postdoctoral students) for the purpose of defending a doctoral dissertation, carrying out research work, and also performing work functions in scientific and educational organizations of the Republic of Tatarstan within the framework of the State Program of the Republic of Tatarstan “Scientific and Technological Development of the Republic of Tatarstan.”*

Keywords: *subjects of the Russian Federation, financial independence, budget stability*

For citation: Shavaleyeva, Ch. M. (2025) Assessment of Financial Independence and Budget Sustainability of the Russian Far Eastern Regions. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 3 (112), pp. 29–40. EDN: LDTSBX

Введение

Российская Федерация – государство, включающее 89 регионов, значительно различающихся по уровню экономического и социального развития, что обусловлено множеством факторов, в числе которых географическое положение, наличие природных ресурсов, инфраструктурные особенности и др. Дифференциация субъектов РФ определяет специфику их развития, которую необходимо учитывать при разработке экономической и социальной политики как на федеральном, так и региональном уровнях. Для этого нужна объективная информация о реальном финансовом состоянии регионов. Результаты мониторинга финансового состояния субъектов РФ могут быть использованы для:

- выявления проблемных зон, связанных с формированием и использованием бюджетных средств;

- оценки финансовых рисков и потенциальных возможностей;

- определения факторов, обеспечивающих финансовую безопасность субъектов РФ, и их укрепления;

- оценки эффективности финансового менеджмента в субъектах РФ;

- повышения инвестиционной привлекательности субъектов РФ.

Тем не менее в настоящее время на регулярной основе оценка финансового состояния субъектов РФ не проводится. Более того нет единого подхода к методике оценки финансового состояния публично-правовых образований. В этой связи научные исследования, посвященные вопросам оценки финансового состояния регионов России, не утрачивают актуальности.

Материалы и методы исследования

В экономической литературе в качестве показателей финансового состояния публично-правовых образований чаще всего рассматриваются бюджетная устойчивость и финансовая самостоятельность. Так, вопросы оценки бюджетной устойчивости представлены в исследованиях А. А. Белостоцкого [Белостоцкий, 2023], И. А. Головчанского [Головчанский, 2023], Т. А. Журавлёвой [Журавлева, 2021], А. В. Затевахиной, С. А. Васильева [Затевахина, Васильев, 2021],

М. Н. Соломко [Соломко, 2021] и др. Финансовая самостоятельность публично-правовых образований изучена в трудах Е. Е. Афанасьевой [Афанасьева, 2020], Л. Г. Волковой, А. В. Волкова [Волкова, Волков, 2022], Е. Н. Голика, Е. А. Новицкой [Голик, Новицкая, 2020], А. З. Дадашева, А. И. Золотко [Дадашев, Золотко, 2021], Ч. М. Шавалеевой [Шавалеева, 2024].

В имеющихся научных исследованиях бюджетная устойчивость и финансовая самостоятельность публично-правовых образований не разграничиваются и чаще всего рассматриваются в качестве взаимозаменяемых понятий. Нам же представляется, что это разные направления оценки, взаимодополняющие друг друга. Кроме того, на наш взгляд, предлагаемые методики оценки бюджетной устойчивости и финансовой самостоятельности публично-правовых образований можно дополнить новыми показателями оценки.

Основными методами исследования стали аналитический, статистический и сравнительный методы анализа данных об исполнении бюджетов регионов Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО), представленных на сайте Федерального казначейства.

Результаты исследования

По нашему мнению, основными направлениями оценки финансового состояния публично-правовых образований являются финансовая самостоятельность и бюджетная устойчивость. При этом [Шавалеева, 2024]:

финансовая самостоятельность – это способность обеспечивать публично-правового образования независимо от бюджетов других уровней бюджетной системы своевременное и полное покрытие обязательств, гарантировать экономическое и социальное развитие территории;

бюджетная устойчивость – это способность публично-правового образования обеспечивать исполнение бюджетных обязательств в условиях негативного влияния факторов внешней среды.

Предлагаемая нами методика оценки степени финансовой самостоятельности субъектов РФ была опубликована в статье

«Оценка финансовой самостоятельности субъектов РФ» [Шавалеева, 2024], в соответствии с которой полную информацию о степени финансовой самостоятельности публично-правовых образований

можно получить на основе расчетных показателей, позволяющих проанализировать структуру доходов бюджета, покрытие расходов бюджета собственными доходами и зависимость от внешних

Таблица 1

**Методика оценки финансовой самостоятельности
публично-правовых образований**

Показатель	Расчет	Полученный результат, %	Балльная оценка
Показатели, характеризующие степень покрытия расходов бюджета			
Дефицит (профицит) бюджета в относительном выражении, характеризующий объем расходов, финансируемых за счет доходов бюджета	$P_1 = D / R * 100$, где: D – доходы бюджета R – расходы бюджета	более 100	1
		91-99	0,9
		81-90	0,8
		71-80	0,7
		61-70	0,6
		51-60	0,5
Отношение дефицита к сумме расходов за вычетом субвенций	$P_2 = \text{дефицит} / (R - \text{Сб}) * 100$, где: R – расходы бюджета Сб – субвенции	менее 50	0
		бюджет исполнен с профицитом	1
		0-0,9	1
		1-10	0,9
		11-15	0,8
		16-20	0,7
Отношение дефицита к доходам бюджета без учета безвозмездных поступлений	$P_3 = \text{дефицит} / (D - \text{БзП}) * 100$, где: D – доходы бюджета, БзП – безвозмездные поступления	21-25	0,6
		26-30	0,5
		31-35	0,4
		36-40	0,3
		41-45	0,2
		46-50	0,1
Отношение доходов бюджета без учета безвозмездных поступлений к расходам бюджета за вычетом субвенций	$P_4 = (D - \text{БзП}) / (R - \text{Сб}) * 100$, где: D – доходы бюджета, БзП – безвозмездные поступления, R – расходы бюджета, Сб – субвенции	более 50	0
		до 10	0
		11-20	0,2
		21-30	0,3
		31-40	0,4
		41-50	0,5
		51-60	0,6
		61-70	0,7
Отношение доходов бюджета к сумме социально-значимых и первоочередных расходов бюджета	$P_5 = D / (R_{\text{сз}} + R_{\text{по}})$, где: D – доходы бюджета, R _{сз} – социально-значимые расходы, R _{по} – первоочередные расходы	более 80	1
		71-80	0,8
		2,9-3,1	0,9
		2,5-2,8	0,8
		2,2-2,4	0,7
		1,9-2,1	0,6
		1,6-1,8	0,5
Отношение доходов бюджета без учета дотаций к сумме социально-значимых и первоочередных расходов бюджета	$P_6 = (D - \text{Дт}) / (R_{\text{сз}} + R_{\text{по}})$, где: D – доходы бюджета, Дт – дотации, R _{сз} – социально-значимые расходы, R _{по} – первоочередные расходы	1-1,5	0,4
		0,9 и менее	0,3
		2,1 и более	1
		1,9-2,0	0,9
		1,7-1,8	0,8
		1,5-1,6	0,7
		1,3-1,4	0,6
		1,0-1,2	0,5
		0,9 и менее	0,4

Таблица 1 (продолжение)

Показатели структуры доходов бюджета			
Отношение собственных доходов и общей суммы доходов бюджета <i>В соответствии с Бюджетным кодексом РФ к собственным доходам отнесены все поступления за вычетом субвенций</i>	$P_7 = Дс / Д * 100$, где: Д – доходы бюджета, Дс – собственные доходы бюджета	99	1
		98	0,9
		97	0,8
		96	0,7
Отношение собственных доходов бюджета и общей суммы поступлений в бюджет с учетом средств из источников финансирования дефицита бюджета <i>В соответствии с Бюджетным кодексом РФ к собственным доходам отнесены все поступления за вычетом субвенций</i>	$P_8 = Дс / ПБ * 100$, где: Дс – собственные доходы бюджета, ПБ – поступления в бюджет	95	0,6
		94	0,5
		93	0,4
		92	0,3
		91	0,2
		90	0,1
		89 и менее	0
Отношение дотаций и общей суммы доходов бюджета	$P_9 = Дт / Д * 100$, где: Д – доходы бюджета, Дт – дотации	0	1
		0,1-0,9	0,9
		1-10	0,8
		11-20	0,7
		21-30	0,6
		31-40	0,5
		41-50	0,3
		51-60	0,2
более 61	0		
Отношение суммы финансовой помощи к общей сумме доходов бюджета	$P_{10} = (Дт + Сс) / Д * 100$, где: Д – доходы бюджета, Дт – дотации, Сс – субсидии	0-10	1
		11-20	0,8
		21-30	0,7
		31-40	0,6
		41-50	0,5
		51-60	0,3
		61-70	0,2
более 71	0		
Показатели зависимости от источников внешнего финансирования			
Коэффициент внешнего финансирования 1	$P_{11} = (Дт + Сс + \text{заемные средства}) / ПБ * 100$, где: Дт – дотации, Сс – субсидии, ПБ – поступления в бюджет	1-10	1
		11-20	0,8
		21-30	0,6
		31-40	0,4
		41-50	0,2
		51-60	0,1
более 61	0		
Коэффициент внешнего финансирования 2	$P_{12} = (Дт + Сс + \text{заемные средства}) / (Р - Сб) * 100$, где: Дт – дотации, Сс – субсидии, Сб – субвенции, Р- расходы бюджета	1-10	1
		11-20	0,8
		21-30	0,6
		31-40	0,5
		41-50	0,4
		51-60	0,3
		61-70	0,2
более 71	0,1		

Источник: составлено автором.

источников финансирования (табл. 1).

Для классификации субъектов РФ мы разработали шкалу, в соответствии с которой определяется степень финансовой самостоятельности регионов, подразделяемая на три вида:

1) абсолютная финансовая самостоятельность – результат суммирования индивидуальных балльных оценок находится в пределах 10,0 – 12,0 баллов;

2) относительная финансовая самостоятельность – результат суммирования индивидуальных балльных оценок находится в пределах 5,0 – 9,9 баллов;

3) финансовая несамостоятельность – результат суммирования индивидуальных балльных оценок находится в пределах 1,0 – 4,9 баллов.

На основе предложенной методики оценим уровень финансовой самостоятельности в 2022–2023 гг. субъектов РФ, входящих в Дальневосточный федеральный округ.

Анализ результатов оценки показателей, характеризующих степень покрытия расходов бюджета, (табл. 2) свидетельствует об улучшении финансового положения почти всех регионов округа в 2023 г. по сравнению 2022 г. Так, если в 2022 г. только бюджеты Сахалинской области и Хабаровского края были исполнены с профицитом, то в 2023 г. с профицитом были исполнены также бюджеты Амурской области, Забайкальского Приморского краев. Ухудшилась финансовая ситуация только в Еврейской автономной области и Республике Бурятия (табл. 2). Анализируя способность субъектов РФ Дальневосточного федерального округа обеспечивать финансирование «собственных» расходов (показатель Π_2), следует отметить, что почти во всех регионах дефицит не превышает 10% от суммы расходов бюджета за вычетом субвенций. Исключением в 2023 г. явилась только Еврейская автономная область. По результатам расчета показателя Π_4 можно отметить, что в течение анализируемого периода снизилась зависимость бюджетов регионов округа от безвозмездных поступлений. Следует обратить внимание на то, что в Еврейской автономной области, Камчатском крае, Республике Бурятия и Чукотском автономном округе

за счет доходов бюджета без учета безвозмездных поступлений покрывается менее 40% «собственных» расходов бюджета. Тем не менее в бюджетах всех субъектов РФ, входящих в Дальневосточный федеральный округ, достаточно ресурсов для финансирования социально-значимых и первоочередных расходов бюджета (показатели Π_5 и Π_6).

На основе расчета показателей структуры доходов бюджета можно отметить, что во всех регионах Дальневосточного федерального округа в течение анализируемого периода высокая доля собственных доходов в общей сумме доходов бюджета и сумме бюджетных поступлений (табл. 3). Однако обращают на себя внимание несколько фактов. Во-первых, высокая доля дотаций и субсидий в бюджетах Камчатской края, Республики Бурятия, Чукотского автономного округа и Еврейской автономной области. Во-вторых, зависимость Магаданской области от источников внешнего финансирования, а именно заимствований.

Обобщая результаты оценки финансовой самостоятельности субъектов РФ, входящих в Дальневосточный федеральный округ, можно определить, что в соответствии с предлагаемой нами классификацией, в 2022–2023 гг. большинство регионов ДФО относились к группе «относительно финансово самостоятельные субъекты РФ». Исключением является только Сахалинская область, показатели которой соответствуют группе «абсолютная финансовая самостоятельность» (табл. 4, 5).

В течение анализируемого периода степень финансовой самостоятельности регионов, за исключением Еврейской автономной области, повысилась.

Следующее направление оценки финансового состояния публично-правовых образований – оценка бюджетной устойчивости. При характеристике данного направления мы исходим из терминологического содержания понятия «устойчивость» и рассматриваем бюджетную устойчивость как способность публично-правовых образований обеспечивать исполнение бюджетных обязательств в условиях негативного влияния факторов внешней среды. Соответственно, по нашему мнению, бюджетная устойчивость

Таблица 2

Оценка показателей, характеризующих степень покрытия расходов бюджета субъектов РФ, входящих в Дальневосточный федеральный округ

Субъект РФ	$\Pi_1 = Д / Р * 100$		$\Pi_2 = \text{дефицит} / (Р - СБ) * 100$		$\Pi_3 = \text{дефицит} / (Д - БЗП) * 100$		$\Pi_4 = (Д - БЗП) / (Р - СБ) * 100$		$\Pi_5 = Д / (Рсз + Рпо)$		$\Pi_6 = (Д - Дт) / (Рсз + Рпо)$	
	2022 г.	2023 г.	2022 г.	2023 г.	2022 г.	2023 г.	2022 г.	2023 г.	2022 г.	2023 г.	2022 г.	2023 г.
Амурская область	93,3	102,1	6,9	-	11,6	-	59,5	78,3	2,1	2,3	2,0	2,2
Еврейская автономная область	96,5	84,7	3,6	15,6	9,8	39,5	36,8	39,5	1,8	1,6	1,4	1,4
Забайкальский край	97,1	100,1	3,0	-	6,6	-	46,1	60,3	1,9	2,1	1,6	1,9
Камчатский край	94,9	96,5	5,2	3,5	18,5	10,3	27,9	34,1	1,5	1,6	0,9	1,0
Магаданская область	90,9	93,9	9,3	6,2	14,9	9,6	62,2	64,6	1,8	1,8	1,6	1,6
Приморский край	95,0	100,9	5,1	-	7,7	-	66,0	79,0	1,7	1,8	1,6	1,7
Республика Бурятия	95,5	93,7	4,6	6,4	12,5	16,2	37,1	39,7	2,0	2,1	1,5	1,7
Республика Саха (Якутия)	96,9	99,1	3,2	0,9	6,4	1,4	49,9	65,1	2,0	2,1	1,6	1,7
Сахалинская область	128,8	101,0	-	-	-	-	118,3	93,2	2,7	2,3	2,7	2,3
Хабаровский край	101,9	103,6	-	-	-	-	71,9	80,8	1,8	1,9	1,7	1,8
Чукотский автономный округ	92,1	99,0	8,0	1,0	23,9	2,5	33,4	40,9	1,6	1,7	1,1	1,2

Источник: расчеты автора по данным Федерального казначейства: URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzheto/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/>

Таблица 3

Оценка показателей структуры доходов бюджета субъектов РФ, входящих в Дальневосточный федеральный округ, и их зависимости от источников внешнего финансирования

Субъект РФ	$\Pi_7 = Дс / Д * 100$		$\Pi_8 = Дс / ПБ * 100$		$\Pi_9 = Дт / Д * 100$		$\Pi_{10} = (Дт + Сс) / Д * 100$		$\Pi_{11} = (Дт + Сс + \text{заемные средства}) / ПБ * 100$		$\Pi_{12} = (Дт + Сс + \text{заемные средства}) / (Р - СБ) * 100$	
	2022 г.	2023 г.	2022 г.	2023 г.	2022 г.	2023 г.	2022 г.	2023 г.	2022 г.	2023 г.	2022 г.	2023 г.
Амурская область	96,4	97,4	88,1	83,6	5,0	3,9	24,8	16,2	31,2	28,1	33,0	34,4
Еврейская автономная область	96,0	97,5	87,3	87,8	20,2	13,2	37,9	34,1	43,5	40,7	43,5	39,1
Забайкальский край	94,7	97,0	81,5	91,9	15,1	11,6	38,4	29,8	47,0	33,4	43,5	36,4
Камчатский край	98,5	99,2	88,7	92,4	43,9	40,1	56,0	49,4	60,4	52,8	64,6	55,2
Магаданская область	97,9	98,1	54,6	65,6	11,4	9,1	20,8	18,6	55,8	45,5	92,7	65,1
Приморский край	97,2	98,6	94,4	91,3	6,2	5,6	20,7	15,7	23,0	22,1	23,1	24,4
Республика Бурятия	96,1	97,4	81,5	84,4	22,7	22,3	49,1	47,4	56,8	54,5	66,5	60,4
Республика Саха (Якутия)	97,8	98,4	95,2	96,7	18,7	17,1	30,1	25,6	31,9	26,9	32,5	27,6
Сахалинская область	99,3	99,5	96,5	99,0	0,1	0,0	1,2	1,3	4,1	1,9	5,4	2,0
Хабаровский край	96,4	97,6	84,3	91,8	5,5	5,8	19,9	16,3	29,9	21,2	36,2	23,9
Чукотский автономный округ	98,8	99,2	98,3	97,8	27,9	24,7	41,7	36,4	42,0	37,4	39,3	37,8

Источник: расчеты автора по данным Федерального казначейства: URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzheto/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/>

Таблица 4

**Комплексная оценка финансовой самостоятельности
субъектов РФ, входящих в Дальневосточный федеральный округ,
в 2022 году**

Субъект РФ	П ₁	П ₂	П ₃	П ₄	П ₅	П ₆	П ₇	П ₈	П ₉	П ₁₀	П ₁₁	П ₁₂	Итого в баллах
Амурская область	0,9	0,9	0,8	0,6	0,6	0,9	0,7	0	0,8	0,7	0,4	0,5	7,8
Еврейская автономная область	0,9	0,9	0,9	0,4	0,5	0,6	0,7	0	0,7	0,6	0,2	0,4	6,8
Забайкальский край	0,9	0,9	0,9	0,5	0,6	0,7	0,6	0	0,7	0,6	0,2	0,3	6,9
Камчатский край	0,9	0,9	0,7	0,3	0,4	0,4	0,9	0	0,3	0,3	0,1	0,2	5,4
Магаданская область	0,9	0,9	0,8	0,7	0,5	0,7	0,9	0	0,7	0,7	0,1	0,1	7
Приморский край	0,9	0,9	0,9	0,7	0,5	0,7	0,8	0,5	0,8	0,7	0,6	0,6	8,6
Республика Бурятия	0,9	0,9	0,8	0,4	0,6	0,7	0,7	0	0,6	0,5	0,1	0,2	6,4
Республика Саха (Якутия)	0,9	0,9	0,9	0,5	0,6	0,7	0,9	0,6	0,7	0,7	0,4	0,5	8,3
Сахалинская область	1	1	1	1	0,8	1	1	0,8	0,9	1	1	1	11,5
Хабаровский край	1	1	1	0,8	0,5	0,8	0,7	0	0,8	0,8	0,6	0,5	8,5
Чукотский автономный округ	0,9	0,9	0,6	0,4	0,5	0,5	1	0,9	0,6	0,5	0,2	0,5	7,5

Источник: расчеты автора.

Таблица 5

**Комплексная оценка финансовой самостоятельности
субъектов РФ, входящих в Дальневосточный федеральный округ,
в 2023 году**

Субъект РФ	П ₁	П ₂	П ₃	П ₄	П ₅	П ₆	П ₇	П ₈	П ₉	П ₁₀	П ₁₁	П ₁₂	Итого в баллах
Амурская область	1	1	1	0,8	0,7	1	0,8	0	0,8	0,8	0,6	0,5	9
Еврейская автономная область	0,8	0,8	0,3	0,4	0,5	0,6	0,8	0	0,7	0,6	0,2	0,5	6,2
Забайкальский край	1	1	1	0,6	0,6	0,9	0,8	0,3	0,7	0,7	0,4	0,5	8,5
Камчатский край	0,9	0,9	0,9	0,4	0,5	0,5	1	0,3	0,5	0,5	0,1	0,3	6,8
Магаданская область	0,9	0,9	0,9	0,7	0,5	0,7	0,9	0	0,8	0,8	0,2	0,2	7,5
Приморский край	1	1	1	0,8	0,5	0,8	1	0,2	0,8	0,8	0,6	0,6	9,1
Республика Бурятия	0,9	0,9	0,7	0,4	0,6	0,8	0,8	0	0,6	0,5	0,1	0,3	6,6
Республика Саха (Якутия)	0,9	1	0,9	0,7	0,6	0,8	0,9	0,8	0,7	0,7	0,6	0,6	9,2
Сахалинская область	1	1	1	1	0,7	1	1	1	1	1	1	1	11,7
Хабаровский край	1	1	1	1	0,6	0,8	0,9	0,3	0,8	0,8	0,6	0,6	9,4
Чукотский автономный округ	0,9	0,9	0,9	0,5	0,5	0,5	1	0,9	0,6	0,6	0,4	0,5	8,2

Источник: расчеты автора.

обеспечивается доходами, которые на данный момент не задействованы, но их можно использовать для покрытия расходов бюджета в случае необходимости. В качестве таких потенциальных доходов можно использовать средства от продажи имущества казны, а именно нефинансовых активов, средств бюджета на депозитных счетах и финансовых вложений, и государственные (муниципальные) заимствования в размерах, не превышающих законодательно установленный уровень – сумму доходов бюджета

на соответствующий финансовый год. Исходя из этого, оценка степени бюджетной устойчивости основана на анализе отношения потенциальных поступлений (стоимость государственного имущества и заимствований) и «собственных» расходов бюджета (расходы бюджета за вычетом субвенций) (табл. 6).

Вывод о степени бюджетной устойчивости публично-правового образования можно сделать на основе итогового значения, формируемого в результате суммирования балльных оценок. На наш

Таблица 6

Методика расчета и критерии оценки показателей бюджетной устойчивости публично-правовых образований

Показатель	Расчет	Полученный результат, %	Балльная оценка
Отношение суммы средств бюджета на депозитных счетах, финансовых вложений и расходов бюджета за вычетом субвенций	$P_1 = (СДС + ФВ) / (P - Сб) * 100$, где: СДС – средства бюджета на депозитных счетах; ФВ – финансовые вложения публично-правового образования; P – расходы бюджета; Сб – субвенции.	10-20	0,1
		21-30	0,2
		31-40	0,3
		41-60	0,5
		61-80	0,7
		81-90	0,8
		91-100	1
		101-120	1,2
		121-150	1,5
Отношение стоимости имущества казны и расходов бюджета за вычетом субвенций	$P_2 = (НФАИК + СДС + ФВ) / (P - Сб) * 100$, где: НФАИК – нефинансовые активы имущества казны; СДС – средства бюджета на депозитных счетах; ФВ – финансовые вложения публично-правового образования; P – расходы бюджета; Сб – субвенции.	151 и более	2
		10-20	0,1
		21-30	0,2
		31-40	0,3
		41-60	0,5
		61-80	0,7
		81-90	0,8
		91-100	1
		101-120	1,2
Отношение потенциально возможного размера заимствований и расходов бюджета за вычетом субвенций	$P_3 = (Д - ГМД) / (P - Сб) * 100$, где: Д – доходы бюджета; ГМД – сумма государственного (муниципального) долга; P – расходы бюджета; Сб – субвенции.	121-150	1,5
		151-180	1,7
		181-200	2
		201 и более	2,5
		10 и менее	0,1
		11-20	0,2
		21-30	0,3
		31-40	0,4
		41-50	0,5
		51-60	0,6
		61-70	0,7
		71-80	0,8
		81-90	0,9
		91-100	1
		101-110	1,1
		111-120	1,2
		121-130	1,3
		131 и более	1,5

Источник: составлено автором.

взгляд, уровень бюджетной устойчивости можно подразделить на три вида:

1) абсолютная бюджетная устойчивость – результат суммирования балльных оценок составляет 2,6 баллов и более;

2) относительная бюджетная устойчивость – результат суммирования балльных оценок находится в пределах 1,1 – 2,5 баллов;

3) бюджетная неустойчивость – результат суммирования балльных оценок составляет 1 балл и менее.

Анализ бюджетной устойчивости субъ-

ектов РФ, входящих в Дальневосточный федеральный округ, проведенный на основе предложенной методики, свидетельствует о достаточно низком уровне финансового запаса в регионах. Стоимость высоколиквидного имущества в большинстве регионов округа не превышает 50% (табл. 7). С учетом нефинансовых активов имущества казны показатели несколько выше. Тем не менее следует отметить низкий уровень финансового запаса в Еврейской автономной области, Магаданской области, Камчатском и За-

Таблица 7

**Оценка бюджетной устойчивости субъектов РФ,
входящих в Дальневосточный федеральный округ**

Субъект РФ	$\Pi_1 = (\text{СДС} + \text{ФВ}) / (\text{Р} - \text{СБ}) \cdot 100$		$\Pi_2 = (\text{НФАИК} + \text{СДС} + \text{ФВ}) / (\text{Р} - \text{СБ}) \cdot 100$		$\Pi_3 = (\text{Д} - \text{ГМД}) / (\text{Р} - \text{СБ}) \cdot 100$	
	2022 г.	2023 г.	2022 г.	2023 г.	2022 г.	2023 г.
Амурская область	38,4	40,8	65,5	73,5	67,2	72,3
Еврейская автономная область	35,5	29,5	38,7	31,6	74,3	55,8
Забайкальский край	36,7	31,8	52,3	45,4	72,9	75,9
Камчатский край	42,0	37,0	46,3	40,1	87,7	89,4
Магаданская область	40,2	35,2	44,8	38,3	57,5	61,8
Приморский край	49,6	45,9	96,9	86,3	93,4	93,2
Республика Бурятия	43,6	45,7	47,3	41,6	78,9	68,2
Республика Саха (Якутия)	79,9	76,7	92,6	89,2	84,0	85,7
Сахалинская область	91,0	98,5	95,5	102,8	128,6	99,8
Хабаровский край	47,5	50,9	82,8	82,4	72,1	68,0
Чукотский автономный округ	60,6	60,9	75,4	75,1	74,7	84,1

Источник: расчеты автора по данным Федерального казначейства: URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/>

байкальском краях, Республике Бурятия. При этом в перечисленных регионах в 2023 г. показатели ниже, чем в 2022 г.

Показатель, характеризующий возможности использования заимствований для обеспечения бюджетной устойчивости субъектов РФ, во всех регионах сохраняется на высоком уровне, что можно объяснить бюджетной политикой, предусматривающей сдерживание роста государственного долга субъектов РФ, реализуемой на федеральном и регио-

нальном уровнях.

Комплексно оценивая степень бюджетной устойчивости субъектов РФ Дальневосточного федерального округа, все регионы округа можно отнести к группе «относительно бюджетно устойчивые» (табл. 8). Исключением является только Сахалинская область, показатели которой соответствуют группе регионов с абсолютной бюджетной устойчивостью. Высокие показатели также у Республики Саха (Якутия) и Приморского края.

Таблица 8

**Комплексная оценка бюджетной устойчивости
субъектов РФ, входящих в Дальневосточный федеральный округ**

Субъект РФ	2022 год				2023 год			
	Π_1	Π_2	Π_3	Итого в баллах	Π_1	Π_2	Π_3	Итого в баллах
Амурская область	0,7	0,3	0,7	1,7	0,7	0,5	0,8	2
Еврейская автономная область	0,3	0,3	0,8	1,4	0,3	0,2	0,6	1,1
Забайкальский край	0,5	0,3	0,8	1,6	0,5	0,3	0,8	1,6
Камчатский край	0,5	0,5	0,9	1,9	0,3	0,3	0,9	1,5
Магаданская область	0,5	0,3	0,6	1,4	0,3	0,3	0,7	1,3
Приморский край	1	0,5	1	2,5	0,8	0,5	1	2,3
Республика Бурятия	0,5	0,5	0,8	1,8	0,5	0,5	0,7	1,7
Республика Саха (Якутия)	1	0,7	0,9	2,6	0,8	0,7	0,9	2,4
Сахалинская область	1	1	1,3	3,3	1,2	1	1	3,2
Хабаровский край	0,8	0,5	0,8	2,1	0,8	0,5	0,7	2
Чукотский автономный округ	0,7	0,7	0,8	2,2	0,7	0,7	0,9	2,3

Источник: составлено автором.

Заключение

Проведенное исследование свидетельствует о стабильности финансового состояния субъектов РФ, входящих в Дальневосточный федеральный округ. Показатели оценки финансовой самостоятельности и бюджетной устойчивости регионов в 2022–2023 гг. позволяют отнести их к группе субъектов РФ с относительной финансовой самостоятельностью и бюджетной устойчивостью. Исключение – Сахалинская область, которая по указанным направлениям оценки относится к регионам с абсолютной финансовой самостоятельностью и бюджетной устойчивостью.

Однако стоит отметить высокие финансовые риски у Еврейской автоном-

ной области, Магаданской области, Камчатского и Забайкальского краев, Республики Бурятия, обусловленные их зависимостью от безвозмездных поступлений из федерального бюджета и небольшим запасом имущества, средства от продажи которого можно использовать для обеспечения бюджетной устойчивости.

Предлагаемые методики оценки финансовой самостоятельности и бюджетной устойчивости субъектов РФ позволяют охарактеризовать их финансовое состояние. Результаты такой оценки могут быть использованы при принятии управленческих решений органами государственной власти, а также инвесторами и кредиторами.

Список источников:

1. Афанасьева, Е. Е. Финансовая самостоятельность бюджетов субъектов Центрального федерального округа: состояние и перспективы достижения // Вестник евразийской науки. 2020. Т. 12. № 2. С. 26. EDN: YMZPYO
2. Белостоцкий, А. А. Бюджетная устойчивость и межбюджетные отношения на региональном уровне // Общественные финансы. 2023. № 44. С. 30–34. EDN: VNZKQH
3. Волкова, Л. Г., Волков, А. В. К вопросу о финансовой самостоятельности регионов // Наука и Образование. 2022. Т. 5. № 4. EDN: GSRBEZ
4. Голик, Е. Н., Новицкая, Е. А. Оценка финансовой самостоятельности муниципальных образований и резервы ее укрепления // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 3 (118). С. 30–36. EDN: XZKRBI
5. Головчанский, И. А. Бюджетная устойчивость регионов и расходы региональных бюджетов на обслуживание государственного долга // Аудиторские ведомости. 2023. № 4. С. 70–79. DOI: 10.24412/1727-8058-2023-4-70-79 EDN: BNUGTK
6. Дадашев, А. З., Золотко, А. И. К вопросу о финансовой самостоятельности муниципальных образований и методах оценки ее уровня // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2021. № 18 (522). С. 13–27. EDN: YISSBG
7. Журавлёва, Т. А. Финансовая устойчивость региона как условие обеспечения экономической безопасности (на примере Рязанской области) // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 8–2. С. 127–134. DOI: 10.17513/vaael.1820 EDN: ATPTFQ
8. Затевахина, А. В., Васильев, С. А. Финансовая безопасность, финансовая устойчивость, финансовая стабильность социально-экономических систем на мезоуровне: общее и особенное // Ученые записки Международного банковского института. 2021. № 3 (37). С. 119–131. EDN: XEYUMG
9. Соломко, М. Н. Бюджетная устойчивость и динамика экономического развития регионов // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 1 (94). С. 57–69. DOI: 10.22394/1818-4049-2021-94-1-57-69 EDN: CAOOLQ
10. Шавалеева, Ч. М. Оценка финансовой самостоятельности субъектов РФ // Финансы и кредит. 2024. Т. 30. № 9. С. 2–11. DOI: 10.24891/fc.30.9.2 EDN: YRIZIX

References:

1. Afanasyeva, E. E. (2020) Financial autonomy of budgets of constituent entities of the Central Federal District: status and prospects for achieving it. *Bulletin of Eurasian Science*, vol. 12, no. 2, p. 26. EDN: YMZPYO (in Russ.).
2. Belostotsky, A. A. (2023) Budget sustainability and interbudgetary relations at the regional level. *Public Finances*, no. 44, pp. 30–34. EDN: VNZKQH (in Russ.). EDN: VNZKQH
3. Volkova, L. G., Volkov, A. V. (2022) On the issue of financial autonomy of regions. *Science and Education*, vol. 5, no. 4. EDN: GSRBEZ (in Russ.).
4. Golik, E. N., Novitskaya, E. A. (2020) Assessment of the financial autonomy of municipalities and reserves for strengthening it. *Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*, no. 3 (118), pp. 30–36. EDN: XZKRBI (in Russ.).
5. Golovchansky, I. A. (2023) Budget sustainability of regions and regional budget expenditures on public debt servicing. *Audit reports*, no. 4, pp. 70–79 DOI: 10.24412/1727-8058-2023-4-70-79 EDN: BNUGTK (in Russ.).
6. Dadashev, A. Z., Zolotko, A. I. (2021) On the issue of financial independence of municipalities and methods for assessing its level. *Accounting in budgetary and non-profit organizations*, no. 18 (522), pp. 13–27. EDN: YISSBG (in Russ.).
7. Zhuravleva, T. A. (2021) Financial sustainability of a region as a condition for ensuring economic security (on the example of the Ryazan region). *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, no. 8–2, pp. 127–134. DOI: 10.17513/vaael.1820 DOI: 10.17513/vaael.1820 EDN: ATPTFQ (in Russ.).
8. Zatevakhina, A. V., Vasiliev, S. A. (2021) Financial security, financial sustainability, financial stability of socio-economic systems at the meso level: general and specific. *Scientific notes of the International Banking Institute*, no. 3 (37), pp. 119–131. EDN: XEYMUG (in Russ.).
9. Solomko, M. N. (2021) Budget sustainability and dynamics of economic development of regions. *Power and administration in the East of Russia*, no. 1 (94), pp. 57–69 DOI: 10.22394/1818-4049-2021-94-1-57-69 EDN: CAOOLQ (in Russ.).
10. Shavaleyeva, Ch.M. (2024) Assessment of financial autonomy of constituent entities of the Russian Federation. *Finance and credit*, vol. 30, no. 9, pp. 2–11. DOI: 10.24891/fc.30.9.2 DOI: 10.24891/fc.30.9.2 EDN: YRIZIX (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 05.05.2025; одобрена после рецензирования 26.08.2025; принята к публикации 28.08.2025.

The article was submitted 05.05.2025; approved after reviewing 26.08.2025; accepted for publication 28.08.2025.

Информация об авторе

Ч. М. Шавалеева – кандидат эконкономических наук, доцент, заместитель директора по проектному управлению Центра непрерывного повышения профессионального мастерства педагогических работников Республики Татарстан Института психологии и образования ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет

Information about the author

Ch. M. Shavaleyeva – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Project Management of the Center for Continuous Improvement of Professional Skills of Employees of the Republic of Tatarstan, Institute of Psychology and Education, Kazan (Volga Region) Federal University.

Научная статья

УДК 330.31(571.621)

<https://elibrary.ru/LKWKOK>

Оценка разрыва выпуска продукции в Еврейской автономной области

Ольга Владимировна Кулагина¹, Екатерина Сергеевна Лагулова²

^{1,2} Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия

² Отделение по Еврейской автономной области Дальневосточного главного управления Центрального банка Российской Федерации, Биробиджан, Россия

¹ belkyl@yandex.ru

² lagulova2016@yandex.ru

Аннотация. В статье представлено комплексное исследование разрыва выпуска как индикатора макроэкономической нестабильности на примере Еврейской автономной области. В статье произведены расчеты величины разрыва выпуска, сопоставлены результаты с альтернативными методами оценки, проанализирован опыт других исследователей, а также определена практическая ценность полученных результатов для региональной экономической политики. В качестве основного инструмента использован фильтр Ходрика-Прескотта, дополненный сравнительным анализом с фильтром Бакстера-Кинга и подходом на основе производственной функции. Выявлено, что с 2020 г. экономика региона перешла от хронического недоиспользования ресурсов к фазе перегрева, что требует корректировки бюджетной и денежно-кредитной политики на региональном уровне. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных оценок для таргетирования государственных инвестиций, прогнозирования инфляционных рисков и формирования сбалансированной антициклической стратегии. Настоящая статья отражает личную позицию авторов. Содержание и результаты данного исследования не следует рассматривать, в том числе цитировать в каких-либо изданиях, как официальную позицию Банка России или указание на официальную политику или решения регулятора. Любые ошибки в данном материале являются исключительно авторскими.

Ключевые слова: разрыв выпуска, Еврейская автономная область, фильтр Ходрика-Прескотта, экономический цикл, региональная экономика, антициклическая политика

Для цитирования: Кулагина, О. В., Лагулова, Е. С. Оценка разрыва выпуска продукции в Еврейской автономной области // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 3 (112). С. 41–48. EDN: LKWKOK

Original article

Estimating the Output Gap in the Jewish Autonomous Region

Olga V. Kulagina¹, Ekaterina S. Lagulova²¹ The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA, Khabarovsk, Russia² Branch of the Jewish Autonomous Region the Far-Eastern Main Directorate of the Central Bank of the Russian Federation, Birobidzhan, Russia¹ belkyl@yandex.ru² lagulova2016@yandex.ru

Abstract. *This article presents a comprehensive study of the output gap as an indicator of macroeconomic instability on the example of the Jewish Autonomous Region. It made calculations of the output gap, compared the results with alternative assessment methods, analyzed the experience of other researchers, and also determined practical value of the results for regional economic policy. The Hodrick-Prescott filter was used as the main tool, supplemented by a comparative analysis with a Baxter-King filter and the approach based on the production function. It was revealed that since 2020, the region's economy has switched from chronic underutilization of resources to the overheating phase, which requires adjustment of budgetary and monetary policies at the regional level. Practical significance of the study lies in the possibility of using the estimates obtained to target public investments, predict inflation risks and form a balanced countercyclical strategy. This article reflects the personal position of the authors. The content and results of this study should not be considered, including cited in any publications, as an official position of the Bank of Russia or an indication of the official policy or decisions of the regulator. Any mistakes in this material are solely authors'.*

Keywords: *output gap, the Jewish Autonomous Region, Hodrick-Prescott filter, economic cycle, regional economy, countercyclical policy*

For citation: Kulagina, O. V., Lagulova, E. S. (2025) Estimating the Output Gap in the Jewish Autonomous Region. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 3 (112), pp. 41–48. EDN: LKWKOK

Введение

Разрыв выпуска – один из центральных индикаторов макроэкономического анализа, отражающий отклонение фактического объёма производства от его потенциального уровня. Его оценка позволяет не только диагностировать фазу экономического цикла, но и формировать обоснованную региональную экономическую политику [Капелюшников, 2023]. В условиях Российской Федерации, где субъекты отличаются экономической структурой, степенью зависимости от трансфертов и уровнем развития институтов, оценка разрыва выпуска на региональном уровне приобретает особую актуальность.

Еврейская автономная область (ЕАО) – уникальный регион с низкой плотностью населения, высокой долей государственного сектора и зависимостью от федераль-

ного финансирования. Это делает её идеальным «лабораторным» объектом для тестирования методов оценки разрыва выпуска в условиях ограниченности данных и структурных особенностей. Целью данного исследования является комплексное исследование разрыва выпуска продукции в ЕАО и определение практической ценности полученных результатов для региональной экономической политики.

Эмпирической базой исследования стали данные Федеральной службы государственной статистики, данные официального сайта Центрального Банка Российской Федерации, нормативные правовые акты Российской Федерации и ЕАО, результаты исследования отечественных и зарубежных ученых.

Результаты и их обсуждение

В последние годы в России существенно

возрос интерес к оценке разрыва выпуска на региональном уровне. Так, Ульянова и Чернышова (2023) в своем исследовании отмечают, что выбор метода оценки потенциального выпуска должен учитывать специфику региональных данных, при этом **НР-фильтр остаётся наиболее устойчивым инструментом для малых территорий** [Ульянова, Чернышева, 2023].

Как показывает анализ региональных макроэкономических процессов, положительный разрыв выпуска часто сопровождается ростом инфляционного давления и дисбалансами на рынке труда. Это подтверждается в исследовании Р. И. Капелюшникова, где на основе панельных данных по российским регионам выявлена устойчивая взаимосвязь между фазами экономического цикла, динамикой заработных плат и локальной инфляцией. Автор подчёркивает, что в условиях перегрева экономики региональным властям необходимо корректировать параметры бюджетной политики, чтобы не усиливать проинфляционные эффекты [Капелюшников, 2023]. Полученные им выводы особенно актуальны для ЕАО, где с 2020 г. наблюдается устойчивый положительный разрыв выпуска.

Т. В. Грицюк и Е. В. Лялина в своём сравнительном анализе методов оценки разрыва выпуска на региональном уровне приходят к выводу, что НР-фильтр демонстрирует наибольшую устойчивость на коротких временных рядах, тогда как производственная функция требует более полных данных по факторам производства, что ограничивает её применимость в малых регионах [Грицюк, Лялина, 2022]. МВФ в своём последнем методологическом обзоре (2024 г.) также подтверждает, что НР-фильтр остаётся «золотым стандартом» для оперативной оценки разрыва выпуска продукции в условиях ограниченной информации¹.

Похожие выводы содержатся в рабо-

те А. Д. Авилова и А. А. Пестовой, где на основе анализа 45 регионов РФ показано, что НР-фильтр обеспечивает наибольшую устойчивость оценок именно в условиях коротких временных рядов и неоднородной структуры экономики субъектов Российской Федерации [Авилов, Пестова, 2024].

Альтернативный подход к оценке разрыва выпуска — использование ненаблюдаемых компонентных моделей (НКМ) с применением фильтра Калмана — даёт более точные оценки, но требует сложной калибровки и программирования [Балацкий, 2023]. Для целей оперативного регионального анализа, как в случае с Еврейской автономной областью, такой подход избыточен.

В данном исследовании авторы остановили свой выбор на НР-фильтре для оценки разрыва выпуска, поскольку его применение не требует сложных предпосылок и позволяет получать наглядные, легко объяснимые результаты, что особенно важно при работе с ограниченными региональными данными.

Материалы и методы исследования

Для оценки разрыва выпуска продукции в Еврейской автономной области использованы годовые данные по валовому региональному продукту (далее – ВРП) в сопоставимых ценах 2020 г. за период с 2005 г. по 2023 г., предоставленные Территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по ЕАО².

Все расчёты выполнены на основе данных о ВРП, выраженных в сопоставимых ценах 2020 г. Это позволяет исключить влияние инфляции и оценить реальные изменения в объёме производства. Выбор 2020 г. в качестве базового соответствует методологическим стандартам Росстата, действующим с 2021 г., и обеспечивает сопоставимость данных по всем субъектам Российской Федерации³.

¹ МВФ. Методология оценки разрыва в объёмах производства: опыт стран и новые предложения. Рабочий документ МВФ WP/2024/078. Вашингтон: МВФ, 2024. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2024/03/08/Output-Gap-Methodologies-Country-Experiences-and-New-Proposals-546387>

² Управление Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю, Магаданской области, Еврейской автономной области и Чукотскому автономному округу. Официальный сайт: <https://27.rosstat.gov.ru/>

³ Росстат. Методологические положения по расчёту валового регионального продукта. М.: Росстат, 2021. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/metodicheskie-polozheniya-VRP-region-2021.pdf>

В качестве основного метода был применён фильтр Ходрика-Прескотта с параметром сглаживания $\lambda = 100$ для годовых данных. Для сравнения также были рассчитаны:

фильтр Бакстера-Кинга (БК-фильтр) – для выделения циклической составляющей в диапазоне 3–8 лет;

производственная функция Кобба-

Дугласа с оценкой потенциального выпуска через тренд занятости и основных фондов (данные по капиталу – оценочные, на основе инвестиций в основной капитал).

Принцип действия фильтра Ходрика-Прескотта состоит в минимизации функционала следующего вида (рис. 1).

Первый член уравнения представля-

$$\min_{\tau} \left(\sum_{i=1}^t (y_t - \tau_t)^2 + \lambda \sum_{t=2}^{T-1} [(\tau_{t+1} - \tau_t) - (\tau_t - \tau_{t-1})]^2 \right)$$

Рис. 1. Математическая запись фильтра Ходрика-Прескотта
[Ходрик, Прескотт, 1997]

ет собой сумму квадратов отклонений фактических значений ряда от тренда $dt = y_t - \tau_t$, которое определяет циклическую составляющую. Второе слагаемое равно сумме квадратов вторых разностей компонентов тренда. Коэффициент λ – параметр фильтра, подбор которого позволяет получить оптимальное решение. Фактически, второй член уравнения вводит штраф за изменчивость трендовой составляющей, а параметр λ изменяет размер этого штрафа. Если $\lambda = 0$, то результирующий ряд будет равен исходному. При устремлении параметра λ к бесконечности, тренд стремится к линейному⁴.

Подбор оптимального значения параметра λ для конкретного случая является отдельной задачей. В научных исследованиях можно встретить некоторые практические рекомендации: для ежемесячных данных используют значение $\lambda = 14400$, для квартальных $\lambda = 1600$, а для годовых $\lambda = 100$ [Ходрик, Прескотт, 1997].

Математическая основа фильтра Ходрика-Прескотта подробно описана в классических работах по эконометрике, в том числе в учебнике С. А. Айвазяна и В. С. Мхитаряна, где приведены как теоретические обоснования, так и практические рекомендации по выбору параметра λ для различных типов данных [Айвазян, Мхитарян, 2022].

Расчет разрыва выпуска продукции

(дефицит продукции) осуществляется по формуле⁵:

Дефицит продукции (%) = $[(Y_{\text{факт}} - Y_{\text{потенц}}) / Y_{\text{потенц}}] \times 100\%$, (1)

где $Y_{\text{факт}}$ – фактическое значение ВРП,

$Y_{\text{потенц}}$ – потенциальное значение ВРП.

Результаты исследования

Для оценки разрыва выпуска продукции в Еврейской автономной области использованы годовые данные по ВРП в сопоставимых ценах 2020 г. за период 2005–2023 гг. (табл. 1).

Интерпретация сравнительного анализа результатов оценки разрыва выпуска в ЕАО (табл. 1), следующая:

НР-фильтр даёт наиболее сглаженную и понятную траекторию;

БК-фильтр более чувствителен к краткосрочным колебаниям; в 2022–2023 гг. он показывает сокращение разрыва быстрее, чем НР-фильтр;

производственная функция систематически занижает потенциальный выпуск (из-за недооценки качества капитала), поэтому разрыв по ней меньше, но тенденция совпадает.

Все три метода (рис. 2) согласованно фиксируют переход от отрицательного значения показателя разрыва выпуска в ЕАО к положительному в 2020 г. – это не артефакт метода, а реальный экономиче-

⁴ ОЭСР. Экономический прогноз ОЭСР. Методологическое приложение: оценка потенциального объема производства и разрыва в объеме производства. Париж: Издательство ОЭСР, 2023. DOI: 10.1787/345f990c-en

⁵ Расчет потенциального ВРП ($Y_{\text{потенц}}$) осуществляется с применением программного обеспечения EViews 13 с использованием встроенных функций @hpf и @bkfilt

Таблица 1

**Сравнение значений оценки разрыва выпуска в ЕАО по трём методам,
2005–2023 гг. (%)**

Год	НР-фильтр	ВК-фильтр	Производственная функция
2005	-3.8	-4.1	-5.2
2010	-3.2	-2.9	-4.0
2015	-2.0	-1.8	-2.5
2019	-1.5	-1.2	-1.8
2020	+1.9	+2.3	+1.5
2021	+2.7	+3.0	+2.2
2022	+2.7	+2.5	+2.0
2023	+2.3	+2.0	+1.8

Источник: расчёты авторов на основе данных Росстата².

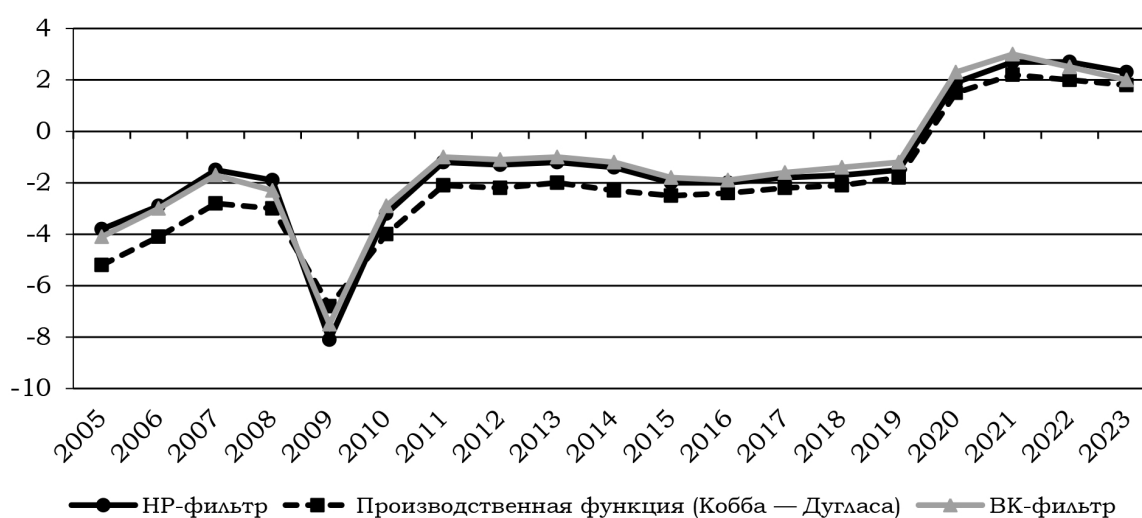

Рис. 2. Графическое изображение оценки разрыва выпуска продукции в ЕАО тремя методами, 2005–2023 гг., %

Источник: расчёты авторов на основе данных Росстата

ский сдвиг. НР-фильтр наиболее устойчив к выбросам (например, в 2009 г. – 8,1% против – 7,5% по ВК-фильтру и – 6,8% по Коббу-Дугласу). Производственная функция требует более точных данных; в условиях ЕАО с ограниченной статистикой упо капитала, её применение затруднено.

Практическая значимость исследования

Для анализа изменений в экономической активности и благосостоянии региона используется динамика фактического ВРП, тогда как динамика потенциального ВРП используется для прогнозирования экономического развития [Маршалл, 2020]. Динамика значений фактического и потенциального ВРП ЕАО в 2005–2023 гг. представлена в таблице 2.

Рассчитанный разрыв выпуска продукции для ЕАО – это не академическая абстракция, а инструмент управления экономикой региона [Бланшар, 2023].

При положительном разрыве выпуска продукции правительству ЕАО следует усилить мониторинг инфляционных ожиданий, кредитной экспансии и роста заработной платы, что наблюдалось в период с 2020 г. по 2023 г.

В случае перехода к нулевому или отрицательному разрыву выпуска продукции необходимо подготовить меры по стимулированию кредитования малого бизнеса.

Региональному правительству ЕАО следовало избегать увеличения текущих расходов в период перегрева экономи-

Таблица 2

**Динамика значений фактического и потенциального ВРП ЕАО, 2005–2023 гг.
(млрд руб. в сопоставимых ценах 2020 г.)**

Год	Фактический ВРП	Потенциальный ВРП (НР)	Разрыв (%)
2005	28,1	29,2	-3,8
2010	45,3	46,8	-3,2
2015	68,7	70,1	-2,0
2019	85,4	86,7	-1,5
2020	89,2	87,5	+1,9
2021	93,5	91,0	+2,7
2022	97,8	95,2	+2,7
2023	102,1	99,8	+2,3

Источник: расчёты авторов проведены с использованием фильтра Ходрика-Прескотта на основе данных Росстата².

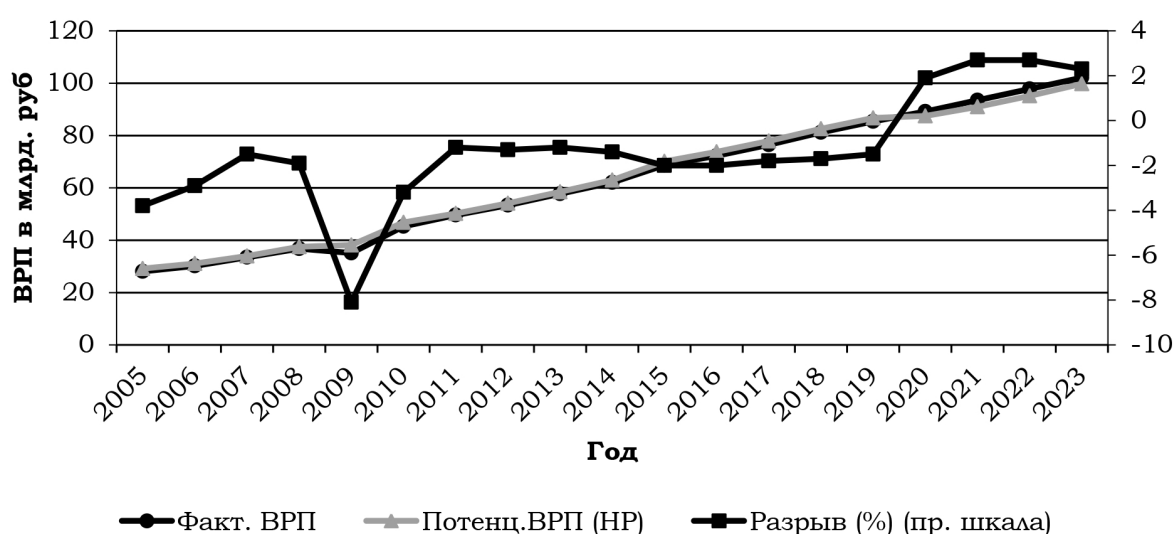

Рис. 3. Графическое изображение динамики фактического и потенциального ВРП ЕАО (рассчитано с использованием фильтра-НР).

ки (2020–2023 гг.), чтобы не усугублять инфляцию и направлять инвестиции на повышение производительности (цифровизация, логистика, кадры), а не на потребительский спрос; использовать оценку разрыва для обоснования запросов на федеральные трансферты, например, при возвращении к отрицательному разрыву.

Как отмечают В. А. Бессонов и Б. В. Кузнецов, разрыв выпуска всё чаще используется представительствами ЦБ РФ в качестве оперативного индикатора для корректировки параметров денежно-кредитной политики на региональном уровне, включая управление рефинансированием и надзор за кредитным портфелем банков [Бессонов, Кузнецов, 2023].

Выводы

Экономика ЕАО в 2005–2019 гг. находилась в состоянии хронического недоиспользования ресурсов (средний разрыв выпуска – 2,1 %), что требовало стимулирующей политики. Особенно глубокий спад в 2009 г. (-8,1 %) подтверждает высокую чувствительность региона к внешним потрясениям [Балацкий, Екимова, 2023].

Начиная с 2020 г., регион вступил в фазу устойчивого перегрева (+1,9% в 2020 г., +2,7% в 2021–2022 гг.). Вероятно, это связано с ростом государственных расходов по программам поддержки и инфраструктурным проектам. В 2023 г. наметилась стабилизация (+2,3%), что может являться как

признаком «самоостывания» экономики, так и эффектом административного сдерживания.

Сравнение методов показало, что фильтр-НР даёт наиболее надёжные и интерпретируемые результаты для условий экономического развития Еврейской автономной области. Фильтр-ВК более чувствителен к краткосрочным колебаниям, а производственная функция Кобба-Дугласа требует более точных данных, чем те, что доступны.

Практическая ценность исследования заключается в возможности исполь-

зования разрыва выпуска продукции в регионе как оперативного индикатора для принятия решений, позволяющего избегать ошибок проциклической политики, таргетировать инвестиции, прогнозировать инфляционные и социальные риски, обосновывать запросы на федеральную поддержку. Также следует учитывать ограничения исследования: короткий временной ряд, отсутствие дезагрегированных данных по секторам экономики, невозможность учесть качественные изменения в структуре капитала и рабочей силы.

Список источников:

1. Авилов, А. Д., Пестова, А. А. Оценка разрыва в выпуске в российских регионах: методология и практика применения // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2024. № 1 (77). С. 65–78. DOI: 10.24412/2073-2957-2024-1-77-65-78
2. Айвазян, С. А., Мхитарян, В. С. Прикладная статистика и основы эконометрики: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2022. – 1056 с.
3. Балацкий, Е. В., Екимова, Н. А. Методы оценки потенциального ВВП в условиях структурных сдвигов // Экономика и математические методы. 2023. Т. 59. № 2. С. 45–60. DOI: 10.31857/S0424738823020035
4. Бессонов, В. А., Кузнецов, Б. В. Разрыв выпуска как индикатор денежно-кредитной политики: региональный аспект // Деньги и кредит. 2023. № 8. С. 34–45. DOI: 10.26794/1019-8867-2023-8-34-45
5. Бланшар, О., Ли, Д. Ошибки в прогнозах экономического роста и бюджетные мультипликаторы // Рабочий документ МВФ. 2023. WP/23/45. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2023/03/17/Growth-Forecast-Errors-and-Fiscal-Multipliers-531495>
6. Грицюк, Т. В., Лялина, Е. В. Сравнительный анализ методов оценки разрыва выпуска на региональном уровне // Финансы и кредит. 2022. Т. 18, № 11. С. 1345–1362. DOI: 10.26794/1019-8867-2022-18-11-1345-1362
7. Капелюшников, Р. И. Инфляция и рынок труда: региональные аспекты // Вопросы экономики. 2023. № 6. С. 12–30. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-6-12-30
8. Маршалл, А. Принципы экономической науки. Т. 1. М.: Прогресс, 1993. (Переиздание 2020 г.)
9. Ульянова, Н. Н., Чернышева, А. В. Методы оценки потенциального выпуска в региональной экономике: сравнительный анализ // Региональная экономика: теория и практика. 2023. № 18. С. 112–125. DOI: 10.18334/region.23.18.115670
10. Ходрик, Р. Дж., Прескотт, Э. К. Послевоенные экономические циклы в США: эмпирическое исследование // Journal of Money, Credit and Banking. 1997. Vol. 29. No. 1. Pp. 1–16. DOI: 10.2307/2953682

References:

1. Avilov, A. D., Pestova, A. A. (2024) Assessment of the output gap in Russian regions: methodology and application practice. Regional Economics and Management: Electronic Scientific Journal, no. 1 (77), pp. 65–78. DOI: 10.24412/2073-2957-2024-1-77-65-78 (in Russ.).
2. Ayvazyan, S. A., Mkhitaran, V. S. (2022) Applied statistics and fundamentals of

econometrics: Textbook for universities. 2nd ed., revised and additional. – M.: UNITY-DANA. 1056 p. ISBN: 978-5-238-03678-1 (in Russ.).

3. Balatskiy, E. V., Ekimova, N. A. (2023) Methods for Estimating Potential GDP under Structural Shifts. *Economics and Mathematical Methods*, vol. 59, no. 2, pp. 45–60. DOI: 10.31857/S0424738823020035 (in Russ.).

4. Bessonov, V. A., Kuznetsov, B. V. (2023) Output gap as an indicator of monetary policy: the regional aspect. *Money and Credit*, no. 8, pp. 34–45. DOI: 10.26794/1019-8867-2023-8-34-45 (in Russ.).

5. Blanshar, O., Li, D. (2023) Growth Forecast Errors and Fiscal Multipliers. WP/23/45. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2023/03/17/Growth-Forecast-Errors-and-Fiscal-Multipliers-531495> (in Russ.).

6. Gritsyuk, T. V., Lyalina, E. V. (2022) Comparative Analysis of Methods for Estimating the Output Gap at the Regional Level. *Finance and Credit*, vol. 18, no. 11, pp. 1345–1362. DOI: 10.26794/1019-8867-2022-18-11-1345-1362 (in Russ.).

7. Kapelyushnikov, R. I. (2023) Inflation and Labor Market: Regional Aspects. *Economic Issues*, no. 6, pp. 12–30. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-6-12-30 (in Russ.).

8. Marshall, A. (1993) *Principles of Economics*. Vol. 1. Moscow: Progress. (Reprint 2020) (in Russ.).

9. Ul'yanova, N. N., Chernysheva, A. V. (2023) Methods for Estimating Potential Output in Regional Economics: Comparative Analysis. *Regional Economics: Theory and Practice*, no. 18, pp. 112–125. DOI: 10.18334/region.23.18.115670 (in Russ.).

10. Khodrik, R. Dzh., Prescott, E. K. (1997) Postwar U.S. Business Cycles: An Empirical Investigation. *Journal of Money, Credit and Banking*, vol. 29, no. 1, pp. 1–16. DOI: 10.2307/2953682 (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 22.07.2025; одобрена после рецензирования 08.09.2025; принята к публикации 10.09.2025.

The article was submitted 22.07.2025; approved after reviewing 08.09.2025; accepted for publication 10.09.2025.

Информация об авторах

О. В. Кулагина – кандидат экономических наук, заведующий кафедрой менеджмента и государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал;

Е. С. Лагулова – руководитель направления Отделения по Еврейской автономной области Дальневосточного главного управления Центрального банка Российской Федерации; аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the authors

O. V. Kulagina – Candidate of Economics, Head of the chair of management and public administration, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPa;

E. S. Lagulova – Head of the Jewish Autonomous Region branch of the Far-Eastern Main Directorate of the Central Bank of the Russian Federation, graduate student, the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, branch of the Far-Eastern institute of management.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Научная статья

УДК 332.133

<https://elibrary.ru/MAOLNN>

Опыт исследований локальных рынков труда: пространственный аспект

Светлана Николаевна Найден¹, Полина Сергеевна Бравок²

^{1,2} Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия

¹ nayden@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1647-7853>

² bravok@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4196-6840>

Аннотация. В статье представлен обзор научных исследований отечественных и зарубежных авторов, посвященных вопросам возникновения и функционирования локальных рынков труда в пространстве. Особое внимание уделено определению понятия «локальный рынок труда», его сущности, структуре и характеристикам, а также особенностям формирования рынков на различных иерархических уровнях территориальной системы. В процессе систематизации работ выявлено, что локальные рынки труда функционируют в рамках конкретных географических зон, где спрос и предложение рабочей силы определяются местными экономическими условиями, которые оказывают непосредственное влияние на требования работодателей и запросы работников при поиске и найме на работу. Анализируя способы выделения локальных рынков труда в пространстве, показано, что в качестве критериев обоснования их ареалов чаще всего используются параметры транспортной доступности, плотности рабочих мест, занятости и трудовой мобильности. Учитывая подвижность и гибкость границ рынков, не совпадающих с административно-территориальным делением, важным остается поиск способов и инструментов их обоснования в современных условиях.

Ключевые слова: локальный рынок труда, трудовые ресурсы, миграция рабочей силы, пространственное развитие, транспортная доступность, мобильность

Для цитирования: Найден, С. Н., Бравок, П. С. Опыт исследований локальных рынков труда: пространственный аспект // Власть и управление на Востоке России. 2025 № 3 (112). С. 49–61. EDN: MAOLNN

Original article

Experience in Researching Local Labor Markets: the Spatial Aspect

Svetlana N. Naiden¹, Polina S. Bravok²

^{1,2} The Economic Research Institute, FEB RAS, Khabarovsk, Russia

¹ nayden@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1647-7853>

² bravok@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4196-6840>

Abstract. The article presents an overview of scientific research by domestic and foreign authors devoted to emerging and functioning of local labor markets.

The study defines the concept of “a local labor market,” its essence, structure, and characteristics, as well as the peculiarities of market formation at various hierarchical levels of the territorial system. By systematizing the data, the research proves that local labor markets operate within specific geographical areas where labor supply and demand are determined by local economic conditions directly influencing requirements of employers and employees’ demands when looking for and hiring jobs. Analyzing the methods of identifying local labor markets in space, the study concludes that the parameters of transport accessibility, job density, employment and labor mobility are most often used as criteria for substantiating their areas. It also concludes that the mobility and flexibility of market boundaries do not coincide with the administrative-territorial division. The study underlines the importance to search for ways and tools to substantiate local markets in modern conditions.

Keywords: local labor market, labor resources, labor migration, spatial development, transport accessibility, mobility

For citation: Naiden, S. N., Bravok, P. S. (2025) Experience in Researching Local Labor Markets: the Spatial Aspect. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 3 (112), pp. 49–61. EDN: MAOLNN

Введение

Пространство играет важную роль в экономике страны и ее регионов, влияя на размещение производства, распределение ресурсов, развитие отраслей и формирование рынков [Минакир, 2005; Минакир, Демьяненко, 2014]. Пространственная организация экономики представляет собой динамичное, непрерывно изменяющееся взаимодействие социально-экономической активности населения в координатах «пространство – время» и реализуется в форме иерархически взаимосвязанных территориальных систем (поселений, городов, агломераций и иных) [Анимица, 2007]. Одним из важных элементов пространственной организации экономики является рынок труда, который выполняет системообразующую функцию в территориальном распределении трудовых ресурсов и согласовании спроса и предложения рабочей силы. Будучи неотъемлемой частью социально-экономических систем, рынок труда отражает пространственную дифференциацию экономического развития, проявляющуюся в неравномерном распределении занятости, уровне заработной платы и профессионально-квалификационной структуре рабочей силы [Российский рынок труда..., 2017]. В результате этой дифференциации формируются локальные сегменты рын-

ка труда, в рамках которых достигается тот или иной уровень сбалансированности спроса и предложения рабочей силы в зависимости от особенностей и потребностей конкретных территорий. В условиях усиления конкуренции за трудовые ресурсы на фоне сохранения демографических ограничений и пространственного неравенства в уровне социального и экономического развития территорий понимание сущности и механизмов локализации рынков труда в пространстве становится неотъемлемой частью поиска адекватных решений по развитию современных систем расселения и обеспечению экономического благополучия.

Цель работы — сформировать на основе систематизации теоретических и прикладных исследований отечественных и зарубежных авторов представления о понятии «локального рынка труда», способах определения его границ и масштабов в пространстве.

Локальный рынок труда: понятие, особенности, характеристики

Формирование рынка труда в пространстве происходит под влиянием различных факторов (географических, природно-климатических, демографических, экономических, культурно-образовательных и пр.), что оказывает существенное влияние на занятость населения с точки зрения мест приложе-

ния труда [Попов, Соловьева, Короленко, Груздева, 2024. С. 28]. **Например, в условиях** дефицита рабочих мест и упадка экономики в сельской местности, часть сельского населения вынуждена искать работу вне места жительства в ближайших городах и поселениях, предлагающих зачастую не только рабочие места, но и сравнительно более высокий уровень оплаты [Нефедова, Мкртчян, 2017]. То есть происходят перетоки рабочей силы с одних рынков труда в другие, где созданы условия более благоприятные для реализации трудового потенциала. При этом не существует единого для всей страны рынка труда, а скорее «существует система достаточно слабо взаимосвязанных между собой территориальных/локальных рынков труда» [Ощепков, Капелюшников, 2015. С. 3]. **Другими словами,** национальный рынок труда сегментирован и существует в виде совокупности относительно изолированных региональных рынков труда [Российский рынок труда..., 2017], которые в свою очередь состоят из множества локальных рынков, для которых характерны свои пространственные особенности. Если национальное экономическое пространство представляется как система с иерархической структурой [Джурка, 2021], то в структуре национального рынка труда региональные рынки труда будут выглядеть как совокупность независимых или частично пересекающихся локальных рынков труда, границы которых могут накладываться друг на друга, соприкасаться или быть обособленными, а также не совпадать с административно установленными границами регионов как административно-территориальных единиц страны (субъектов РФ). Пример тому, «работники, проживающие близко к границе некоторого региона, оказываются занятыми в населенном пункте, принадлежащем соседнему региону. ... Следует ожидать, что рынок труда внутри отдельных регионов как единое целое может и не существовать, представляя собой в реальности совокупность из нескольких локальных рынков, центрами которых обычно являются крупные населенные пункты» [Ощепков, Капелюшни-

ков, 2015. С. 4]. Изучение распределения локальных рынков труда в пространстве позволяет определить экономические и территориальные ограничения или потенциальные возможности для эффективного использования трудовых ресурсов на конкретных территориях.

В научной литературе понятие «локальный рынок труда» имеет разные интерпретации. Под ним могут понимать как территориально удаленный от других локальный или относительно изолированный, автономно развивающийся рынок труда, так и четко привязанный к отдельным муниципальным образованиям либо географическим районам [Horan, Tolbert, 1984; Хорунжин, 2007]. В зарубежной литературе термин «локальный рынок труда» (англ. local labour market) широко используется для описания территории, в пределах которой сосредоточены спрос и предложение труда, возможности для трудоустройства, подразумевая под собой местные рынки труда территориальных образований [Kerr, 1954. С. 93; Thompson, 1956; Horan, Tolbert, 1984. С. 10]. В отечественной литературе наиболее часто под «локальным» понимают местный или муниципальный (городской, районный) рынок труда, в пределах которого сосредоточено множество организаций (хозяйственных структур), развиваются экономические и социальные трудовые отношения, заключается большая часть трудовых договоров между работодателями и продавцами трудовых услуг, проживающими на территории [Зайниева, 2009. С. 149; Калабина, 2009; Зайниева, 2011; Фокин, Зайниева, 2015]. Ряд авторов под локальным рынком труда подразумевают рынок труда на уровне предприятия (фирмы) [Калабина, Орехова, 2009; Хорунжин, 2007], в том числе в пределах монопрофильного города [Колесов, 2004]. Отдельно выделяется понятие локального рынка труда агломерации или города вместе с примыкающей пригородной зоной, население которой ежедневно совершает поездки на работу в городской центр [Калабина, 2009; Шитова, 2009; Фаузер, Смирнов, Лыткина, Фаузер, 2019(a)]. Исходя из того, что городская агломерация объединяет широкую хозяйственно-экономическую

и социально-гуманитарную деятельность, концентрируя места приложения труда для рабочей силы, то на ее территории формируется высокоэффективный рынок труда, который приводит к аккумулярованию квалифицированных кадров, способствуя росту производительности труда на территории агломерации [Антонов, 2020], что обеспечивает эффективность функционирования города в целом¹.

С развитием транспортных связей в определение «локального рынка труда» стали включать характеристики пространства, за рамки которого редко выходят ежедневные поездки на работу, а степень перемещения внутри достаточно высока [Goodman, 1970. С. 184]. В зарубежной литературе получил распространение термин «область рынка труда» (англ. *labour market area*), который имеет пространственную привязку и тесно связан с трудовыми ежедневными поездками. Евростат определяет «область рынка труда» как статистически очерченную, экономически интегрированную территорию, где живет и работает подавляющая часть рабочей силы и в пределах которой люди могут легко сменить работу, не меняя места жительства, что согласуется как с традиционным описанием рынков труда в пределах центральных городов, где концентрируется рабочая сила, и перемещения не выходят за пределы постоянных мест проживания [Thompson, 1956], так и с более современными подходами, когда рынок труда включает города и населенные пункты, взаимосвязанные единой транспортной сетью и экономической базой, формирующие единое пространство [Хорунжин, 2007].

В случае высокоурбанизированных территорий это вполне справедливо, а для распределенных в пространстве ареалов экономической деятельности и систем неравномерного расселения требуются уточнения, в том числе информационные. Так, при рассмотрении локальных рынков труда в отечественных работах по Арктической зоне [Фаузер, Смирнов, Лыткина, Фаузер, 2019(a)] вы-

деляются рынки труда городских округов и муниципальных районов, по которым в открытом доступе публикуется весьма ограниченная информация, характеризующая статистику труда. На это обращается внимание при отождествлении локальных рынков труда с рынками труда муниципалитетов, когда низкая достоверность и отсутствие детализированных статистических данных являются причиной, почему в России проблематика локальных рынков труда остается относительно слабоизученной [Antonov, 2019].

Тем не менее развитие современных технологий позволило расширить применение анализа «больших данных», в том числе и для изучения локальных рынков труда [Аверкиева, Антонов, Кириллов и др., 2016; Махрова, Кириллов, Бочкарёв, 2019]. Так, на основе данных сотовых операторов о передвижениях абонентов в г. Москве авторы отечественного исследования провели классификацию локальных рынков труда в зависимости от масштабов экономической деятельности внутри городских районов и интенсивности ежедневных маятниковых миграций, указав на наличие высокой внутригородской дифференциации при сохранении ключевой роли фактора доступности работы относительно места жительства, а также убывающего «к окраинам города представительства «рабочих» районов, которые расположены преимущественно в центральной, субцентральной и срединной зоне, при увеличении числа спальных районов из внутренней и внешней периферии» столицы [Махрова, Бочкарёв, 2018. С. 66].

В зависимости от наличия тех или иных характеристик локального рынка труда исследователи проводят их типологию. Так, на территории российской Арктики, используя данные о численности населения и занятых, в том числе в преобладающих видах деятельности, уровне регистрируемой безработицы, размере заработной платы, были выделены группы добывающих, обрабатывающих, инфраструктурных, социальных,

¹ Пузанов А. С. Презентация почетного доклада «Города как рынки труда» А.Барто 28.05.2020. URL: <https://urbaneconomics.ru/centr-obshchestvennyh-svyazey/news/prezentaciya-pochetnogo-doklada-goroda-kak-rynki-truda-odnogo-iz>

смешанных и закрытых локальных рынков труда, обладающих специфическими социально-демографическими и трудовыми особенностями [Фаузер, Смирнов, Лыткина, Фаузер, 2019(а), 2019(б)]. На рынках труда регионов ресурсного типа степень ресурсной зависимости в совокупности с пространственными, демографическими и институционально-организационными факторами может определять локальную специфику рынка труда [Курбатов, Донова, 2021], к числу которых, например, относится сезонная занятость на Аляске, имеющая отраслевой характер [Корчак, 2015].

Среди многообразия описываемых характеристик исследователи сходятся в одном – локальные рынки труда функционируют в рамках конкретных географических зон, где спрос и предложение рабочей силы определяются местными экономическими условиями, которые оказывают непосредственное влияние на то, по каким параметрам работники ищут работу, а работодатели нанимают сотрудников [Horan, Tolbert, 1984; Topel, 1986]. На специфику и функционирование локального рынка труда могут оказывать влияние: доступность рабочих мест, транспортная инфраструктура и плотность населения [Hanson Pratt, 1992]; наличие тесных связей и транспортной сети, обеспечивающей свободное перемещение рабочей силы, автономность (обособленность) относительно других рынков регионов, привязанность рабочих мест к конкретным населенным пунктам [Лунёва, 2003]. Отмечается, что пространство не просто является «сосудом» для трудовых процессов, но и активно формирует их [Hanson, Pratt, 1992], оказывая влияние на экономические параметры спроса и предложения, распределение и мобильность рабочей силы. Как следствие, возникает вопрос определения границ и масштабов локализации подобных процессов и отношений, связанных общим понятием рынка труда [Ощепков, Капелюшников, 2015. С. 4].

Способы выделения локального

рынка труда в пространстве

Наиболее часто локальные рынки труда соотносятся с существующими единицами административно-территориального деления [Корчак, 2015; Фаузер, Смирнов, Лыткина, Фаузер, 2019(а)], поскольку именно в их границах происходит сбор официальной статистики по труду и реализуется соответствующая политика по регулированию занятости населения. Изучение масштабов локальных рынков труда, в первую очередь, служит альтернативой традиционному административному делению, которое часто является результатом исторических или политических обстоятельств, не отражая реальные размеры местного рынка труда, который может включать в себя несколько близко расположенных административных единиц, связанных трудовыми связями [Ощепков, Капелюшников, 2015. С. 29–32]. Исследование потенциальных границ локальных рынков позволяет определить существующие экономические и территориальные ограничения и/или возможности расширения использования (применения) трудовых ресурсов конкретных городов и регионов [Antonov, 2019]. Ввиду отсутствия общепринятой методики выделения локального рынка труда исследователи применяют разнообразные подходы и способы к определению границ искомой локации.

Сразу оговоримся, что в настоящее время широкое распространение получила дистанционная и платформенная (цифровая) занятость², которая существенно трансформировала структуру локальных рынков труда, расширив возможности привлечения специалистов из других регионов и даже стран [Капелюшников, Зинченко, 2024]. Подобное явление способствует снижению географических ограничений для работодателей и соискателей, усиливая конкуренцию за квалифицированные кадры и изменяя традиционные модели занятости. Однако в настоящем обзоре концентрируется внимание на традиционных подходах к

² Дистанционная занятость: масштабы распространения в компаниях. Мониторинг цифровой трансформации бизнеса. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/913237964.pdf>

выделению локального рынка труда, когда речь идет о реальном присутствии рабочей силы в месте приложения труда.

В значительной части зарубежных исследований для идентификации границ и масштабов локального рынка труда используются параметры плотности занятого населения и транспортной доступности мест приложения труда. Локальный рынок труда в этом случае определяется как зона, размер которой зависит от расстояния, которое работник готов преодолевать ежедневно к рабочему месту и обратно. С развитием транспортной системы распространение получили длительные поездки на работу, что вызвало интерес ученых к географическому разделению места жительства и места приложения труда. Следовательно, локальные рынки труда могут не иметь четких географических и профессиональных границ, в пределах которой работники обычно стремятся предложить свои услуги, а некоторые работодатели – нанять их [Кегг, 1954]. Анализируя мегаполисы, оказалось, что масштабы локальных рынков труда тесно связаны с предпочтениями работников как в отношении места жительства, так и местоположения работы [Goldner, 1955]. Предпочтения могут охватывать любые районы города, а значит, границы локального рынка труда являются произвольными, гибкими и меняются со временем и в зависимости от экономических обстоятельств.

Постепенно при разграничении локальных рынков труда, а также при выделении метрополитенских ареалов, состоящих из ядра, внутреннего и внешнего метрополитенских поясов, стал использоваться показатель доли жителей периферии, работающих в центральных районах ядра агломерации [Hall, Gracey, Drewett, Thomas, 1973]. Считалось, что не менее 70% рабочих мест, занятых жителями периферии, должно быть сосредоточено в ядре, а по 15% распределено между внешним и внутренними метрополитенскими поясами. Затем для определения границ локального рынка труда подключили параметры автономности (рассчитываемой на основе доли работающих, не проживающих на исследуемой тер-

ритории) и силы транспортных связей с соседними районами (если транспортные связи отсутствовали вовсе, территория идентифицировалась как «идеальный» рынок труда) [Smart, 1974].

На рубеже XX и XXI веков с развитием транспортных средств и улучшением качества дорог границы локальных рынков труда стали определяться на основе расчета коэффициентов расстояния (чем ниже значение коэффициента, тем ближе расположены районы, у которых характер трудовых поездок имеет высокое сходство) [Tolbert, Sizer, 1996]. В основу методики положен принцип сочетания внутригрупповой однородности территорий при сохранении неоднородности между группами. Используя иерархический алгоритм кластеризации, путем перебора всех объектов исследования и последовательного объединения в группы наиболее схожих пар районов (с наименьшим коэффициентом расстояния или наибольшей силой взаимосвязи), выстраивается многоуровневая структура рынков труда с разной степенью локализации.

Современный подход определения границ локальных рынков труда выстраивает процедуру обоснования уже через концепцию «стоимости расстояния», которая предполагает, что по мере увеличения расстояния от места проживания соискателей до места работы происходит снижение количества откликов на вакансии, поскольку финансовые и временные издержки на трудовые поездки уменьшают привлекательность рабочих мест с ростом их удаленности [Manning, Petrongolo, 2017]. Особенностью данного подхода является учет географического пересечения локальных рынков труда, который объясняет, что экономические кризисы способны вызывать «волновые эффекты», распространяя влияние на трудовую активность соседних (приграничных) территорий. Масштабы локального рынка труда нестабильны, они могут меняться в зависимости от той или иной социально-экономической ситуации, оставаясь индивидуальными для разных субъектов рынка труда, оперирующих собственными предпочтениями

и мотивациями.

Одним из современных отечественных подходов к определению границ локального рынка труда стал способ, основанный на социологическом анализе потенциальной трудовой мобильности населения, определяемой временными характеристиками работы общественно-го транспорта, возможностями предприятий по организации доставки сотрудников и параметрами маятниковой миграции в рамках суточного цикла [Фокин, Зайниева, 2015]. Как установили авторы методики, наиболее предпочтительными для работников являются места работы в радиусе 50 км от городского центра и примерно в 1-часовой доступности общественным транспортом.

Учет показателя транспортной доступности центра (ядра) или центрального района города [Ижгузина, 2014], помимо определения масштабов городской агломерации, позволяет устанавливать границы и масштаб локального рынка труда [Найден, Бравок, 2024]. Если оптимальной транспортной доступностью до мест работы (отдыха и социальных услуг) традиционно считается интервал 30–45 минут в пути³, то в зоне 60-минутной транспортной доступности располагается срединная зона, в том числе и пригородная территория (полупериферия), где совершается подавляющее большинство перемещений населения с целью удовлетворения трудовых, социальных и культурных потребностей, а также размещены многие фирмы, технологически и организационно связанные с предприятиями, расположенными в ядре формируемого рынка труда или близко к нему. Основной недостаток этой методики заключается в том, что она позволяет оценить лишь вероятные масштабы локального рынка труда. С другой стороны, подобные оценки могут стать основой для обоснования потенциальных границ будущих агломераций, для которых расширение локального

рынка труда является одним из условий формирования [Попов, 2018].

Альтернативный подход к изучению границ локальных рынков труда предполагает анализ не географических, а отраслевых и профессиональных особенностей, когда крупные развитые агломерации притягивают не только высокотехнологичные компании с квалифицированными специалистами, но и сопутствующие предприятия, способные предлагать конкурентоспособные зарплаты [Moretti, 2012]. Аналогичные тенденции наблюдаются и в российских городах, где концентрация высококвалифицированных кадров сопрягается с повышенным уровнем деловой активности, экономически мобильным населением и более высокой равновесной заработной платой [Гильтман, 2021]. Такие города становятся центрами притяжения рабочей силы, формируя специфические отраслевые/профессиональные границы локальных рынков труда, для которых может быть характерно временное состояние монополии, даже если они расположены не на территориях моногородов [Павлов, 2023].

Важным инструментом выделения локальных рынков труда остается учет параметров маятниковой трудовой миграции, связанной с регулярными перемещениями работников между местом проживания и местом работы в пределах смежных территорий [Бедрина, 2019; Солодова, Калачикова, 2023; Шитова, 2009]. Территориальная близость населенных пунктов повышает общую эффективность локального рынка труда, что позволяет жителям найти работу, отвечающую их квалификации, а фирмам – снизить затраты на поиск рабочей силы и географически расширить горизонт подбора персонала [Козлова, Макарова, 2018]. Причины формирования устойчивых потоков маятниковой трудовой миграции выражаются в различиях между локальными рынками труда [Антонов, 2020], когда «избыток спроса на труд в одном

³ Об утверждении методических рекомендаций по оптимизации систем транспортного обслуживания городских агломераций, а также внедрению цифровых технологий оплаты проезда и мониторинга транспортного обслуживания населения: Приказ Министерства транспорта РФ от 30 декабря 2021 г. № 482. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403423478/>

регионе сопровождается избытком предложения труда в другом или других регионах» [Синтез..., 2011. С. 599], что приводит к неэффективному распределению трудовых ресурсов по территории страны и снижению общего уровня благосостояния [Ощепков, Капелюников, 2015, С. 4]. Условием запуска механизма перемещений трудовых ресурсов между рынками труда чаще всего становятся: сравнительный уровень заработной платы, условия труда и проживания [Гильтман, 2021]. При этом «пониженная мобильность населения выступает как фактор локализации рынков труда, что снижает ставки заработной платы, а повышенная мобильность экономически активного населения подрывает границы локального рынка труда», создавая «узлы противоречий» [Феоктистова, 2009. С. 16].

Заключение

Таким образом, территориально локальный рынок труда может быть представлен как зона, размер которой зависит от расстояний, преодолеваемых ежедневно потенциальными работниками по дороге на работу и обратно. Именно поэтому одними из ключевых параметров в определении границ и масштаба локального рынка труда выступают транспортная доступность мест приложения труда, плотность рабочих мест, экономическая и транспортная связанность внутри локации по сравнению с соседними территориями.

На формирование локальных рынков труда оказывают непосредственное

влияние социально-демографические характеристики территории, отраслевая специализация и плотность экономической деятельности, развитие транспортной сети и уровень доходов населения. Поскольку локальные рынки труда чаще всего не совпадают с административно-территориальными единицами, на территориях, которых они располагаются, исследователи предлагают различные методики для определения их границ и масштабов, которые варьируют от анализа трудовых поездок до кластеризации территорий на основе схожести экономических условий. Особо отмечается, что в условиях интеграции территорий и гибкости границ локальных рынков труда последние способны трансформироваться под влиянием социально-экономических изменений.

Отечественный пласт исследований локальных рынков труда демонстрирует их слабую изученность и фрагментарность, что в значительной мере связано с отсутствием детализированной статистической информации в разрезе муниципальных систем, а особенно в разрезе отдельных поселений. Тем не менее изучение процессов формирования и преобразования рынков труда в пространстве, особенно на уровне городов и опорных центров расселения, которые аккумулируют значительные демографические ресурсы, сохраняет свою актуальность и требует продолжения поиска новых способов и инструментов для предметного исследования.

Список источников:

1. Аверкиева, К. В., Антонов, Е. В., Кириллов, П. А., Махрова, А. Г., Медведев, А. А., Неретин, А. С., Нефедова, Т. Г., Трейвиш, А. И. Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России. М. : Новый хронограф, 2016. 504 с. <http://dx.doi.org/10.15356/ВНАН2016> EDN: WZEKGR.
2. Анимича, Е. Г. Пространственная организация общества: постановка проблемы и концептуальные установки // Известия УрГЭУ. 2007. № 2. С. 82–85. EDN: MWACCB.
3. Антонов, Е. В. Рынки труда городских агломераций в России // Региональные исследования. 2020. № 2(68). С. 88–100. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2020-2-7>. EDN: FPUGWO.
4. Бедрина, Е. Б. Особенности расселения трудовых мигрантов из зарубежных стран в российских мегаполисах // Экономика региона. 2019. Т. 15. №. 2. С. 451–464. EDN: BJVTEG.
5. Гильтман, М. А. Лучшие города – лучшие работники? Теоретические модели и

эмпирические подтверждения // Мир России. 2021. Т. 30. № 3. С. 127–149. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-3-127-149>. EDN: DDMVMB.

6. Джурка, Н. Г. Система пространственных рынков в национальной экономике: проблемы измерений // Пространственная экономика. 2021. Т. 17. № 4. С. 16–40. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.4.016-040>. EDN: AMFGCN.

7. Зайниева, Т. В. Влияние локального рынка труда на процессы стратификации населения среднего города в условиях трансформационного общества : автореф. дисс. канд. социол. наук, 2011. 23 с. EDN: QHJQWT.

8. Зайниева, Т. В. Локальный рынок труда и его особенности // Труд и социальные отношения. 2009. № 7. С. 148–153. EDN: KWYYGN.

9. Ижгузина Н. Р. Подходы к делимитации городских агломераций // Дискуссия. 2014. № 9 (50). С. 44–52. EDN: SXTOMN.

10. Калабина, Е. Г. Внутренний рынок труда: теоретические и эмпирические предпосылки возникновения и идентификации // Вестник УГТУ-УПИ. Серия: Экономика и управление. 2009. № 5. С. 152–165. EDN: KVURID.

11. Калабина, Е. Г., Орехова, С. В. Влияние локального рынка труда на устойчивость институтов внутрифирменного рынка труда (на примере предприятий Свердловской области) // Известия Уральского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2009. № 1–2 (64). С. 102–114. EDN: KUIRJZ.

12. Капелюшников, Р. И., Зинченко, Д. И. Цифровые формы занятости на российском рынке труда. Часть I: дистанционная занятость // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 6. С. 157–181. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2654>. EDN: JOEAJB.

13. Козлова, О. А., Макарова, М. Н. Городская агломерация как фактор усиления неравенства воспроизводства трудового потенциала // Фундаментальные исследования. 2018. № 6. С. 138–142. EDN: UUXQZN.

14. Колесов, Е. Н. Формирование рынка труда в монопрофильном городе. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2004. 38 с. EDN: QQIERN.

15. Корчак, Е. А. Опыт государственного регулирования в сфере формирования трудового потенциала северных территорий США // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты / Науч. ред. С. С. Чернова. Новосибирск : Издательство ЦРНС, 2015. С. 163–167. EDN: UIFQLT.

16. Курбатова, М. В., Донова, И. В. Рынки труда регионов ресурсного типа // Вопросы регулирования экономики. 2021. Т. 12. № 3. С. 105–120. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2021.12.3.105-120>. EDN: HIFQGB.

17. Лунева, Н. К. Определение потребности в профессиональном обучении как инструмент регулирования локального рынка труда (на примере г. Москвы) : автореф. дисс. канд. экон. наук. Москва, 2003. 232 с.

18. Махрова, А. Г., Бочкарев, А. Н. Анализ локальных рынков труда через трудовые маятниковые миграции населения (на примере муниципальных образований Москвы) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2018. Т. 63. № 1. С. 56–68. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu07.2018.104>. EDN: LUWGPZ.

19. Махрова, А. Г., Кириллов, П. А., Бочкарев, А. Н. Методические подходы к изучению трудовой маятниковой миграции населения // Теоретические и методические подходы в экономической и социальной географии / Науч. ред. В. А. Бабурин, М. С. Савоскул. Москва : Географический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 2019. С. 96–114. EDN: HTSEUE.

20. Минакир, П. А. Экономика и пространство (тезисы размышлений) // Пространственная экономика. 2005. № 1. С. 4–26. EDN: KVNFXH.

21. Минакир, П. А., Демьяненко, А. Н. Очерки по пространственной экономике / отв. ред. В. М. Полтерович. Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2014. 272 с. EDN: UBEVHV.

22. Найден, С. Н., Бравок, П. С. Масштабы рынка труда г. Хабаровска // Регионалистика. 2024. Т. 11. № 5. С. 96–114. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2024.5.96>. EDN: REWPXA.

23. Нефедова, Т. Г., Мкртчян, Н. В. Миграция сельского населения и динамика

сельскохозяйственной занятости в регионах России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2017. № 5. С. 58–68. EDN: ZRFAGB

24. Ощепков, А. Ю., Капелюшников, Р. И. Региональные рынки труда: 15 лет различий. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 73 с. препринт WP3/2015/10

25. Павлов, П. Н. Рыночная власть работодателей и заработная плата работников на локальных рынках труда в России // Вопросы экономики. 2023. № 8. С. 38–56. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-8-38-56>. EDN: WTAESQ.

26. Попов, А. В. Формирование единого рынка труда как условие становления городской агломерации (на материалах Вологодской области) // Вопросы территориального развития. 2018. № 5. DOI: 10.15838/tdi.2018.5.45.9. EDN: SLFJHJ.

27. Попов, А. В., Соловьева, Т. С., Короленко, А. В., Груздева, М. А. Города и сельская периферия современной России: ключевые тенденции и риски трансформации занятости в ракурсе пространственного развития территорий / Науч. ред. А. В. Попова. Вологда : ФГБУН ВолНЦ РАН, 2024. 228 с. EDN: VFGMQZ.

28. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения / под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшникова, С. Ю. Рощина. Москва : Центр трудовых исследований и Лаборатории исследований рынка труда НИУ ВШЭ. М. 2017. 148 с.

29. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П. А. Минакира, В. И. Сергиенко. Владивосток : Дальнаука, 2011. 912 с. EDN: RWJBDH.

30. Соколова, А. А., Калачикова, О. Н. Маятниковая трудовая миграция в России: масштабы и последствия // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 3. С. 16–29. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.2>. EDN: JBPLJS.

31. Фаузер, В. В., Смирнов, А. В., Лыткина, Т. С., Фаузер, Г. Н. Локальные рынки труда российской Арктики: классификация по видам деятельности // Арктика: экология и экономика. 2019 (а). № 2. С. 4–17. <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2019-2-4-17>. EDN: ENFRFE.

32. Фаузер, В. В., Смирнов, А. В., Лыткина, Т. С., Фаузер, Г. Н. Социально трудовые характеристики локальных рынков труда российской Арктики // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2019 (б). № 4 (40). С. 81–90. <https://doi.org/10.19110/1994-5655-2019-4-81-90>. EDN: ZSRWXE.

33. Феоктистова, Н. А. Локальный (местный) рынок как фрагментация экономического пространства: факторный подход : автореф. дисс. канд. экон. наук. Иваново, 2009. 24 с. EDN: QELOEF.

34. Фокин, В. Я., Зайниева, Т. В. Социологический контекст определения границ локальных рынков труда // Дискуссия. 2015. № 2. С. 101–106. EDN: TLJEND.

35. Хорунжин, М. Г. Оценка ситуации на локальном рынке труда: проблемы и пути их решения (на примере города Рубцовска): автореф. дисс. канд. экон. наук. Барнаул, 2007. 24 с. EDN: ZNEVQF.

36. Шитова, Ю. Ю. Маятниковая трудовая миграция в Подмосковье: комплексный социально-экономический анализ. Саранск : Изд-во Мордовского ун-та, 2009. 188 с. EDN: QVIOFZ.

References:

1. Averkiewa, K. V., Antonov, E. V., Kirillov, P. L., Makhrova, A. G., Medvedev, A. A., Neretin, A. S., Nefedova, T. G., Treivish, A. I. (2016) Between Home and... Home: Bidirectional Spatial Mobility of the Population in Russia. New chronograph, Moscow, 504 p. <http://dx.doi.org/10.15356/BHAK2016> EDN: WZEKGR (in Russ.).
2. Animitsa, E. G. (2007) Spatial organization of society: problem statement and conceptual guidelines. *UrGEU News*, no. 2, pp. 82–85. EDN: MWACCB (in Russ.).
3. Antonov, E. V. (2020) Labor Markets of Urban Agglomerations in Russia. *Regional studies*, no. 2 (68), pp. 88–100. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2020-2-7>. EDN: FPUGWO (in Russ.).
4. Bedrina, E. B. (2019) Features of the Settlement of Labor Migrants from Foreign

Countries in Russ. Megacities. *Economy of the region*, vol. 15, no. 2, pp. 451–464. EDN: BJVTEG (in Russ.).

5. Gil'tman, M. A. (2021) The Best Cities - the Best Workers? Theoretical Models and Empirical Evidence. *World of Russia*, vol. 30, no. 3, pp. 127–149. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-3-127-149>. EDN: DDMVMB (in Russ.).

6. Dzhurka, N. G. (2021) Spatial Markets in a National Framework: Measurement Issues. *Spatial Economics*, vol. 17, no. 4, pp. 16–40. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.4.016-040>. EDN: AMFGCN (in Russ.).

7. Zaynieva, T. V. (2011) The Influence of the Local Labor Market on the Processes of Stratification of the Population of an Average City in the Conditions of a Transformation Society: abstract. diss. candidate of sociological sciences. Perm, 23 p. EDN: QHJQWT (in Russ.).

8. Zaynieva, T. V. (2009) Local Labor Market and its Features. *Labor and social relations*, no. 7, pp. 148–153. EDN: KWYYGN (in Russ.).

9. Izhguzina, N. R. (2014) Approaches to the delimitation of urban agglomerations. *Discussion*, no. 9 (50), pp. 44–52. EDN: SXTOMN (in Russ.).

10. Kalabina, E. G. (2009) Internal Labor Market: Theoretical and Empirical Prerequisites for Emergence and Identification. *Bulletin of USTU-UI. Series: Economics and Management*, no. 5, pp. 152–165. EDN: KVURID (in Russ.).

11. Kalabina, E. G., Orekhova, S. V. (2009) The Influence of The Local Labor Market on the Stability of the Institutions of the Intra-Firm Labor Market (on the example of enterprises of the Sverdlovsk region). *Bulletin of the Ural State University. Series 3: Social Sciences*, no. 1–2(64), pp. 102–114. EDN: KUIRJZ (in Russ.).

12. Kapeliushnikov, R. I., Zinchenko, D. I. (2024) Digital Forms of Employment in the Russian Labor Market. Part I. Distant Employment. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 6. pp. 157–181. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2654>. EDN: JOEAJB (in Russ.).

13. Kozlova, O. A., Makarova, M. N. (2018) Urban Agglomeration as a Factor in Increasing Inequality in the Reproduction of Labor Potential. *Fundamental research*, no. 6, pp. 138–142. EDN: UUXQZN (in Russ.).

14. Kolesov, E. N. (2004) Formation of the Labor Market in a Single-Industry Town. *Vologda*, 38 p. EDN: QQIERN (in Russ.).

15. Korchak, E. A. (2015) Experience of State Regulation in the Sphere of Formation of Labor Potential of the Northern Territories of the USA. In: *Fundamental and applied research: problems and results*. Ed. by S. S. Chernova. Novosibirsk, pp. 163–167. EDN: UIFQLT (in Russ.).

16. Kurbatova, M. V., Donova, I. V. (2021) Labor Markets of Resource-Type Regions. *Journal of Economic regulation*, vol. 12, no. 3, pp. 105–120. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2021.12.3.105-120>. EDN: HIFQGB (in Russ.).

17. Luneva, N. K. (2003) Determining the Need for Vocational Training as a Tool for Regulating the Local Labor Market (On the Example of Moscow): abstract. diss. candidate of economic sciences. Moscow, 232 p. (in Russ.).

18. Makhrova, A. G., Bochkarev, A. N. (2018) Analysis of Local Labor Markets Through Labor Pendulum Migrations of the Population (on the example of municipalities of Moscow). *Bulletin of the St. Petersburg University. Earth Sciences*, vol. 63, no. 1, pp. 56–68. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu07.2018.104>. EDN: LUWGPZ (in Russ.).

19. Makhrova, A. G., Kirillov, P. L., Bochkarev, A. N. (2019) Methodological Approaches to the Study of Labor Pendulum Migration of the Population. In: *Theoretical and methodological approaches in economic and social geography*. Ed. By V. L. Baburin, M. S. Savoskul. Moscow, pp. 96–114. EDN: HTSEUE (in Russ.).

20. Minakir, P. A. (2005) Economy and space (theses of reflections). *Spatial Economics*, no. 1. pp. 4–26. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2005.1.004-026> EDN: KVNFXH (in Russ.).

21. Minakir, P. A., Demyanenko, A. N. (2014) Essays on Spatial Economics. Ed. by V.M. Polterovich ; Russian Academy of Sciences, Far Eastern Branch, Economic Research Institute. Khabarovsk : ERI FEB RAS, 2014, 272 p. EDN: UBEVHV (in Russ.).

22. Naiden, S. N., Bravok, P. S. (2024) The Scale of the Labor Market in Khabarovsk. *Regionalistics*, vol. 11, no. 5, pp. 96–114. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2024.5.96>. EDN: REWPXA (in Russ.).
23. Nefedova, T. G., Mkrtchyan, N. V. (2017) Migration of rural population and dynamics of agricultural employment in the regions of Russia. *Bulletin of Moscow University. Series 5. Geography*, no. 5, pp. 58–67. EDN: ZRFAGB (in Russ.).
24. Oshchepkov, A. Yu., Kapelyushnikov, R. I. (2015) Regional Labor Markets: 15 Years of Differences. Moscow, 73 p. preprint WP3/2015/10 (in Russ.).
25. Pavlov, P. N. (2023) Market Power and Wages in Russ. Local Labor Markets. *Questions of Economics*, no. 8, pp. 38–56. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-8-38-56>. EDN: WTAESQ (in Russ.).
26. Popov, A. V. (2018) Forming a Unified Labor Market as a Condition for Urban Agglomeration Development (based on materials of the Vologda Oblast). *Territorial Development Issues*, no. 5 (45). DOI: 10.15838/tdi.2018.5.45.9. EDN: SLFJHJ (in Russ.).
27. Popov, A. V., Solov'eva, T. S., Korolenko, A. V., Gruzdeva, M. A. (2024) Cities and Rural Periphery of Modern Russia: Key Trends and Risks of Employment Transformation in the Context of Spatial Development of Territories. Ed. By A.V. Popov. Vologda, 228 p. EDN: VFGMQZ (in Russ.).
28. Russian Labor Market: Trends, Institutions, Structural Changes. Ed. by V. E. Gimpel'son, R. I. Kapelyushnikov, S. Yu. Roshchin. Moscow, 2017. 148 p. (in Russ.).
29. The Synthesis of Scientific-Technological and Economic Forecasts: Pacific Russia – 2050. Ed. by P. A. Minakir, V. I. Sergienko. Vladivostok, 2011. 912 p. EDN: RWJBDH (in Russ.).
30. Sokolova, A. A., Kalachikova, O. N. (2023) Commuting in Russia: Scale and Consequences. *Population*, vol. 26, no. 3, pp. 16–29. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.2>. EDN: JBPLJS (in Russ.).
31. Fauzer, V. V., Smirnov, A. V., Lytkina, T. S., Fauzer, G. N. (2019a) Local Labor Markets of the Russian Arctic: Classification by Activity Type. *Arctic: Ecology and Economy*, no. 2 (34), pp. 4–17. <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2019-2-4-17>. EDN: ENFRFE (in Russ.).
32. Fauzer, V. V., Smirnov, A. V., Lytkina, T. S., Fauzer, G. N. (2019b) Social and Labor Characteristics of Local Labor Markets in the Russian Arctic. *Bulletin of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, no. 4 (40), pp. 81–90. <https://doi.org/10.19110/1994-5655-2019-4-81-90>. EDN: ZSRWXE (in Russ.).
33. Feoktistova, N. A. (2009) Local Market as a Fragmentation of Economic Space: Factor Approach: abstract. diss. candidate of economic sciences. Ivanovo, 24 p. C. 101–106 (in Russ.).
34. Fokin, V. Ya., Zaynieva, T. V. (2015) Sociological Context of Defining the Boundaries of Local Labor Markets. *Discussion*, no. 2, pp. 101–106. EDN: TLJEND (in Russ.).
35. Khorunzhin, M. G. (2007) Assessment of the Situation on the Local Labor Market: Problems and Solutions (Using the City of Rubtsovsk as an Example): abstract. diss. candidate of economic sciences. Barnaul, 24 p. EDN: ZNEVQF (in Russ.).
36. Shitova, Yu. Yu. (2009) Pendulum Labor Migration in the Moscow Region: a Comprehensive Socio-Economic Analysis. Saransk, 188 p. EDN: QVIOFZ (in Russ.).
37. Antonov, E. V. (2019) Development and Current state of Urban Labour Markets in Russia. *Population and Economics*, vol. 3, no. 1, pp. 75–90. <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e34768>. EDN: OOBIVL (in Russ.).
38. European Harmonised Labour Market Areas – Methodology on Functional Geographies With Potential – 2020 Edition. European Union, 2020. 72 p. <https://doi.org/10.2785/328723>
39. Goldner, W. (1955) Spatial and Locational Aspects of Metropolitan Labour Markets. *American Economic Review*, vol. 45, no. 1, pp. 111–128. URL: https://archive.org/details/sim_american-economic-review_1955-03_45_1/page/112/mode/2up
40. Goodman, J. F. B. (1970) The Definition And Analysis of Local Labour Markets:

Some Empirical Problems. *British Journal of Industrial Relations*, vol. 8, no. 2, pp. 179–196. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8543.1970.tb00968.x>

41. Hall, P., Gracey, H., Drewett, R., Thomas, R. (1973) The Containment of Urban England. London: Allen & Unwin, 656 p. URL: <https://archive.org/details/containmentofurb0001unse/page/n7/mode/2up>

42. Hanson, S., Pratt, G. (1992) Dynamic Dependencies: A Geographic Investigation of Local Labor Markets. *Economic Geography*, vol. 68, no. 4, pp. 373–405. <https://doi.org/10.2307/144025>

43. Horan, P. M., Tolbert, C. M. (1984) The Organization of Work in Rural and Urban Labor Markets. Boulder: Westview Press, 176 p.

44. Kerr, C. (1954) The Balkanization of Labour Markets. In: *Labour Mobility and Economic Opportunity*. Ed. by E.W. Bakke, New York: John Wiley and Sons, pp. 92–110.

45. Manning, A., Petrongolo, B. (2017) How Local Are Labor Markets? Evidence from a Spatial Job Search Model. *American Economic Review*, vol. 107, no. 10, pp. 877–2907. <https://doi.org/10.1257/aer.20131026>

46. Moretti, E. (2012) The new geography of jobs. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 294 p. URL: <https://archive.org/details/newgeographyofjo0000more>

47. Smart, M. W. (1974) Labour market areas: Uses and definition. *Progress in Planning*, vol. 2, pp. 239–353. [https://doi.org/10.1016/0305-9006\(74\)90008-7](https://doi.org/10.1016/0305-9006(74)90008-7)

48. Thompson, J. H. (1956) Commuting Patterns of Manufacturing Employees. *Industrial and Labor Relations Review*, vol. 10, no. 1, pp. 70–80. <https://doi.org/10.2307/2519639>

49. Tolbert, C. M., Sizer, M. (1996) US commuting zones and labor market areas: a 1990 update. Washington: ERS Staff Paper, 158 p. <https://doi.org/10.22004/ag.econ.278812>

50. Topel, R. H. (1986) Local Labor Markets. *Journal of Political Economy*, vol. 94, no. 3, pp. 111–143. <https://doi.org/10.1086/261401>

Статья поступила в редакцию 02.08.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 17.09.2025.

The article was submitted 02.08.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 17.09.2025.

Информация об авторах

С. Н. Найденов – доктор экономических наук, профессор РАН, заместитель директора по научной работе, Институт экономических исследований ДВО РАН;

П. С. Бравок – младший научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН.

Information about the authors

S. N. Naidenov – Doctor of Economic Sciences, Professor of RAS, Deputy Director for Research, the Economic Research Institute, FEB RAS;

P. S. Bravok – Junior Research Fellow, the Economic Research Institute, FEB RAS.

Научная статья

УДК 330.554

<https://elibrary.ru/QGCXPK>

Методика оценки валового муниципального продукта с учетом отраслевой структуры экономики

Алексей Андреевич Новицкий¹, Илья Александрович Шевченко²^{1,2} Федеральное автономное научное учреждение «Восточный центр государственного планирования», Хабаровск, Россия¹ a.novitskiy@vostokgosplan.ru² i.shevchenko@vostokgosplan.ru

Аннотация. В статье представлена методика экспресс-оценки валового муниципального продукта (ВМП) с учетом отраслевой структуры экономики на основе открытых данных, которая может быть использована в целях прогнозирования. Актуальность исследования обусловлена отсутствием официальных оценок ВМП в системе государственного статистического наблюдения в условиях растущей потребности в измерении уровня экономического развития муниципальных образований для целей стратегического планирования. Проанализированы методические ограничения существующих подходов к оценке валового продукта на муниципальном уровне, связанные с недостаточностью статистических данных и ограничениями их публичного раскрытия. Проведена апробация методики на примере отдельных городов Дальневосточного федерального округа и Арктической зоны Российской Федерации.

Ключевые слова: валовой муниципальный продукт, распределительный метод, муниципальные образования, стратегическое планирование, мастер-планы

Для цитирования: Новицкий, А. А., Шевченко, И. А. Методика оценки валового муниципального продукта с учетом отраслевой структуры экономики // Власть и управление на Востоке России. 2025 № 3 (112). С. 62–72. EDN: QGCXPK

Original article

Methodology for Estimating the Gross Municipal Product Accounting for Economic Structure

Aleksei A. Novitskii¹, Iliya A. Shevchenko²^{1,2} The Federal Autonomous Research Institution «The Eastern State Planning Center», Khabarovsk, Russia¹ a.novitskiy@vostokgosplan.ru² i.shevchenko@vostokgosplan.ru

Abstract. This article presents a methodology for rapid assessment of the gross municipal product (GMP) accounting for the economic structure based on open data, which can be used for forecasting purposes. The relevance of this study is determined by absence of the official GMP estimates in the state statistical observation system amid the growing need to measure the level of economic development of municipalities for strategic purposes planning. Methodological limitations of existing approaches to assessing the gross product at the municipal level are analyzed, related to insufficient statistical data and restrictions on its public disclosure. This methodology was tested

using the example of selected cities in the Far-Eastern federal district and the Arctic zone of the Russian Federation.

Keywords: gross municipal product, income approach, municipalities, strategic planning, master plans

For citation: Novitskii, A. A., Shevchenko, I. A. (2025) Methodology for Estimating the Gross Municipal Product Accounting for Economic Structure. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 3 (112), pp. 62–72. EDN: QGCXPK

Введение

В конце 2024 года в Российской Федерации утверждена новая Стратегия пространственного развития до 2030 года (с прогнозом до 2036 года) (далее – Стратегия). Развитие городских агломераций определено в качестве одного из ключевых приоритетов пространственной политики как на федеральном, так и на региональном уровне. В Стратегии ставятся задачи по раскрытию экономического потенциала агломераций, их научно-технологическому развитию, а также по формированию системы опорных населенных пунктов¹, развитие которых будет способствовать достижению национальных целей.

Одновременно с этим с 2024 года реализуются мастер-планы и комплексные планы развития городов Дальнего Востока, в настоящее время завершается подготовка планов развития для агломераций Арктической зоны Российской Федерации (далее – АЗРФ). В этих условиях возрастает актуальность задач по оценке уровня экономического развития муниципальных образований, измерению эффектов от реализации инвестиционных проектов на муниципальном уровне, определению вклада отдельных населенных пунктов в экономику своих территорий.

На местном уровне эффективное управление социально-экономическим развитием территорий невозможно без

комплексных индикаторов, позволяющих оценивать общие результаты хозяйственной деятельности. При этом существующая система статистического учета на муниципальном уровне включает достаточно ограниченный набор экономических показателей. В качестве интегрального показателя часто рассматривается валовой муниципальный продукт (ВМП²), который мог бы быть включен в систему государственного статистического наблюдения, по аналогии с существующими показателями валового продукта на уровне субъектов Российской Федерации и Российской Федерации в целом. Однако на муниципальном уровне такой показатель отсутствует в системе национальных счетов (далее – СНС), не рассчитывается Федеральной службой государственной статистики (далее – Росстат), а официальная методика или методические рекомендации по его расчету не приняты³. В отсутствие общепринятого официального показателя исследователи нередко применяют собственные методы оценки уровня развития муниципалитетов, разрабатывая авторские подходы к расчету ВМП или используя альтернативные системы индикаторов с учетом специфики стоящих перед ними исследовательских задач (например, [Антонова, Чистякова, Татарникова, 2020; Белякова, Фролова, 2011; Веприкова и др., 2022; Захарчук, 2019]).

Разработка официальной методики

¹ В утвержденный перечень включены 2160 населенных пунктов различного функционального профиля.

² В данной статье авторы предлагают придерживаться общего термина «валовой муниципальный продукт», подразумевая, что он может применяться как в отношении муниципальных образований, так и для отдельных населенных пунктов вне зависимости от их масштаба. В сложившейся практике также часто используется и более узкий термин «валовой городской продукт», который аналогичен по смыслу, но, как правило, применяется к городам и городским агломерациям.

³ С 2024 года Росстатом ведутся разработка методики показателя валового городского продукта (ВГП) и его экспериментальные оценки для отдельных городов Дальнего Востока России в соответствии с поручениями Президента и Правительства Российской Федерации.

оценки ВМП обусловлена рядом причин. Прежде всего, это необходимость выстраивания единой системы макроэкономических показателей, охватывающей все уровни территориального управления – от страны в целом до отдельных муниципалитетов. Преобладание отраслевого подхода в российской практике управления не в полной мере позволяет учитывать специфику отдельных территорий и характер расселения населения [Колечков и др., 2012]. Решение задач выравнивания уровней развития различных территорий требует проведения межмуниципальных сравнений. Поэтому федеральным и региональным органам власти такой показатель нужен для сравнительного анализа территорий, выявления проблемных зон, оценки фискального потенциала и формирования дифференцированной политики по отношению к разным типам муниципалитетов.

Помимо этого, органам власти на различных уровнях необходим инструмент для отслеживания динамики развития муниципальных образований и принятия управленческих решений в рамках стратегического планирования, прогнозирования на среднесрочную и долгосрочную перспективу.

Таким образом, сохраняется высокая потребность в создании доступного и приемлемого по точности метода оценки ВМП, который мог бы широко применяться в прикладных задачах, связанных с оценкой и долгосрочным прогнозированием уровня развития муниципальных образований.

Проблемы оценки валового продукта на муниципальном уровне: обзор методических подходов

Существующие методы оценки ВМП систематизируются по двум основным направлениям: подходы «снизу вверх» и «сверху вниз» [Дмитриев, Чистяков, Ромашина, 2020; Гафарова, 2017]. Методы «снизу вверх» предусматривают формирование ВМП на основе экономических показателей муниципальных образова-

ний, включая различные способы исчисления валовой добавленной стоимости с учетом ее производства, распределения или использования. В свою очередь, методы «сверху вниз» основаны на получении оценок ВМП как доли валового продукта регионального или национального уровня с возможной детализацией по видам экономической деятельности (далее – ВЭД).

Каждый из подходов имеет определенные преимущества и ограничения. Методы «сверху вниз» характеризуются простотой расчетов, доступностью данных и возможностью массовых расчетов, однако отличаются условностью оценок и игнорированием местных особенностей. Методы «снизу вверх» обеспечивают теоретическую обоснованность и учет местных особенностей, но требуют высокого качества статистических данных и характеризуются сложностью расчетов. Большинство исследователей склоняются к использованию методов «сверху вниз» из-за их практической применимости и доступности данных. Признавая значимость существующих методических разработок, многие исследователи отмечают, что на современном этапе целесообразно проводить оценку ВМП путем адаптации методики оценки «городского продукта» (cityproduct), предложенной ООН-Хабитат (UN-Habitat), с обязательным учетом отраслевой неоднородности муниципальных образований⁴. Городской продукт рассчитывается в разрезе видов экономической деятельности (далее – ВЭД) как:

$$\text{Городской продукт}_i = \frac{\text{ВВП}}{\text{ЧЗ}} \times \text{ЧЗ}_i \times \frac{\text{СЗ}_i}{\text{СЗ}},$$

где

городской продукт_i – городской продукт (оценка ВМП) по i-му городу;

ВВП – валовой внутренний продукт⁵;

ЧЗ – численность занятых в стране;

ЧЗ_i – численность занятых в i-м городе;

СЗ – среднемесячная заработная плата по стране;

СЗ_i – среднемесячная заработная плата в i-м городе.

Преимуществами данного подхода яв-

⁴ Urban Indicators Guidelines: Monitoring the Habitat Agenda and the Millennium Development Goals. UN Human Settlements Programme, 2004. URL: <https://unhabitat.org/sites/default/files/download-manager-files/Urban%20Indicators.pdf>

⁵ На практике, как правило, используются данные регионального уровня: валовой региональный продукт, численность занятых в субъекте Российской Федерации.

ляются простота расчета, возможность межтерриториальных сопоставлений и построения динамических рядов. Он обеспечивает баланс между методологической обоснованностью и практической применимостью. Одним из очевидных недостатков такого подхода является недостаточный учет территориальной специфики в связи с применением средней по стране производительности труда.

Дальнейшее развитие методик определения ВМП направлено на повышение точности оценок, что предполагает необходимость учета отраслевой неоднородности территорий, использование микроданных предприятий и детализированной статистики производительности труда (например, [Дмитриев и др., 2020; Чистяков, Ромашина А. А, Петросян А. Н. и др., 2020]).

Вместе с тем ключевые сложности на пути к более точному расчету ВМП по аналогии с валовым внутренним продуктом (далее – ВВП) и валовым региональным продуктом (далее – ВРП) на основе методологии СНС неоднократно анализировались в научной литературе (например, [Косарева, Полиди, 2017; Колечков, 2014]) и определяются спецификой и ограничениями действующих систем сбора статистической информации и отчетности хозяйствующих субъектов. Для внешних пользователей статистики проблемы расчета ВМП усугубляются также ограниченностью публичного доступа к детализированной статистической информации об экономической деятельности отдельных предприятий и организаций.

В методологии СНС для оценки ВВП используются три подхода: производственный (по сумме добавленной стоимости во всех отраслях экономики), метод конечного использования (по направлениям использования – на потребление, валовое накопление и чистый экспорт) и распределительный (по источникам доходов – оплата труда наемных работников, валовая прибыль корпораций и чистые налоги). Однако применение этих подходов на муниципальном уровне сталкивается с серьезными методическими и информационными ограничениями.

Производственный метод предполагает расчет ВМП как суммы валовой добавленной стоимости по всем ВЭД. Добав-

ленная стоимость определяется как разность между валовым выпуском и промежуточным потреблением по каждому разделу ОКВЭД. Однако на муниципальном уровне детальные данные о валовом выпуске и промежуточном потреблении в открытом доступе отсутствуют. Показатели, пригодные для приблизительной оценки валового выпуска, могут быть подобраны только для нескольких разделов экономической деятельности [Косарева, Полиди, 2017]. Информация по многим видам деятельности, особенно в сфере услуг, либо вообще не собирается на муниципальном уровне, либо не раскрывается в целях соблюдения конфиденциальности данных отдельных предприятий.

Отсутствие информации о промежуточном потреблении вынуждает вводить экспертные оценки (допущения) о доле добавленной стоимости в валовом выпуске экономики муниципальных образований, что неизбежно снижает объективность оценки. Применение одинаковых значений производительности труда в разных муниципальных образованиях (на уровне средних по стране или региону) является достаточно грубым допущением, не учитывающим реальную дифференциацию экономической эффективности между территориями.

Дополнительная методическая сложность производственного метода связана с территориальной привязкой экономической деятельности. Крупные предприятия могут иметь головной офис в одном муниципалитете, а производственные мощности – в других, что создает проблему корректного распределения создаваемой добавленной стоимости между территориями.

Метод конечного использования ограничен в применении из-за отсутствия статистики конечного потребления домашних хозяйств и государственных учреждений в территориальном разрезе. Информация о валовом накоплении доступна частично, а оценка чистого экспорта невозможна, так как требует учета межмуниципальных товарных потоков.

В рамках распределительного метода ВМП оценивается как сумма доходов трех секторов: домохозяйств, корпораций (включая некоммерческие организа-

ции) и государства. Компонент «Оплата труда наемных работников» может быть рассчитан на муниципальном уровне (с некоторыми допущениями) через произведение численности работников и средней заработной платы с последующей дооценкой на страховые взносы и теневые доходы. Однако данные для расчета «Валовой прибыли экономики и валовых смешанных доходов»⁶ на муниципальном уровне отсутствуют. Компонент «Чистые налоги на производство и импорт» также нельзя оценить, поскольку соответствующая бюджетная статистика формируется только на уровне субъектов Российской Федерации, а оценка субсидий производителям на муниципальном уровне затруднительна.

Таким образом, ни один из трех подходов не может быть реализован в полном виде с учетом доступности статистических данных. С учетом этого, по мнению авторов, наиболее перспективным вариантом для оценки ВМП является расчет компонента оплаты труда и дальнейший переход к ВМП через соотношение оплаты труда и ВРП в соответствующем субъекте Российской Федерации. В 2016 году детальная методика для такого расчета ВМП была предложена Фондом «Институт экономики города» (далее также – Фонд)⁷

Вместе с тем некоторым недостатком указанной методики является недостаточный учет структуры экономики, поскольку расчеты производятся по экономике в целом, без оценки ВМП по отдельным ВЭД. Это приводит к следующим особенностям, снижающим точность расчета:

1) для муниципального образования используются средние параметры экономики региона, что исключает учет пространственной неоднородности размещения производительных сил на территории региона (т. е. разной произво-

дительности в одной и той же отрасли в зависимости от территории);

2) для экономики муниципального образования используется средняя характеристика прибыльности («маржинальности») региона по всем ВЭД, что не позволяет учитывать различия в структуре занятости по ВЭД и различия в производительности труда между отраслями экономики.

Далее предложена скорректированная версия методики Фонда, позволяющая использовать ее в качестве более гибкого инструмента для повышения точности оценок.

Предлагаемая методика оценки валового муниципального продукта

Для реализации предложенного подхода в части отдельного расчета ВМП по ВЭД предлагается заменить показатель «Оплата труда наемных работников в составе денежных доходов населения» (ОТ^{доходы}), не имеющий разреза по ВЭД, на показатель «Фонд заработной платы по полному кругу организаций в регионе»⁸, данные которого представлены в разрезе ВЭД. Замена показателя позволяет провести все этапы расчетов индивидуально по всем разделам экономической деятельности⁹.

С учетом предлагаемой корректировки расчет ВМП осуществляется следующим образом.

(1) Оценка компонента «Оплата труда наемных работников»

Для получения оценки компонента «Оплата труда наемных работников» (ОТ^{МО}) на основе показателя ФЗП^{безМП} необходимо провести его дооценку посредством двух операций:

1) дооценка ФЗП^{безМП} до объема всех доходов наемных работников по полному кругу организаций, включая субъекты малого предпринимательства (получение

⁶ Методологические пояснения к построению Системы национальных счетов. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/vvp/metod.htm

⁷ Методика оценки валового городского продукта городов и городских агломераций. Фонд «Институт экономики города». 2023. URL: https://www.urbanecconomics.ru/sites/default/files/ekonomika_gorodov_i_gorodskih_aglomeracij_vypusk_7_metodika.pdf

⁸ Фонд начисленной заработной платы работников по полному кругу организаций за отчетный период. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57849>

⁹ С учетом доступности данных на сегодня это является максимально возможной детализацией по классам экономической деятельности.

показателя оплаты труда наемных работников в муниципальном образовании, эквивалентного по своему составу показателю субъекта РФ «Фонд начисленной заработной платы работников по полному кругу организаций за отчетный период»¹⁰;

2) дооценка доходов, полученных в результате применения первой операции, до объема оплаты труда наемных работников, эквивалентного по своему составу $OT_j^{ВРП}$ (оплате труда наемных работников в составе ВРП), которая включает доходы наемных работников по полному кругу организаций, включая субъекты малого предпринимательства, а также страховые взносы работодателей.

Таким образом, для каждого ВЭД ($j=1, 2, 3, \dots, 19$) компонент ВМП «Оплата труда наемных работников» ($OT_j^{МО}$) предлагается рассчитывать по формуле:

$$OT_j^{МО} = \frac{\PhiЗП_{\text{субъектРФ } j}}{\sum_{i=1}^m \PhiЗП_{j,i}^{\text{безМП}}} \times \left(\sum_{i=1}^m \PhiЗП_{j,i}^{\text{безМП}} + СВ_j \right), \quad (1)$$

где:

$OT_j^{МО}$ – оценка оплаты труда наемных работников в муниципальном образовании по j -му ВЭД;

$\PhiЗП_{\text{субъектРФ } j}$ – фонд заработной платы по полному кругу организаций в субъекте РФ, в котором расположено муниципальное образование, по j -му ВЭД¹¹;

$\sum_{i=1}^m \PhiЗП_{j,i}^{\text{безМП}}$ – сумма фондов заработной платы всех работников организаций (без субъектов малого предприни-

мательства) во всех муниципальных образованиях субъекта РФ по j -му ВЭД¹²;

m – количество муниципальных образований в составе субъекта РФ, в котором расположено муниципальное образование;

$\PhiЗП_{j,i}^{\text{безМП}}$ – фонд заработной платы всех работников организаций (без субъектов малого предпринимательства) в муниципальном образовании, для которого проводится оценка ВМП, по j -му ВЭД¹³;

$СВ_j$ – оценка суммы страховых взносов работодателей во внебюджетные фонды Российской Федерации в муниципальном образовании по j -му ВЭД.

Для оценки суммы страховых взносов (СВ) в муниципальном образовании, как и в базовой методике, предлагается использовать показатель «Фонд заработной платы по полному кругу организаций» по региону и по России в целом.

$СВ_j$ по j -му ВЭД оценивается по формуле:

$$СВ_j = \frac{СВ_{\text{РФ}}}{\PhiЗП_{\text{РФ}}} \times \frac{\PhiЗП_{\text{субъектРФ } j}}{\sum_{i=1}^m \PhiЗП_{j,i}^{\text{безМП}}} \times \PhiЗП_{j,i}^{\text{безМП}}, \quad (2)$$

где:

$СВ_j$ – оценка суммы страховых взносов работодателей в государственные внебюджетные фонды по j -му ВЭД;

$СВ_{\text{РФ}}$ – сумма страховых взносов работодателей в государственные внебюджетные фонды по России в целом¹⁴;

$\PhiЗП_{\text{РФ}}$ – фонд заработной платы по полному кругу организаций по России в

¹⁰ «Фонд начисленной заработной платы работников по полному кругу организаций за отчетный период». URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57849>

¹¹ Расчет по данным показателей «Среднесписочная численность работников по полному кругу организаций с 2017 г.». URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58699>; «Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата на одного работника по полному кругу организаций с 2017 г.». URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58701>; «Фонд начисленной заработной платы работников по полному кругу организаций за отчетный период». URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57849>

¹² База данных показателей муниципальных образований. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm>

¹³ База данных показателей муниципальных образований. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm>

¹⁴ Отчеты об исполнении бюджета Фонда социального страхования, отчеты об исполнении бюджета Фонда обязательного медицинского страхования по данным системы Консультант. URL: <http://www.consultant.ru>; годовые отчеты Пенсионного фонда РФ. URL: https://sfr.gov.ru/press_center/annual_report/

целом¹⁵;

$\PhiЗП_{\text{субъектРФ } j}$ – фонд заработной платы по полному кругу организаций в субъекте РФ, в котором расположено муниципальное образование, по j-му ВЭД¹⁶;

$\sum_{i=1}^m \PhiЗП_{ji}^{\text{безМП}}$ – сумма фондов заработной платы всех работников организаций (без субъектов малого предпринимательства) во всех муниципальных образованиях субъекта РФ по j-му ВЭД;

$\PhiЗП_j^{\text{безМП}}$ – фонд заработной платы всех работников организаций (без субъектов малого предпринимательства) в муниципальном образовании, для которого проводится оценка ВМП, по j-му ВЭД¹⁷;

m – количество муниципальных образований в составе субъекта Российской Федерации.

Оценка валового муниципального продукта

Для оценки ВМП, как и в базовой методике, принимается допущение о том, что для каждого ВЭД (j) доля оплаты труда наемных работников $ОТ_j^{\text{МО}}$ в ВМП равна доле оплаты труда наемных работников $ОТ_j^{\text{ВРП}}$ в ВРП соответствующего региона.

С учетом этого ВМП рассчитывается по формуле:

$$\begin{aligned} \text{ВМП} &= \sum_{j=1}^{19} \text{ВМП}_j = \\ &= \sum_{j=1}^{19} \frac{ОТ_j^{\text{МО}}}{ОТ_j^{\text{ВРП}} / \text{ВРП}_j} \end{aligned} \quad (3)$$

где:

ВМП_j – оценка ВМП по j-му ВЭД;

ВРП_j – валовой региональный продукт (валовая добавленная стоимость¹⁸) в субъекте РФ по j-му ВЭД;

$ОТ_j^{\text{МО}}$ – оценка оплаты труда наемных работников в муниципальном образовании по j-му ВЭД;

$ОТ_j^{\text{ВРП}}$ – оплата труда наемных работников в ВРП в субъекте РФ по j-му ВЭД.

Однако по исходному показателю $ОТ_j^{\text{ВРП}}$ имеются данные только в целом по всем ВЭД, поэтому использовать его в данной методике невозможно. В качестве аналога предлагается использовать показатель «Фонд начисленной заработной платы работников по полному кругу организаций за отчетный период» ($\PhiЗП_{\text{субъектРФ}}$)¹⁹, увеличенный на расчетную сумму страховых взносов. Таким образом, для j-го ВЭД, $ОТ_j^{\text{ВРП}}$ рассчитывается по формуле:

$$\begin{aligned} ОТ_j^{\text{ВРП}} &= \PhiЗП_{\text{субъектРФ } j} + \frac{СВ_{\text{РФ}}}{\PhiЗП_{\text{РФ}}} \times \\ &\times \PhiЗП_{\text{субъектРФ } j} \end{aligned} \quad (4)$$

где

$\PhiЗП_{\text{субъектРФ } j}$ – фонд заработной платы по полному кругу организаций в субъек-

¹⁵ Расчет по данным показателей «Среднесписочная численность работников по полному кругу организаций с 2017 г.», режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/58699>; «Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата на одного работника по полному кругу организаций с 2017 г.». URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58701>; «Фонд начисленной заработной платы работников по полному кругу организаций за отчетный период». URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57849>

¹⁶ Расчет по данным показателей «Среднесписочная численность работников по полному кругу организаций с 2017 г.». URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58699>; «Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата на одного работника по полному кругу организаций с 2017 г.». URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58701>; «Фонд начисленной заработной платы работников по полному кругу организаций за отчетный период». URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57849>

¹⁷ База данных показателей муниципальных образований. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm>

¹⁸ В методологии СНС валовой региональный продукт представляет собой сумму валовой добавленной стоимости всех секторов экономики и чистых налогов на продукты. В данной работе термины «ВРП» и «валовая добавленная стоимость» используются как синонимы, поскольку для целей расчета ВМП по распределительному методу применяются данные о ВРП (валовой добавленной стоимости) в разрезе видов экономической деятельности.

¹⁹ Фонд начисленной заработной платы работников по полному кругу организаций за отчетный период». URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57849>

екте РФ, в котором расположено муниципальное образование, по j-му ВЭД²⁰;

$СВ_{РФ}$ – сумма страховых взносов работодателей в государственные внебюджетные фонды по России в целом²¹;

$ФЗП_{РФ}$ – фонд заработной платы по полному кругу организаций по России в целом²².

Предлагаемый метод учитывает отраслевую структуру занятости в муниципальном образовании и различия в производительности труда по ВЭД, что обеспечивает более точное отражение экономической специфики территории.

Как и для всех методов оценки ВМП по принципу «сверху-вниз», точность оценок в значительной степени зависит от учета специфики экономики конкретного муниципального образования. Поэтому одним из направлений повышения объективности оценки является уточнение значений мультипликаторов, связывающих ВМП и компонент «валовая прибыль и смешанные доходы», в том числе на основе экспертных оценок. Такая экспертная оценка может производиться на основе дополнительного анализа экономической активности в

муниципальном образовании, например, на базе открытых данных бухгалтерской отчетности предприятий муниципалитета или закрытых данных, полученных напрямую от предприятий в ходе сбора информации.

Апробация методического подхода к оценке валового муниципального продукта на примере городов Дальнего Востока и Арктической зоны Российской Федерации

Апробация методики проводилась авторами в рамках участия в разработке мастер-планов и долгосрочных планов комплексного социально-экономического развития отдельных городов Арктической зоны Российской Федерации (агломерация «Салехард-Лабытнанги», муниципальный округ «Воркута»). Также были проведены расчеты ВМП для отдельных дальневосточных городов: Владивостока, Якутска, Хабаровска (табл. 1).

Учет структуры экономики муниципального образования (расчет в разрезе ВЭД) в большинстве случаев позволяет значительно повысить точность оценки ВМП. Кроме этого, оценки, получаемые предложенным методом, могут быть до-

Таблица 1

Результаты расчетов ВМП (ВГП) отдельных городов и городских агломераций

Муниципальное образование / населенный пункт / агломерация	Базовая оценка (без разреза ВЭД)	Оценка с учетом разреза ВЭД	Экспериментальная оценка Росстата в пилотном проекте по оценке ВГП
	Распределительный метод		Производственный метод
Агломерация «Салехард-Лабытнанги» (2022 г.)	407,8	156,7	–
МО «Воркута» (2022 г.)	137,6	148,1	–
г. Владивосток (2022 г.)	1 014,6	766,2	799,4
г. Хабаровск (2022 г.)	702,4	583,7	–
г. Якутск (2021 г.)	467,5	244,5	256,2

Источник: расчеты авторов

²⁰ Расчет по данным показателей «Среднесписочная численность работников по полному кругу организаций с 2017 г.». URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58699>; «Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата на одного работника по полному кругу организаций с 2017 г.». URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58701>; «Фонд начисленной заработной платы работников по полному кругу организаций за отчетный период». URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57849>

²¹ Отчеты об исполнении бюджета Фонда социального страхования, отчеты об исполнении бюджета Фонда обязательного медицинского страхования по данным системы Консультант. URL: <http://www.consultant.ru>; годовые отчеты Пенсионного фонда РФ. URL: https://sfr.gov.ru/press_center/annual_report/

²² «Фонд начисленной заработной платы работников по полному кругу организаций за отчетный период». URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57849>

статочны близки к результатам расчетов производственным методом, что свидетельствует о достаточной объективности используемого подхода в качестве экспресс-оценки ВМП.

В регионах с развитыми «высокомаржинальными» отраслями (в частности, добыча полезных ископаемых) отсутствие учета структуры экономики приводит к завышению оценок ВМП в тех населенных пунктах, которые не специализируются на добыче, т. к. к ним фактически применяются средние по региону значения производительности труда.

Так, например, оценки ВМП г. Якутска (2021 г.) и агломерации Салехард-Лабытнанги без разреза по ВЭД были значительно выше, чем оценки с учетом структуры экономики (табл. 1). Основной объем ВМП в добывающем секторе в этих регионах формируется за пределами оцениваемых городов (городских агломераций).

Для МО «Воркута» (2022 г.) первоначальная оценка ВМП по предлагаемой методике (148,1 млрд руб.) была, напротив, выше оценки без учета структуры экономики (137,6 млрд руб.), что объясняется специализацией города на добыче угля²³. Таким образом, используемый подход сохраняет возможность на основе дополнительной информации провести экспертную корректировку параметров производительности труда в конкретной отрасли муниципального образования, что позволяет получить более точную оценку ВМП.

Апробация оценок, получаемых представленным методом, также частично выполнялась с учетом результатов закрытых экспериментальных расчетов Росстатом ВВП городов Дальнего Востока при разработке методики оценки ВВП на основе производственного метода. В рамках такого сравнения были получены сравнительно близкие оценки по г. Якутску, г. Владивостоку, что говорит о приемлемой точности данной методики.

Заключение

Предложенная методика оценки валового муниципального продукта на основе

распределительного подхода представляет собой практически применимый инструмент для оценки результатов хозяйственной деятельности муниципальных образований, межтерриториальных сопоставлений и вклада отдельных муниципальных образований в экономику региона.

Методика позволяет проводить оперативную экспресс-оценку валового муниципального продукта, а полученные на ретроспективных данных параметры производительности могут использоваться для прогнозирования динамики ВМП в соответствии с ожидаемыми изменениями в структуре занятости, заработной плате и производительности труда по отраслям экономики.

Подход отличается простотой применения и гибкостью настройки, что обусловлено использованием доступной статистической информации о численности занятых и заработной плате по ВЭД. Это делает методику применимой для широкого круга пользователей без необходимости сбора специальной дополнительной информации.

Учет структуры занятости и отраслевых различий в производительности труда позволяет получать более точные оценки, что может быть актуально при анализе экономик со специфической отраслевой структурой, характерной для ряда городов Дальнего Востока и опорных населенных пунктов Арктической зоны РФ.

Апробация методики на примере городов Дальнего Востока и Арктической зоны Российской Федерации, включая успешное сравнение результатов с экспериментальными оценками Росстата для отдельных городов, подтверждает ее работоспособность и возможность получения приемлемых по точности оценок ВМП.

Применение методики в качестве инструмента измерения результативности управленческих решений на муниципальном уровне позволит повысить эффективность государственной политики пространственного развития и обеспечить более обоснованный подход к развитию территорий.

²³ Например, в 2022 г. доля добывающего сектора в фонде оплаты труда в Республике Коми составляла 11–14%, г. Воркуте – 24%.

Список источников:

1. Антонова, И. С., Чистякова, Н. О., Татарникова, В. В. Оценка эффективности развития муниципалитета: валовый продукт и предприятия флагманы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 1 (57). С. 7–13. EDN: GXTXLS
2. Белякова, Г. Я., Фролова, А. И. Совершенствование методики расчета обобщающего показателя благосостояния муниципальных образований // Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 33. С. 42–48. EDN: OCGEDF
3. Веприкова, Е. Б., Кисленок, А. А., Гулидов, Р. В. Методика оценки уровня социально-экономического развития муниципальных образований региона на основе выявления признаков локальной депрессивности // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 3 (100). С. 71–86. DOI: 10.22394/1818-4049-2022-100-3-71-86 EDN: FIHKDW
4. Гафарова, Е. А. Валовой муниципальный продукт как показатель уровня экономического развития муниципальных образований региона (на материалах Республики Башкортостан) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2017. Т. 10, № 4. С. 91–103. DOI: 10.18721/JE.10409 EDN: ZGIWTJ
5. Дмитриев, М. Э., Чистяков П. А., Ромашина А. А. Апробация методологии оценки муниципальной валовой добавленной стоимости // Проблемы прогнозирования. 2020. № 1. С. 49–59. EDN: LVZELZ
6. Захарчук, Е. А. Пространственная структура формирования добавленной стоимости арктических территорий // Экономика региона. 2019. Т. 15, вып. 2. С. 391–408. DOI: 10.17059/2019-2-7 EDN: CIOAGO
7. Колечков, Д. В., Гаджиев, Ю. А., Тимашев, С. А., Макарова, М. Н. Валовой муниципальный продукт: методы расчета и применение // Экономика региона. 2012. № 4. С. 49–59. DOI: 10.17059/2012-4-4 EDN: PJOBBT
8. Колечков, Д. В. Валовой муниципальный продукт: методология, анализ, управление. Сыктывкар, 2014. 144 с. (Коми научный центр УрО РАН).
9. Косарева, Н. Б., Полиди, Т. Д. Оценка валового городского продукта в российских городах и его вклада в ВВП России в 2000–2015 гг. // Вопросы экономики. 2017. № 7. С. 5–23. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-7-5-23 EDN: ZAPCNT
10. Чистяков, П. А., Ромашина, А. А., Петросян, А. Н., Шевчук, Е. И. Центры экономического роста Российской Федерации на муниципальном уровне // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2020. № 4. С. 58–68. EDN: FFOOWR

References:

1. Antonova, I. S., Chistyakova, N. O., Tatarnikova, V. V. (2020) Assessing the Effectiveness of Municipal Development: Gross Product and Flagship Enterprises. *Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences*, no. 1 (57), pp. 7–13. EDN: GXTXLS (in Russ.).
2. Belyakova, G. Ya., Frolova, A. I. (2011) Improving the Methodology for Calculating the General Indicator of Well-Being of Municipalities. *Regional Economics: Theory and Practice*, no. 33, pp. 42–48. EDN: OCGEDF (in Russ.).
3. Veprikova, E. B., Kislenok, A. A., Gulidov, R. V. (2022) Methodology for Assessing the Level of Socioeconomic Development of Municipalities in the Region Based on Identifying Signs of Local Depressiveness. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 3 (100), pp. 71–86. DOI: 10.22394/1818-4049-2022-100-3-71-86 EDN: FIHKDW (in Russ.).
4. Gafarova, E. A. (2017) Gross municipal product as an indicator of the level of economic development of municipalities in a region (based on the materials of the Republic of Bashkortostan). *Scientific and technical statements of SPbSPU. Economic sciences*, vol.

10, no. 4, pp. 91–103. DOI: 10.18721/JE.10409 EDN: ZGIWTJ (in Russ.).

5. Dmitriev, M. E., Chistyakov P. A., Romashina A. A. (2020) Testing the methodology for assessing municipal gross added value. *Problems of Forecasting*, no. 1, pp. 49–59. EDN: LVZELZ (in Russ.).

6. Zakharchuk, E. A. (2019) Spatial structure of added value formation in the Arctic territories. *Economy of the region*, vol. 15, issue 2, pp. 391–408. DOI: 10.17059/2019-2-7 EDN: CIOAGO (in Russ.).

7. Kolechkov, D. V., Gadzhiev, Yu. A., Timashev, S. A., Makarova, M. N. (2012) Gross municipal product: calculation methods and application. *Economy of the region*, no. 4, pp. 49–59. DOI: 10.17059/2012-4-4 EDN: PJOBBT (in Russ.).

8. Kolechkov, D. V. (2014) Gross municipal product: methodology, analysis, management. Syktyvkar, 144 p. (Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences) (in Russ.).

9. Kosareva, N. B., Polidi, T. D. (2017) Estimation of the Gross Urban Product in Russian Cities and its Contribution to Russia's GDP in 2000–2015. *Voprosy ekonomiki*, no. 7, pp. 5–23. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-7-5-23 EDN: ZAPCNT (in Russ.).

10. Chistyakov, P. A., Romashina, A. A., Petrosyan, A. N., Shevchuk, E. I. (2020) Centers of economic growth of the Russian Federation at the municipal level. *Bulletin of Moscow University. Episode 5: Geography*, no. 4, pp. 58–68. EDN: FFOOWR (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 09.07.2025; одобрена после рецензирования 21.08.2025; принята к публикации 25.08.2025.

The article was submitted 09.07.2025; approved after reviewing 21.08.2025; accepted for publication 25.08.2025.

Информация об авторах

А. А. Новицкий – руководитель научных проектов, федеральное автономное научное учреждение «Восточный центр государственного планирования»;

И. А. Шевченко – старший экономист, федеральное автономное научное учреждение «Восточный центр государственного планирования».

Information about the authors

A. A. Novitskii – Research Project Manager, the Federal Autonomous Research Institution «The Eastern State Planning Center»;

I. A. Shevchenko – Senior Economist, the Federal Autonomous Research Institution «The Eastern State Planning Center».

Научная статья

УДК 338.23

<https://elibrary.ru/SHIQMT>

Механизм обратной связи с бизнесом как инструмент стимулирования инвестиционной проактивности

Наталья Альбертовна Маслюк¹, Надежда Васильевна Медведева²

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления – филиал, Санкт-Петербург, Россия

¹ maslyuk-na@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6973-2056>

² medvedeva-nv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0674-6199>

Аннотация. Актуальность научной статьи обусловлена необходимостью оптимизации процессов и расширения каналов обратной связи для реализации одной из ключевых задач современной инвестиционной политики Российской Федерации – развития проактивности органов власти во взаимодействии с инвесторами. Обратная связь как элемент регионального инвестиционного стандарта имеет более чем десятилетний опыт реализации, однако высокая динамичность внешней среды и наличие в ней достаточного количества факторов, потенциально негативных для инвестиционной деятельности, требуют от органов власти трансформации данного механизма и его адаптации к потребностям инвестора. В статье рассмотрены этапы становления и развития механизма обратной связи, начиная с периода внедрения первого инвестиционного стандарта. Особое внимание авторов обращено на факт многообразия форм и источников для реализации механизма обратной связи, который не всегда может привести к положительным результатам, но и затруднить или нарушить коммуникацию. Реактуализация и обновление формата обратной связи в региональном инвестиционном стандарте 3.0 направлены на повышение доступности и удобства пользователей, оперативности реагирования и полноты решения проблем инвестора. Авторы полагают, что унификация проблем заявителей и каналов обращения позволят выстроить горизонтальные экономические связи государства и инвесторов, результатом чего станет получение прямого и косвенного экономического эффекта, проявленного в экономии инвестиционных затрат, снижении потенциальных потерь инвестора, росте объемов инвестиций. Сбор и анализ информации о наиболее часто возникающих проблемах инвесторов, поиск оптимальных путей решения данных проблем, обобщение опыта, формирование и тиражирование лучших практик реализации механизма обратной связи способствуют выработке и реализации проактивности государства в сфере инвестиционной политики. Материалы статьи могут вызвать интерес научной общности, органов публичной власти, участвующих в формировании и реализации региональной инвестиционной политики, экспертного сообщества.

Ключевые слова: проактивность, обратная связь, инвестиционная политика, региональный инвестиционный стандарт

Для цитирования: Маслюк, Н. А., Медведева, Н. В. Механизм обратной связи с бизнесом как инструмент стимулирования инвестиционной проактивности // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 3 (112). С. 73–86. EDN: SHIQMT

Original article

Business Feedback Mechanism as a Tool to Stimulate Investment Proactivity

Nataliya A. Maslyuk¹, Nadezhda V. Medvedeva²¹ The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA, Khabarovsk, Russia² The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the North-Western institute of management – branch of RANEPA, St. Petersburg, Russia¹ maslyuk-na@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6973-2056>² medvedeva-nv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0674-6199>

Abstract. *The relevance of this scientific article stems from the need to optimize processes and expand feedback channels to implement one of the key objectives of the modern investment policy of the Russian Federation: developing proactive government bodies in their interactions with investors. Feedback as an element of the regional investment standard has more than a decade of implementation experience, however, the high dynamism of external environment and presence in it of sufficient number of factors potentially negative for the investment activity require the authorities to transform this mechanism and adapt it to the investor needs. This article discusses stages of formation and development of the feedback mechanism, starting from the period of implementation of the first investment standard. Authors pay special attention to the fact of variety of forms and sources for implementation of the feedback mechanism, which may not always lead to positive results, but also complicate or disrupt communication. Re-updating and updating of the feedback format in the regional investment standard 3.0 is aimed at improving the accessibility and convenience of users, prompt response and completeness of solving the investor problems. Authors believe that unifying the problems of applicants and the channels of circulation will allow building horizontal economic ties between the state and investors, resulting in direct and indirect economic benefits, manifested in saving the investment costs, reducing potential investor losses, and increasing the investment volumes. Collection and analysis of information about the most frequently encountered investor problems, search for optimal solutions to these problems, generalization of experience, formation and replication of best practices for implementation of the feedback mechanism contribute to development and implementation of the government proactivity in the field of investment policy. Materials of the article may arouse the interest of the scientific community, public authorities involved in the formation and implementation of the regional investment policy and the expert community.*

Keywords: *proactivity, feedback, investment policy, regional investment standard*

For citation: Maslyuk, N. A., Medvedeva, N. V. (2025) Business Feedback Mechanism as a Tool to Stimulate Investment Proactivity. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 3 (112), pp. 73–86. EDN: SHIQMT

Введение

Ключевой характеристикой инвестиционной проактивности является ее двойственность, она развивается через упреждающие действия стороны (сторон) – государства/бизнеса и развивает

активность и взаимодействие сторон. Проактивность становится ключевой детерминантой новой реальности, она пронизывает все и всех – от личности до социальных групп, бизнеса, государственной власти, государства.

Этимология понятия «проактивность» связана с активностью в значении упреждающего поведения. Впервые данный термин был применен в психологии В. Франклином в середине 20 века, затем в 90-х гг. 20 века Стивен Кови придал ему новый оттенок и вынес проактивность на первое место среди качеств успешного человека в его стремлении к росту и развитию. Генезис понятия «проактивность» проявился в заимствовании данного направления и применении в управленческих практиках, в том числе в сфере государственного управления. Первоначально в сфере государственного управления свойство проактивности стало применяться как «проактивный режим» при предоставлении государственных услуг [Талапина, Козяр (Двинских), 2023]. При этом в качестве основных признаков проактивности признавалось снижение административной нагрузки и барьеров для получателей услуг, а также рост доверия населения к власти, что и стало отправной точкой для масштабирования практики проактивности во многих направлениях формирования и реализации государственной политики. Таким образом, проактивность как качество человека и этап управления направлена на упреждение негативных и создание необходимых условий.

Инициативное развитие со стороны государства регионального инвестиционного стандарта (далее – РИС), начиная с 2012 г. прошло свой путь от первой до третьей версии (РИС 3.0), отчетливее приобретая черты инвестиционной проактивности, что проявляется в смене версий, в пересборке элементов стандарта, в наполнении контента каждого элемента. Базовая версия РИС 3.0 была принята в составе пяти элементов, затем была дополнена еще тремя, в том числе механизмом обратной связи с бизнесом, что и актуализировало научный интерес к данной теме [Маслюк, Медведева, 2025; Старовойтов, 2022].

Цель научной статьи заключается в исследовании влияния нового элемента регионального инвестиционного стандарта на стимулирование инвестиционной проактивности и привлечение инвестиций.

Методология статьи основана на

междисциплинарном подходе, основанном на теории развивающихся систем и теории инвестиций, с учетом теории Investor Relations (связи с инвесторами), как фундаментальной области экономической теории, а также концептуально-методологическом и системном методах.

Результаты и обсуждение

Механизм обратной связи не является новым явлением по своему функциональному назначению, в версиях всех трех РИС данный элемент был, в настоящее время он в обновленном формате входит в состав РИС 3.0. Возникает дилемма относительно не только его роли и влияния на развитие инвестиционной проактивности и привлечение инвестиций, но и соотношения с другими элементами регионального инвестиционного стандарта и смежными областями [Тихомиров, Никифоров, Русинов, 2023; Шейхова, Сафонова, Бреусова, Орлова, 2022].

Реактуализация механизма обратной связи в системе РИС

По устоявшемуся правилу, под реактуализацией понимается процесс обновления чего-либо, что стало устаревшим или менее актуальным. К этому можно добавить: «что не оказало должного влияния и эффекта» или «под воздействием изменившихся условий», что можно продемонстрировать на встраивании механизма обратной связи с бизнесом в повестку государственной инвестиционной политики.

Эволюционный путь применения и развития регионального инвестиционного стандарта начинается с 2012 г. Первая версия стандарта имела несколько иное название: «Стандарт деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в регионе», он был утвержден решением наблюдательного совета АНО АСИ от 3 мая 2012 г.

Основой для принятия стандарта выступили веские подтверждения неблагоприятного инвестиционного климата во многих регионах. На основе успешных практик регионов с иной ситуацией был составлен первый стандарт. Отличительная особенность первого стандарта заключалась в том, что он был задуман как

«пополняемый и обновляемый», содержащиеся в нем требования должны были корректироваться с учетом результатов их применения и масштабирования. Требования стандарта характеризовались как «минимально достаточные при надлежащей их реализации», в совокупности они представляли собой структуру элементов стандарта. Одним из них был элемент «Наличие канала (каналов) прямой связи инвесторов и руководства субъекта Российской Федерации для оперативного решения, возникающих в процессе инвестиционной деятельности проблем и вопросов». В отношении канала прямой связи был сформирован ряд требований и определены возможные источники для поддержания данного канала связи. Другой элемент предусматривал наличие в субъекте Российской Федерации единого регламента сопровождения инвестиционных проектов по принципу «единого окна», что также подразумевало взаимодействие инвесторов со специализированной организацией региона по привлечению инвестиций и работе с инвесторами.

Параллельно с 2012 года в стране проводилась работа по улучшению делового климата и повышению инвестиционной привлекательности субъектов Российской Федерации. Так, одной из целей государственной программы «Экономическое развитие и инновационная экономика» являлась цель по «созданию благоприятного предпринимательского климата и условий для ведения бизнеса». ¹ Были разработаны и реализовывались Планы мероприятий («дорожной карты») национальной предпринимательской инициативы по улучшению инвестиционного климата, из которых неполностью завершённые были трансформированы в целевые модели упрощения процедур ведения бизнеса и повышения инвестиционной привлекательности субъектов Российской Федерации. ² В числе целевых моделей были: целевая модель «Эффек-

тивность обратной связи и работы каналов прямой связи инвесторов и руководства субъекта Российской Федерации», а также целевая модель «Эффективность деятельности специализированной организации по привлечению инвестиций и работе с инвесторами». Названные модели были направлены на повышение эффективности данных механизмов с указанием, что они были созданы в процессе внедрения стандарта деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в регионе. В частности, в первой модели были запланированы этапы реализации по обновлению состава и формата деятельности инвестиционного совета, проведению мониторинга выполнения регламента сопровождения инвестиционных проектов по принципу «одного окна», были предусмотрены дополнительные очные формы и организация дистанционного взаимодействия органов государственной власти региона и участников инвестиционной деятельности. В апреле 2019 г. данные целевые модели (как и модель «Качество инвестиционного портала субъекта Российской Федерации») были признаны утратившими силу. Вместе с тем для достижения действующей в настоящее время целевой модели о технологическом присоединении к электрическим сетям в числе показателей, характеризующих степень достижения результата, предусмотрен показатель о получении обратной связи от заявителей.

Трансформация делового климата – очередной масштабный проект, который представляет собой механизм взаимодействия органов государственной власти с предпринимательским сообществом (план трансформации делового климата принят распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 января 2019 г. № 20-р в целях упрощения ведения предпринимательской и инвестици-

¹ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика»: постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. (изм. на 22.08.2025) № 316 // Собр. законодательства РФ. 2014 г. № 18 (ч. II). Ст. 2162.

² Распоряжение Правительства РФ от 31.01.2017 г. № 147-р (изм. на 24.07.2025) «О целевых моделях упрощения процедур ведения бизнеса и повышения инвестиционной привлекательности субъектов Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ. 2017. № 7. Ст. 1098.

онной деятельности в различных сферах экономики). Его целью является снятие существующих нормативных ограничений при ведении бизнеса, в том числе устранение избыточных, устаревших и противоречащих друг другу требований, содержащихся в нормативных правовых актах (на основе вовлечения бизнес-структур в формирование повестки снятия таких ограничений). Данный документ содержит незавершенные прежде модели в виде направлений трансформации делового климата с определением цели реализации мероприятий по каждому направлению, ключевого показателя эффективности и перечня мероприятий по каждому направлению (аналогичным образом признан обновляемым, потому часть направлений исключается по мере достижения результата или переводится в иную форму регулирования – в форму отдельного плана реализации или национального проекта).

В 2021 г. Минэкономразвития России разработало систему поддержки новых инвестиционных проектов («региональный инвестиционный стандарт») в форме нормативного правового акта (данный стандарт стал считаться версией 2.0).³ Он вновь был основан на лучшем региональном опыте по привлечению бизнеса и практике внедрения «первой итерации стандарта» Агентством стратегических инициатив. Задача РИС 2.0 заключалась в сокращении пути инвесторов от возникновения идеи до вложения инвестиций. Пять элементов стандарта призваны были дать регионам базовый инструментарий для привлечения бизнеса и устранить типовые барьеры на пути инвесторов. Первоначально в число пяти элементов не входил элемент, прямо закрепляющий взаимодействие с инвесторами.

По аналогии с первой версией стандарта данный РИС 2.0 унаследовал характер дальнейшего обновления и по-

полняемости. Поэтому после окончания пилотного режима апробирования и масштабирования РИС 2.0 в 2024 г. он стал пополняться новыми элементами, которые авторы настоящего исследования называли механизмами зрелости регионального инвестиционного стандарта (по факту донастройки стандарт выступает третьей версией – РИС 3.0) [Медведева, Маслюк, 2024]. Первым из трех новых элементов в апреле 2024 г. был внедрен механизм обратной связи с субъектами инвестиционной и предпринимательской деятельности в субъектах Российской Федерации (приложение № 7 методических рекомендаций).⁴

Вновь возникает дилемма относительно разных подходов к организации взаимодействия инвесторов с органами публичной власти, о сопряжении элементов стандарта между собой, о взаимосвязи с приоритетами социально-экономического развития регионов, о влиянии каждого элемента и в совокупности на стимулирование инвестиционной проактивности и привлечение инвестиций [Белицкая, Буклемишев, 2024; Карпушова, Секачева, Кукаева, Ашмарина, 2025]. Можно строить различные версии о подходах к организации взаимодействия – от неэффективности предыдущих подходов до внедрения унифицированной формы формирования и развития механизма обратной связи в регионах. Относительно влияния элементов остается открытым вопрос о прогнозировании результирующих показателей реализации регионального инвестиционного стандарта. Проводимая оценка внедрения каждого элемента стандарта строится на основе опросов респондентов – знают/не знают, удовлетворены/не удовлетворены тем, как каждый из элементов реализован в регионе. Оценка (верификация) внедрения РИС 2.0 проводилась в 2023 г. по первым пяти эле-

³ Приказ Минэкономразвития России от 30 сентября 2021 г. № 591 (изм. на 20.09.2024) «О системе поддержки новых инвестиционных проектов в субъектах Российской Федерации («Региональный инвестиционный стандарт»)» // <https://docs.cntd.ru/document/608913625?section=status> (дата обращения 18.09.2025)

⁴ См. приказ Минэкономразвития России от 4 апреля 2024 г. № 200 «О внесении изменений в приказ Минэкономразвития России от 30 сентября 2021 г. № 591 «О системе поддержки новых инвестиционных проектов в субъектах Российской Федерации («Региональный инвестиционный стандарт»)».

ментам, по дополненным трем оценка запланирована на 2025 г.

Следует учитывать еще ряд факторов, являющихся источниками получения обратной связи от субъектов инвестиционной и предпринимательской деятельности.

Так, методология Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации основана на интегральной оценке и сравнении регионов на основании показателей, сгруппированных в разрезе факторов и групп. Получение информации по показателям осуществляется путем проведения опросов предпринимателей и экспертов, а также с использованием статистических данных. По информации на начало 2025 г. почти 75% показателей Национального рейтинга формируется на основе опросов представителей регионального бизнеса. Опросы по своему характеру соответствуют признакам обратной связи.

В контексте рассмотрения вопроса о реактуализации механизма обратной связи с бизнесом нельзя не учитывать урегулированность порядка рассмотрения обращений граждан, в том числе юридических лиц в стране,⁵ порядок предоставления государственных и муниципальных услуг и создание центров оказания услуг для бизнеса,⁶ запуск платформы обратной связи для бизнеса на базе портала государственных и муниципальных услуг [Степкин, 2022; Комкова, Тюменева, 2021]. Аналогичным образом обращения представителей бизнеса соответствуют признакам обратной связи. Вместе с тем в рекомендациях по формированию механизма обратной связи с субъектами инвестиционной и предпринимательской деятельности закреплено, что обращения с использованием платформы обратной связи на базе пор-

тала государственных и муниципальных услуг «не являются обращениями граждан в значении понятия», предусмотренного федеральным законом «О порядке рассмотрения обращения граждан Российской Федерации».⁷ При этом усматривается содержательная схожесть видов обращений: обращение «проблема» (в первом случае) и жалоба (во втором случае); обращение «помощь» и заявление соответственно. Не определен пока порядок действий в случае обращения субъекта инвестиционной и предпринимательской деятельности через каналы общего рассмотрения обращений граждан.

Утверждены методические рекомендации по организации работы по сопровождению инвестиционных проектов муниципальными образованиями, в соответствии с которыми происходит становление и развитие муниципального инвестиционного стандарта. Среди прочего местной администрации рекомендуется обеспечить наличие механизма обратной связи между инвесторами и главой местной администрации или сотрудниками уполномоченного структурного подразделения, или членами инвестиционного совета муниципального образования. Вместе с тем по причине дублирования элемента обратной связи в РИС 3.0 и муниципальном инвестиционном стандарте, может возникнуть ситуация, когда обращение инвестора (предпринимателя) будет рассматриваться на муниципальном уровне, а затем передаваться на уровень субъекта Российской Федерации в связи с отсутствием полномочий муниципалитета по решению возникшей проблемы, что будет влиять на скорость рассмотрения обращений. Данный вопрос требует своего разрешения.

Многообразие форм и источников для

⁵ Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ. 2006. № 19. Ст. 2060

⁶ Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ (ред. от 31.07.2025) № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собр. законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4179; Постановление Правительства РФ от 22.12.2019 г. № 1376 (изм. на 18.03.2025) «Об утверждении Правил организации деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собр. законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. II). Ст. 7932.

⁷ См. Приложение 7 «Методические рекомендации по формированию и развитию механизма обратной связи с субъектами инвестиционной и предпринимательской деятельности в субъектах Российской Федерации» Приказа Минэкономразвития России от 30 сентября 2021 № 591 (в ред. от 04.04.2024).

реализации механизма обратной связи может оказать эффект разброса и дезориентировать представителей бизнеса, поэтому встраивание данного механизма в качестве отдельного элемента в структуру РИС 3.0 на основе единой формы способно обеспечить упорядоченность и упрощение взаимодействия, прозрачность деятельности органов публичной власти.

Обновленный формат механизма обратной связи с бизнесом

Для определения концепта системы обратной связи с инвесторами в рамках регионального инвестиционного стандарта возможно воспользоваться теорией Investor Relations (связи с инвесторами). Авторам видится, что в данной конструкции государство в выстраивании взаимоотношений с инвесторами, в том числе обратной связи, действует как корпорация, основной целью которой является построение прозрачных и честных коммуникаций для улучшения позитивного имиджа и на этой основе привлечения дополнительных инвестиций [Шилина, 2017]. В ряде работ научно обоснованным фактом признаётся прямое влияние информационной открытости на количество инвестиций [Звонова, Пищик, Алексеев, 2021].

Развитие формата обратной связи с бизнесом как элемента РИС 3.0 обусловлено потребностью бизнеса в быстром решении возникающих в процессе инвестиционной деятельности проблем, с одной стороны, и выстраиванием проактивного поведения органов власти субъектов и органов местного самоуправления, с другой. Повышение инвестиционной привлекательности территорий как приоритетное направление государственной инвестиционной политики невозможно без сбора информации об актуальных проблемах инвесторов, их систематизации и своевременного или опережающего решения.

Как отмечают авторы [Белицкая, Буклемишев, 2024], выстраивание отношений государства и инвесторов может осуществляться как в вертикальной, так и в горизонтальной плоскости. Верти-

кальная схема взаимоотношений предусмотрена в случаях предоставления бюджетных инвестиций, государственных гарантий, софинансирования крупных инвестиционных проектов. Горизонтальные формы взаимодействия, по мнению авторов статьи, более предпочтительны для развития партнёрских отношений [Авцинова, Макаров, Широкова, 2022] на основе рыночных механизмов. К ним можно отнести: специальные инвестиционные контракты, соглашения о защите и поощрении капитальных вложений, государственно-частное партнёрство.

Концептуальная конструкция регионального инвестиционного стандарта создавалась именно для цели развития горизонтальных форм взаимодействия с инвесторами. Однако такие формы взаимодействия не могут развиваться гармонично и эффективно без инструмента обратной связи.

Цель внедрения шестого элемента РИС – не только оперативная обработка обращений инвесторов и бизнеса для сокращения клиентского пути, но и выявление проблемных точек, оценка уровня удовлетворенности ответами органов власти и гибкая корректировка инвестиционной политики региона на системной основе.

Изначально новый элемент РИС «Механизм обратной связи» в виде Центра управления регионом «Бизнес» был внедрен в Московской области в конце 2022 г. и признан Правительством Российской Федерации успешной практикой 2023 г., затем был внедрён в 10 пилотных регионах, включая Хабаровский край.

В 2024 г. шестой элемент РИС – «механизм обратной связи» – начал реализовываться в 30 пилотных регионах.⁸ Первыми участие в эксперименте приняли Москва, Ханты-Мансийский автономный округ, республики Крым, Башкортостан, Саха (Якутия), Татарстан, Удмуртия, Пермский, Краснодарский и Хабаровский края, а также Московская, Ленинградская, Белгородская, Калининградская, Вологодская, Волгоградская, Курганская, Калужская, Курская, Мур-

⁸ 30 пилотных регионов запустят систему сбора обратной связи от бизнеса в сентябре / офиц. сайт Минэкономразвития России. URL: https://economy.gov.ru/material/news/30_pilotnyh_regionov_zapustyat_sistemu_sbor_a_obratnoy_svyazi_ot_biznesa_v_sentyabre.html

манская, Липецкая, Орловская, Ростовская, Нижегородская, Свердловская, Сахалинская, Тульская, Челябинская, Тюменская, Ярославская области.

К концу 2025 г. этот элемент будет внедрён во всех регионах страны.

Техническая реализация механизма обратной связи с инвесторами представлена в виде платформы обратной связи (далее – ПОС бизнес, ПОС), что позволяет в онлайн режиме принимать обращения от инвесторов и предпринимателей, обрабатывать их на предмет темы вопроса или обращения, направлять их в компетентный орган или организацию для подготовки ответа в установленный срок в зависимости от типа обращения.

Платформа ПОС бизнес также даёт возможность вести контроль поступающих обращений, следить за сроками их отработки и получать обратную связь об уровне удовлетворенности ответом.⁹ Через ПОС происходит определение ответственного за ответ органа исполнительной власти, контроль за процессом и сроками ответа, а также создание групп из числа профильных специалистов для решения сложных проблем.

На текущий момент во многих субъектах Российской Федерации установлено и действует несколько каналов обратной связи, по которым возможно отправить сообщение в ПОС:

форма на портале Госуслуги;

мобильное приложение «Госуслуги. Решаем вместе»;

виджет «формы», размещённые на инвестиционном портале региона, на сайте инвестиционного комитета региона (не во всех субъектах Российской Федерации), на сайтах органов исполнительной власти региона, органов местного самоуправления;

в социальных сетях (официальных каналах уполномоченных органов и глав субъектов Российской Федерации);

через электронные приёмные глав субъектов Российской Федерации;

через электронную почту органов исполнительной власти региона.

Качество обратной связи инвестор мо-

жет оценить по шкале от 1 до 5.

В ряде субъектов Российской Федерации (например, в Мурманской области) на сегодняшний день действует прозрачная система мониторинга обращений на инвестиционном портале.

Информация о процессе и результатах решения проблем инвесторов доступна главам субъектов Российской Федерации и Министерству экономического развития Российской Федерации.

Алгоритм организации работы каналов обратной связи с бизнесом в условиях инвестиционной проактивности

Эффективность обратной связи с субъектами инвестиционной и предпринимательской деятельности в субъектах Российской Федерации обеспечивается не только разработкой новой модели взаимодействия органов публичной власти с инвесторами, но и адекватной организацией возможности предоставления обращений, включая вопросы их рассмотрения по существу и действия по результатам их рассмотрения (т. е. организацией работы каналов обратной связи).

Под каналами обратной связи в контексте настоящего исследования предлагается понимать широкий спектр средств, посредством которых возможно направление обращений лично или с использованием технических средств. На широту источников каналов обратной связи указывается и в методических рекомендациях. К числу источников каналов обратной связи, как было отмечено, можно отнести горячую линию, прямую линию с руководством региона, электронную почту, инвестиционный портал субъекта Российской Федерации, платформу обратной связи с бизнесом, виртуальную приемную на официальном сайте органа публичной власти субъекта Российской Федерации, другие информационные системы и пр. При этом, руководствуясь принципом аналогии права, следует учитывать законодательные изменения порядка рассмотрения обращений граждан в отношении обращения гражданина, направленного в форме электронного документа только с адреса электронной

⁹ Взять в talk: в России запустят систему сбора обратной связи от бизнеса // Известия. URL: <https://iz.ru/1728389/valentina-averianova/vziat-v-talk-v-rossii-zapustiat-sistemu-sbora-obratnoi-sviasi-ot-biznesa>

почты, доменное имя которого находится в российской национальной доменной зоне (данные изменения направлены на противодействие спам-рассылкам). Вариативность источников каналов обратной связи не ограничивает заявителей в их выборе, способствует повышению скорости рассмотрения обращений через единый центр обработки обращений и имеет превентивный характер относительно существующих и потенциальных проблем заявителей.

Организация работы различных каналов обратной связи начинается на этапе направления обращения на основе принципов оперативности (в части первичной оценки и регистрации обращения), непрерывности работы (в том числе работа ряда каналов в режиме 24/7), беспристрастности (обращение направляется любым субъектом инвестиционной или предпринимательской деятельности в отношении любых актуальных проблем, вопросов и предложений, возникших в ходе ведения деятельности). Функционирование каналов обратной связи целесообразно организовать таким образом, чтобы их использование заявителем было интуитивно понятным и не требовало высокой квалификации с его стороны.

Принцип оперативности распространяется и на этап рассмотрения поступивших обращений. Рассмотрение поступивших обращений заключается в предварительной маршрутизации обращения от источника канала обратной связи в единый центр обработки информации, последующего анализа содержащейся информации в обращении с целью его классификации по соответствующей тематической категории, подкатегории и факта (что влияет на установление срока рассмотрения обращения) для определения исполнителя и направления ему обращения для подготовки ответа.

Этап принятия мер по обращениям может рассматриваться как отдельный этап организации работы каналов обратной связи, учитывая внимание к принятым мерам реагирования. Так, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 17 апреля 2017 г. № 171 «О мониторинге и анализе результатов рассмотрения обращений граждан и

организаций» органы публичной власти представляют в Администрацию Президента Российской Федерации в электронной форме информацию о результатах рассмотрения обращений граждан и организаций, а также о мерах, принятых по таким обращениям. Предлагаем рассматривать данный порядок как распространяющийся и на обращения в рамках механизма обратной связи с субъектами инвестиционной и предпринимательской деятельности.

Составной частью этапа рассмотрения обращения является информирование заявителя о результате и статусах рассмотрения обращения в личном кабинете на едином портале государственных и муниципальных услуг и путем отправки уведомлений по адресу электронной почты. Результатом рассмотрения обращения выступает решение изложенного в обращении вопроса или предоставление рекомендаций заявителю для самостоятельного решения. Завершением этапа рассмотрения обращения является выявление удовлетворенности заявителей полученным ответом на обращение. Отдельному анализу подлежат обращения, получившие низкую оценку удовлетворенности или поступившие от заявителей на повторное рассмотрение.

Этап мониторинга результативности деятельности каналов обратной связи может стать обособленной частью оценки эффективности механизма обратной связи, предусмотренной методическими рекомендациями. В целях оценки эффективности реализации механизма обратной связи рекомендуется формировать отчет, одна из позиций которого предусматривает количество обращений в разрезе каналов обратной связи. Наличие таких данных, формируемых центром обработки обращений, позволит анализировать результативность деятельности каждого из каналов обратной связи и по мере необходимости воздействовать на них.

Структурные элементы классификатора ПОС бизнес

По итогам внедрения практики работы пилотных регионов был сформирован и согласован с Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуника-

ций Российской Федерации (Минцифры России) классификатор обращений бизнеса на Платформе обратной связи¹⁰, содержащий семь категорий: «Поддержка и сопровождение инвестора», «Кадровые ресурсы», «Строительство», «Подключение к инженерным сетям», «Объекты недвижимого имущества и земельные участки», «Автомобильные дороги», «Экология и использование природных ресурсов». Всего классификатор включает 289 видов вопросов, при этом выделено три типа обращений инвесторов в зависимости от типа запроса и срока ответа на него:

консультация – обращение, которое не требует изучения документов заявителя или дополнительной информации (срок ответа до 5 дней);

помощь – обращение, требующее изучения документов заявителя и/или направление запросов в органы власти и организации в целях решения вопроса заявителя (срок ответа до 10 дней);

проблема – обращение, из содержания которого следует, что права и законные интересы заявителя нарушаются или будут нарушены (срок ответа до 30 дней).

Классификатор ПОС бизнес также содержит перечень типовых фактов, которые может содержать обращение инвестора. В зависимости от типа факта, изложенного в обращении, в классификаторе предусмотрен выбор ответственного органа власти или организации, уполномоченных для ответа. Данная взаимосвязь позволяет оперативно направ-

лять обращение тому актору, который решит вопрос в обращении наиболее эффективно и своевременно.

Структура классификатора обращений представлена на рисунках 1, 2.

По удельному весу в структуре типов обращений, наибольший сегмент (46%) составляют консультации со сроком исполнения до 5 рабочих дней, что наглядно демонстрирует готовность органов публичной власти к оперативному взаимодействию с инвестором. При этом проблемные обращения, на рассмотрение которых требуется до 30 дней и, возможно, создание профильной команды из различных органов власти, также занимают существенную долю в 36%, что позволяет сделать вывод о намерении власти действительно и неформально решать сложные проблемы инвесторов, требующие взаимодействия нескольких ведомств.

Структура обращений по их категориям (в зависимости от тематики) отражает основные сферы деятельности инвесторов, в которых наиболее часто возникают вопросы, требующие участие органов власти в их решении.

Максимальное количество видов вопросов, которые может задать инвестор, относятся к категориям подключения к инженерным сетям (24%) и получения земельных участков (21%).

Как показал анализ фактических данных, наиболее популярными категориями обращений со стороны предпринимателей в пилотных регионах стали вопросы, связанные с поддержкой и сопровождением

Рис. 1. Распределение видов обращений по типам и срокам обратной связи в механизме обратной связи, %

¹⁰ Сайт ПОС Госуслуги. URL: <https://pos.gosuslugi.ru/og/docs/category/480#n>

инвестора (60%), земельными отношениями и недвижимым имуществом (15%), инженерной инфраструктурой (7%)¹¹.

Сопоставление данных о структуре обращений классификатора ПОС бизнес с фактическими данными о тематике обращений, позволяет заключить, что ожидания государства по темам обращений инвесторов не совпали с реальными проблемами инвесторов. Возможно предположить, что результаты обратной связи, полученные в процессе мониторинга обращений инвесторов, должны стать основой гибкого реагирования и трансформации механизма обратной связи РИС 3.0, в т. ч. в части донстройки классификатора ПОС с возможным расширением перечня типовых обращений по тематикам наиболее часто возникающих вопросов.

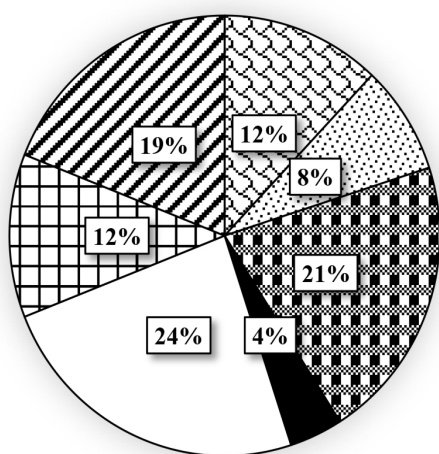
Целенаправленность системы обратной связи с инвестором на решение актуальных и значимых проблем, а также её клиентоцентричность во многом зависят от готовности государства оперативно и эффективно решать проблемы бизнеса, с одной стороны, и от уровня доверия бизнеса государству, с другой. Единство этих составляющих позволит сделать шестой элемент РИС 3.0 действенным инструментом привлечения и наращивания инвестиций в экономику регионов России.

Авторы статьи видят возможные положительные процессы, которые будут

инициированы при помощи обратной связи: получение потока данных о текущем состоянии инвестиционной и бизнес-среды для гибкой донстройки элементов РИС; развитие доверительных отношений государства и бизнеса как основы наращивания инвестиционных потоков; снижение коррупционного фона и административных барьеров инвестиционной деятельности; очищение рынка инвестиций от недобросовестных участников.

Помимо определения качественных характеристик, описывающих процессы, инициируемые обратной связью, возникают объективные предпосылки расчёта экономического эффекта от обратной связи.

Примером является опыт Московской области, где оценили экономический эффект от внедрения обратной связи с инвесторами через ЦУР «Бизнес». В течение 2023–2024 гг. с начала внедрения пилотного проекта обратной связи было получено более 4 млрд рублей экономического эффекта по решённым проблемам инвесторов (на основании 123 обращений). Эффект (прямой и косвенный) рассчитывался как выгода инвестора от предотвращённых потерь.¹² Авторам видится, что данный опыт может быть успешно тиражирован как лучшая региональная практика обратной связи, в которой про-

- Вопросы бизнеса, связанные с поддержкой и сопровождением инвестора
- ▨ Вопросы бизнеса, связанные с земельными отношениями и недвижимым имуществом
- ▩ Вопросы бизнеса, связанные с кадровыми ресурсами
- ▧ Вопросы бизнеса, связанные с подключением к инженерным сетям
- ▦ Вопросы бизнеса, связанные с экологией и использованием природных ресурсов
- ▤ Вопросы бизнеса, связанные со строительством

Рис. 2. Распределение видов обращений по категориям в механизме обратной связи, %

¹¹ Идет подготовка к внедрению шестого элемента регионального инвестиционного стандарта. – Инвестиционный портал Санкт-Петербурга. – режим доступа: <https://spbinvestment.ru/ru/news/17-01-2025-idet-podgotovka-k-vnedreniyu-shestogo-elementa-regionalnogo-investicionnogo-standart>

является замысел этого инструмента взаимодействия с инвесторами.

Выводы

Реактуализация механизма обратной связи как неотъемлемого инструмента взаимодействия власти и бизнеса обусловлена тенденцией повышения проактивности органов публичной власти с целью наращивания инвестиционной привлекательности территорий и повышения объёма инвестиций.

Формирование и совершенствование механизма обратной связи в качестве составляющего элемента происходило на протяжении более чем десятилетнего периода существования регионального инвестиционного стандарта, что явилось подтверждением ориентира власти на открытое взаимодействие с бизнесом на основе принципов партнёрства и прозрачности.

На протяжении периода становления и трансформации регионального инвестиционного стандарта механизм обратной связи претерпел изменения от неэффективного и формального до унифицированного и интегрированного в цифровое информационное пространство экономических отношений регионов с инвесторами. Современная обратная связь для инвестора – простая с точки зрения технической реализации, понятная, прозрачная, разноплановая и многоканальная. Вариативность форм взаимодействия власти и инвесторов в части получения отклика на регулирующие воздействия в сфере инвестиционной политики обусловлена желанием государства стимулировать не только инвестиционную активность, но и доверие бизнеса, которое может выступить современной формой мультипликатора инвестиций.

Многовариантность каналов обратной связи инвестора с органами публичной власти и организациями способствует

повышению скорости рассмотрения обращений и превентивному решению существующих и потенциальных проблем заявителей.

Механизм обратной связи с инвесторами в качестве относительно нового элемента РИС способствует развитию горизонтальных форм взаимодействия.

Техническая реализация механизма обратной связи с инвесторами представлена в виде многоканальной и высокотехнологичной платформы обратной связи (ПОС бизнес), использующей в основе маршрутизации обращений инвесторов классификатор обращений.

Непрерывные анализ и сопоставление тематики и количества фактических обращений с типовыми вариантами проблем инвесторов позволят органам публичной власти трансформировать и адаптировать механизм обратной связи РИС 3.0, что, в свою очередь, будет способствовать более эффективному решению проблем инвесторов.

Стремление отлаживать систему обратной связи с инвестором в процессе решения насущных проблем, повышать её клиентоцентричность и клиентоориентированность являются маркером уровня внимания государства к сложностям на пути инвестора и одновременно стимулом для инвестора к повышению доверия к действиям власти и, как следствие, наращиванию объёмов инвестиций.

При этом возможно получение и подсчёт конкретного прямого и косвенного экономических эффектов от использования результатов обратной связи в виде оперативного и действенного решения проблем инвестора.

Таким образом, авторами сделан вывод о своевременности и обоснованности доработки регионального инвестиционного стандарта механизмом обратной связи с инвестором.

Список источников:

1. Авцинова, А. А., Макаров, И. Н., Широкова, О. В. Современные модели взаимодействия власти и бизнеса // Креативная экономика. 2022. Т. 16, № 8. С. 3123-3136. DOI 10.18334/ce.16.8.116138 EDN: МОЕТУН
2. Белицкая, А. В., Буклемишев, О. В. Государство и инвестор: выбор плоскости взаимодействия в рыночной экономике // Вест. Моск. Ун-та. Серия 11. Право. 2024.

¹² Московская область. Центр управления регионом. URL: <https://smarteka.com/uploads/files/2024/03/04/5da06ebd-3c06-40b4-9834-56db062eb7b2d931e383-c551-4273-b4e4-8bf8d9c8ea1a.pptx?ysclid=mg3b30zdhb632925583>

Т. 65. № 4. С. 133–148. DOI: 10.55959/MSU0130-0113-11-65-4-8 EDN: VOLERM

3. Звонова, Е. А., Пищик, В. Я., Алексеев, П. В. Оптимизация деятельности институтов содействия инвестициям в устойчивый рост российской экономики // Финансы: теория и практика. 2021. № 25(4). С. 110–120. DOI: 10.26794/2587-5671-2021-25-4-110-120 EDN: ZWSOGH.

4. Карпушова, С. Е., Секачева, Т. В., Кукаева, Л. И., Ашмарина, У. В. Стратегия повышения инвестиционной активности в российских регионах // Прикладные экономические исследования. 2025. № 2. С. 146–155. DOI: 10.47576/2949-1908.2025.2.2.017 EDN: YALXFM

5. Комкова, Г. Н., Тюменева, Н. В. Институт электронных обращений и его роль в повышении информационно-коммуникативной культуры // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, № 4. С. 410–418. DOI: 10.18500/1994-2540-2021-21-4-410-418 EDN: BIXIKI

6. Маслюк, Н. А., Медведева, Н. В. Формирование инвестиционных предложений и траектория их продвижения: региональный аспект // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 1 (110). С. 68–79. DOI: 10.22394/1818-4049-2025-110-1-68-79 EDN: FLRTJO

7. Медведева, Н. В., Маслюк, Н. А. Механизмы зрелости регионального инвестиционного стандарта как фактор повышения инвестиционной активности территорий Российской Федерации // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 3 (108). С. 86–98. DOI: 10.22394/1818-4049-2024-108-3-86-98 EDN: DXXSZB

8. Старовойтов, Д. П. Инвестиционные декларации регионов как инструмент привлечения инвестиций // Государственная служба. 2022. № 6. С. 47–55. DOI: 10.22394/2070-8378-2022-24-6-47-55 EDN: KHLJRJ

9. Степкин, С. П. Цифровая трансформация обращений граждан с использованием современных информационных технологий // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 4. С. 72–82. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_4_72 EDN: GVCSYW

10. Талапина, Э. В., Козяр (Двинских), Д. Ю. Проактивные государственные услуги: на пути к алгоритмизации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 2. С. 7–32. DOI: 10.17323/1999-5431-2023-0-2-7-32 EDN: WHLQUP

11. Тихомиров, Д. В., Никифоров, В. М., Русинов, Д. А. Механизмы поддержки инвестиционных проектов в России: спектр инструментов и обзор ситуации // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2023. № 3–1 (141). С. 82–90.

12. Шейхова, М. С., Сафонова, С. Г., Бреусова, Е. А., Орлова, Е. П. Инвестиционная политика: тенденции, особенности и перспективы реализации на современном этапе функционирования экономики России // Московский экономический журнал. 2022. № 3. С. 279–291. DOI: 10.55186/2413046X_2022_7_3_146 EDN: YVGQUZ

13. Шилина, М. Г. Investor Relations, связи с инвесторами в структуре российских PR: теоретические рамки исследования // Российская школа связей с общественностью. 2017. № 9. С. 96–103

References:

1. Avtsinova, A. A., Makarov, I. N., Shirokova, O. V. (2022) Modern Models of Interaction between Government and Business. *Creative Economy*, vol. 16, no. 8, pp. 3123–3136. DOI 10.18334/ce.16.8.116138 EDN: MOETUH (in Russ.).

2. Belitskaya, A. V., Buklemishev, O. V. (2024) The State and the Investor: Choosing the Plane of Interaction in a Market Economy. *Vest. Mosk. Un-ta. Ser. 11. Pravo*, vol. 65, no. 4, pp. 133–148. DOI: 10.55959/MSU0130-0113-11-65-4-8 EDN: VOLERM (in Russ.).

3. Zvonova, E. A., Pishchik, V. Ya., Alekseev, P. V. (2021) Optimization of the Activities of Investment Promotion Institutions in the Sustainable Growth of the Russian Economy. *Finance: Theory and Practice*, no. 25(4), pp. 110–120. DOI: 10.26794/2587-5671-2021-25-4-110-120 EDN: ZWSOGH (in Russ.).

4. Karpushova, S. E., Sekacheva, T. V., Kukaeva, L. I., Ashmarina, U. V. (2025) Strat-

egy for Increasing Investment Activity in Russian Regions. *Applied Economic Research*, no. 2, pp. 146–155. DOI: 10.47576/2949-1908.2025.2.2.017 EDN: YALXFM (in Russ.).

5. Komkova, G. N., Tyumeneva, N. V. (2021) The Institute of Electronic Appeals and Its Role in Improving Information and Communication Culture. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law*, vol. 21, no. 4, pp. 410–418. DOI: 10.18500/1994-2540-2021-21-4-410-418 EDN: BIXIKI (in Russ.).

6. Maslyuk, N. A., Medvedeva, N. V. (2025) Formation of Investment Proposals and the Trajectory of Their Promotion: A Regional Aspect. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 1 (110), pp. 68–79. DOI: 10.22394/1818-4049-2025-110-1-68-79 EDN: FL-RTJO (in Russ.).

7. Medvedeva, N. V., Maslyuk, N. A. (2024) Mechanisms of the Regional Investment Standard Maturity as a Factor of Increasing the Investment Activity of the Territories of the Russian Federation. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 3 (108), pp. 86–98. DOI: 10.22394/1818-4049-2024-108-3-86-98 EDN: DXXSZB (in Russ.).

8. Starovoytov, D. P. (2022) Investment Declarations of Regions as a Tool for Attracting Investments. *State Service*, no. 6, pp. 47–55. DOI: 10.22394/2070-8378-2022-24-6-47-55 EDN: KHLJRJ (in Russ.).

9. Stepkin, S. P. (2022) Digital Transformation of Citizens' Appeals Using Modern Information Technologies. *Russian Law: Education, Practice, Science*, no. 4, pp. 72–82. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_4_72 EDN: GVCSYW (in Russ.).

10. Talapina, E. V., Kozyar (Dvinskikh), D. Yu. (2023) Proactive Public Services: Towards Algorithmization. *Issues of State and Municipal Administration*, no. 2, pp. 7–32. DOI: 10.17323/1999-5431-2023-0-2-7-32 EDN: WHLQUP (in Russ.).

11. Tikhomirov, D. V., Nikiforov, V. M., Rusinov, D. A. (2023) Mechanisms for Supporting Investment Projects in Russia: A Range of Tools and an Overview of the Situation. *Izvestiya of the Saint Petersburg State University of Economics*, no. 3–1 (141), pp. 82–90 (in Russ.).

12. Sheikhova, M. S., Safonova, S. G., Breusova, E. A., Orlova, E. P. (2022) Investment Policy: Trends, Features, and Prospects for Implementation at the Present Stage of Russia's Economic Functioning. *Moscow Economic Journal*, no. 3, pp. 279–291. DOI: 10.55186/2413046X_2022_7_3_146 EDN: YVGQUZ (in Russ.).

13. Shilina, M. G. (2017) Investor Relations, Investor Relations in the Structure of Russian PR: Theoretical Framework of Research. *Russian School of Public Relations*, no. 9, pp. 96–103 (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 10.07.2025; одобрена после рецензирования 27.08.2025; принята к публикации 29.08.2025.

The article was submitted 10.07.2025; approved after reviewing 27.08.2025; accepted for publication 29.08.2025.

Информация об авторах

Н. А. Маслюк – кандидат экономических наук, доцент, декан факультета высшего образования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал;

Н. В. Медведева – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления – филиал.

Information about the authors

N. A. Maslyuk – Candidate of Economics, Associate Professor, Dean of the faculty of higher education, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA;

N. V. Medvedeva – Candidate of Economics, Associate Professor, the public and municipal administration, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the North-Western institute of management – branch of RANEPA.

Научная статья

УДК 332.146.2(571.63)

<https://elibrary.ru/TBBVHB>

Особенности разработки стратегии развития города (на материалах Находкинского городского округа)

Сергей Васильевич Раевский

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

svraevsky@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9025-9467>

Аннотация. В статье раскрываются некоторые особенности разработки стратегии городского развития на основе стратегической платформы, используемой в дальнейшем для составления мастер-плана города. Раскрыты элементы мастер-плана, показана структура стратегической платформы. Рассмотрено формирование опорных населенных пунктов с учетом «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года». В исследовании выделяются и анализируются этапы процесса формирования стратегии социально-экономического развития города. Для Находкинского городского округа выделены три целевых стратегических ориентира, которые могут быть положены в основу долгосрочной программы социально-экономического развития. Показывается, что реализация стратегии социально-экономического развития города связана с ее постоянным мониторингом. Раскрыты особенности мастер-плана Находкинского городского округа.

Ключевые слова: городской округ; стратегия; социально-экономическое развитие; стратегическая платформа; процесс разработки стратегии; мониторинг; мастер-план; ключевые проекты

Для цитирования: Раевский, С. В. Особенности разработки стратегии развития города (на материалах Находкинского городского округа) // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 3 (112). С. 87–95. EDN: TBBVHB

Original article

Evolution of the City Development Strategy (Based on the Nakhodka Urban District data)

Sergey V. Raevskiy

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

svraevsky@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9025-9467>

Abstract. The article reveals some of the features of developing the urban development strategy based on strategic platform used in the future to draw up master plan of the city. The elements of master plan and the structure of strategic platform are shown. Formation of the supporting settlements was considered, taking into account the «Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2030 with a forecast until 2036.» The study identifies and analyzes stages of the process of forming strategy for the socio-economic development of the city. Three target strategic guidelines have been

identified for the Nakhodka urban district, which can form basis of the long-term program of socio-economic development. It is shown that implementation of the strategy for socio-economic development of the city is associated with its constant monitoring. Features of the master plan of the Nakhodka urban district are shown.

Keywords: urban district, strategy, socio-economic development, strategic platform; strategy development process, monitoring

For citation: Raevskiy, S. V. (2025) Evolution of the City Development Strategy (Based on the Nakhodka Urban District data). *Power and Administration in the East of Russia*, no. 3 (112), pp. 87–95. EDN: TBBVNB

Введение

В исследовании разных аспектов формирования стратегии социально-экономического развития городов существует ряд нерешенных вопросов [Жихаревич, Прибышин, 2019; Кафидов, 2015; Мяснянкина, Пискарев, Преображенский, 2018; Управление крупнейшими..., 2023]. По мнению экспертов, это обусловлено рядом причин:

во-первых, еще совсем недавно плановое регулирование социально-экономического развития городов отрицалось, как излишняя мера;

во-вторых, аппарат управления на местах не был достаточно подготовлен к переходу на решение задач, связанных со стратегическим планированием процессов социально-экономического развития городов;

в-третьих, анализ научной литературы показывает, что методологические, теоретические и методические вопросы в этой сфере требуют тщательной проработки. Среди них на центральном месте находится «проблема создания научных основ стратегического планирования социально-экономического развития городов» [Меньшикова, 2017; Пространственное развитие..., 2020; Стратегическое планирование..., 2021; Чичерина, 2017].

Практический опыт выявил «ахиллесову пятую» концепций комплексного городского развития. Это касается разработки разделов, раскрывающих создание благоприятной среды для проживания населения города или, говоря современным термином, комфортной городской среды. Идея создания комфортной городской среды стала активно продвигаться в практику городского планирования несколько лет назад, и в настоящее время практически все города используют дан-

ный подход при разработке долгосрочных планов комплексного социально-экономического развития.

Мастер-план как элемент стратегического развития

Создание комфортной городской среды в градостроительной практике с 2022 г. получило удачное и запоминающееся название – «мастер-план» города, что нашло свое отражение в ряде вышедших публикаций на эту тему [Герцберг, 2023, 2024; Ильина, 2024; Мастер-планы_CMWP_2024; Пыхтина, 2025; Шапиро, 2022].

По сути, мастер-план – это применение методов проектного менеджмента в реализации Стратегического плана комплексного социально-экономического развития города. Мастер-план состоит из градостроительных проектов, созданных и разработанных с учетом мнения жителей города и направленных на качественные изменения городской среды.

К основным элементам мастер-плана относятся:

- зонирование территорий;
- ландшафтное и архитектурное проектирование;
- инфраструктура;
- экобалансированность.

Если существовавший до недавнего времени генеральный план города отвечал на вопрос «что и где будет построено», то мастер-план отвечает на вопросы «как?» и «зачем?» что-то будет построено с точки зрения решения назревших социально-экономических и пространственных градостроительных проблем.

Фактически мастер-план поднимает решение вопросов комплексного развития городской территории на новый уровень. С методологической точки зрения комплексность социально-

экономического развития города направлена на достижение определенного оптимального уровня развития отдельных сфер экономики города, связей и пропорций между ними, которые могли бы обеспечить баланс системы сфер жизнедеятельности людей с ориентацией на рост качества жизни населения. Комплексное развитие города обеспечивает отраслям специализации наиболее приемлемые условия для эффективного функционирования. Естественная логика обнаружения противоречий между комплексностью и специализацией предполагает поиск иной стратегии развития города, которая могла бы учесть оба встречных направления: во-первых, расширение границ комплексности развития города при имеющихся уровнях развития отраслей; во-вторых, углубление специализации экономики на основе существующего уровня комплексности городского развития.

В конце декабря 2023 г. Правительство Российской Федерации утвердило долгосрочные планы комплексного социально-экономического развития до 2030 года 16 дальневосточных городов¹. Данные планы подготовлены для Анадыря, Арсеньева, Биробиджана, Благовещенска, Белогорска, Большого Камня, Владивостока, Комсомольска-на-Амуре, Краснокаменска, Нерюнгри, Находки, Магадана, Уссурийска, Свободного, Хабаровска и Якутска. Выступая 15 августа 2025 г. в Магадане, Президент Российской Федерации В. В. Путин предложил рассмотреть процесс реализации мастер-планов всех дальневосточных городов на специальном совещании².

Мастер-план разрабатывается совместно и на основе Стратегического плана социально-экономического развития города (далее – Стратегия).

Стратегия долгосрочного развития – это особый документ, отличающийся от других подобных документов тем, что в нем всегда сформулирован ряд наи-

более амбициозных и значимых задач социально-экономического развития города. Определение таких целевых ориентиров на значительный период (10–15 лет) должно иметь обоснованные аргументы, т. е. сопровождаться серьезными обоснованиями возможностей достижения ключевых индикаторов. Чтобы отвечать этим целям, Стратегия должна иметь подкрепление в виде развернутой системы расчетов, которые доказывали бы как адекватность заявленных в ней целевых установок, так и объясняли бы выбор механизмов их достижения.

Планирование территориального (городского) развития начинается с разработки стратегической платформы. Стратегическая платформа содержит социально-экономический анализ и SWOT-анализ, определение и отбор конкурентных преимуществ, разработку концепции (видения) развития и стратегических целей (рис. 1).

Стратегическая платформа является документом долгосрочного характера, который направлен на то, чтобы способствовать развитию города в целом.

На основе сложившейся стратегической платформы базируется практическая реализация стратегических концепций, которые, в свою очередь, могут осуществляться через выполнение операционного плана стратегически ориентированными организационными структурами управления на местах, состоящего из компонентных планов и плана их реализации (с проектами и мероприятиями, через которые реализуется стратегия).

В утвержденной в конце 2024 г. «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года»³ говорится, что «реализация цели, задач Стратегии и достижение целевых показателей пространственного развития потребует синхронизации со Стратегией иных документов, направленных на социально-экономическое развитие страны». К

¹ Распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2023 г. № 4073-п. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202401090009>

² Поездка в Магадан. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/trips/77787>

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 года № 4146-п. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202501060001>

Рис. 1. Стратегическая платформа развития города

таким документам в Стратегии отнесена разработка «...долгосрочных планов социально-экономического развития *опорных населенных пунктов* (в том числе городских агломераций)». Далее в Стратегии подчеркивается, что «формирование единого перечня опорных населенных пунктов направлено на концентрацию инструментов и ресурсов в целях содействия достижению национальных целей, в том числе для снижения дифференциации в социально-экономическом развитии территорий страны».

Критерии отбора опорных населенных пунктов были закреплены в распоряжении Правительства РФ от 23 декабря 2022 г. №4132-р «Об утверждении методических рекомендаций по критериям определения опорных населенных пунктов и прилегающих территорий»⁴. По

информации на август 2025 г., в перечень опорных населенных пунктов России, утвержденный в марте этого года, вошли 720 разных по величине городов и населенных пунктов⁵. Также определены 10 пилотных регионов России для формирования и разработки целевой модели развития опорных населенных пунктов разных типов. Это Архангельская, Иркутская, Калининградская, Кемеровская, Смоленская, Челябинская области, Республика Башкортостан, Республика Крым, Ставропольский и Хабаровский края.

Подобная идея, только в виде Центров экономического роста, была закреплена и в ранее действовавшей «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года»⁶. Согласно Стратегии пространственного

⁴ Методические рекомендации по критериям определения опорных населенных пунктов и прилегающих территорий Распоряжение Правительства РФ от 23 декабря 2022 года № 4132-р. URL: <http://government.ru/docs/all/145166/>

⁵ Единый перечень опорных населенных пунктов Российской Федерации URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossii_do_2030_goda_c_prognozom_do_2036_goda/edinyy_perechen_opornyh_naselennykh_punktov_rf/

⁶ Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 года № 207-р. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201902150042>

развития РФ на период до 2025 г., выделялись текущие и перспективные Центры экономического роста.

Необходимо отметить, что и в том, и в другом случае в основе таких предложений лежит гипотеза о поляризованном экономическом развитии, опирающаяся на разработки французского экономиста Франсуа Перру [Perroux, 1970].

Особенности мастер-плана города Находка

Находкинский городской округ (далее – ГО), также вошедший в перечень опорных населенных пунктов, является третьим в Приморском крае по своим социально-экономическим показателям и, следовательно, обладает большим потенциалом для реализации своих стратегических направлений. В Находкинском ГО основной задачей социально-экономического развития является достижение достойного уровня и качества жизни граждан, преодоление отставания по этому показателю от среднего по Российской Федерации и Приморскому краю, создание необходимых условий для долгосрочного устойчивого развития.

Для конкретной реализации «Долгосрочного плана комплексного социально-экономического развития Находкинского городского округа», утвержденного в 2022 г.⁷, в течение 2022–2023 гг. был разработан мастер-план Находки до 2030 года, который был представлен на Восточном экономическом форуме в 2023 г. Общее руководство разработкой и осуществлением мастер-плана города осуществляет Агентство проектного управления Приморского края.

В дальнейшем в конце 2023 г., как уже отмечалось ранее, Правительство РФ утвердило «Долгосрочные планы комплексного социально-экономического развития 16 дальневосточных городов до 2030 года», в том числе Находкинского городского округа. В тексте данного документа понятие «мастер-план» впервые получило официальное признание.

Основная идея мастер-плана Находкинского ГО заключается в том, чтобы

расширить формулу Находки «город – порт» на новую – «город – порт – курорт»⁸.

Мастер-план Находки разделен на три равные части:

В части «Порт» представлены проекты, реализация которых нацелена на поддержку крупных инвестиционных проектов, привлечение федеральных средств и создание высокооплачиваемых рабочих мест.

В разделе «Город» собраны проекты по строительству новых объектов социальной инфраструктуры, жилья (в том числе арендного), по возведению инфраструктуры, в частности газификации города, развитию районных и общегородских центров, таких как Соленое озеро и озеро Рица.

Раздел «Курорт» посвящен проектам развития туризма и проектам, которые позволят повысить рентабельность локальной экономики.

Конкретное содержание мастер-плана Находки состоит в разработанных и предлагаемых к реализации основных ключевых проектах:

- Микрорайон «Парковый»;
- Жилой комплекс в районе военной части;
- Жилой комплекс в районе бывшей военной части 2020;
- Жилой комплекс по улице Кирова, 9;
- Школа-детский сад на ул. Красноармейской;
- Школа на ул. Дальней в городе Находке;
- Туристско-развлекательный комплекс в микрорайоне «Ливадия»;
- Место массового отдыха «Волна»;
- Водно-оздоровительный комплекс «Бани»;
- Спортивный комплекс в микрорайоне «Ливадия»;
- Многофункциональный спортивный комплекс;
- Бассейн в городе Находке;
- Объездная дорога до мыса Астафьева;
- Дорога от с. Новолитовск до мыса Астафьева;

⁷ Распоряжение Правительства РФ от 16 июня 2022 г. № 1580-р. <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202206210018>

⁸ Мастер-план Находки. URL: <https://xn----8sbap4aiigd3evf.xn--p1ai/about/>

Прилегающая территория реки Каменки;

Очистные сооружения в Южно-морском микрорайоне;

Прилегающая территория озера Лебяжьего.

На развитие Находкинского городского округа до 2030 г. будет направлено 35 млрд рублей. До 2030 г. в Находке планируют отремонтировать, построить и модернизировать почти 180 объектов, касающихся развития городского округа. Один из главных итогов реализации мастер-плана к 2030 г. – рост численности постоянного населения Находки со 138,8 тыс. чел. до 146,2 тыс. чел., увеличение средней номинальной на-

численной зарплаты с 76,4 тыс. руб. до 127,3 тыс. руб., прирост валового городского продукта на 145% по сравнению с 2021 г., рост индекса качества городской среды со 181 до 255 баллов.

Целевые ориентиры стратегии социально-экономического развития Находкинского городского округа и их мониторинг

Для Находкинского городского округа целесообразно, на наш взгляд, выделить трех целевых стратегических ориентиров, которые могут быть положены в основу стратегии социально-экономического развития (рис. 2).

Реализация стратегии социально-экономического развития связана также

Рис. 2. Целевые ориентиры стратегии социально-экономического развития Находкинского городского округа

с ее постоянным мониторингом. Необходимо отметить, что понятие «мониторинг» шире понятия «оценка». Мониторинг представляет собой непрерывное отслеживание процесса, в то время как оценка проводится в определенные моменты времени, то есть носит дискретный характер. Объектами мониторинга могут являться ежедневная деятельность, индикаторы результатов, ход выполнения работ и изменений; объектом оценки, как правило, выступают результаты реализованных программ и мероприятий, степень достижения поставленных целей и задач, диагностика устойчивости развития и т. д.

Исходя из вышесказанного, под мониторингом реализации стратегии социально-экономического развития города следует понимать процесс систематического отслеживания динамики показателей городского развития для оперативного наблюдения и контроля хода достижения поставленных целей, а также соответствия фактических значений параметров плановым индикаторам. В основу системы мониторинга реализации стратегии социально-экономического развития города целесообразно положить систему показателей, которые могут быть как количественными, так и содержать качественные характеристики городского развития.

Для осуществления мониторинга реализации стратегии социально-экономического развития Находкинского ГО предлагается выделить следующие показатели.

Для мониторинга достижения цели «Развитие благоприятного хозяйственного климата» предлагается использовать следующие показатели:

- объем привлеченных инвестиций;
- уровень занятости;
- количество субъектов малого предпри-

нимательства;

индекс производительности труда.

Для мониторинга достижения цели «Обеспечение формирования благоприятного социального климата на основе развития систем здравоохранения, образования, культуры, спорта и молодежной политики» предлагается использовать следующие показатели:

- продолжительность жизни;
- количество образовательных учреждений;
- количество культурных учреждений;
- количество спортивных учреждений.

Для мониторинга достижения цели «Создание благоприятной среды для проживания, обеспечение жителей города качественными услугами в жилищно-коммунальном хозяйстве, улучшение состояния окружающей среды» предлагается использовать следующие показатели:

- число жилых домов, оснащенных водопроводом;
- число жилых домов, оснащенных канализацией;
- число жилых домов, подключенных к городской сети электроэнергетики;
- количество зеленых насаждений.

Заключение

Осуществление любого градостроительного плана, в том числе мастер-плана Находкинского городского округа, связано со значительными инвестициями, так как любой подобный проект развития территории отличается высокой капиталоемкостью. В ближайшие три года для быстрого старта утвержденные мастер-планы дальневосточных городов будут финансироваться за счет концентрации ресурсов госпрограммы Дальнего Востока. Кроме того, будут задействованы собственные инвестиции концессионеров, уже заложенные средства федерального бюджета и специальные казначейские кредиты.

Список источников:

1. Герцберг, Л. Я. Интеграция мастер-планов в Российское законодательство // Academia. Архитектура и строительство. 2024. № 3. С. 88-95. DOI: 10.22337/2077-9038-2024-3-88-95 EDN: EIYLHA
2. Герцберг, Л. Я. Является ли мастер-план эффективным инструментом развития территорий в России // Academia. Архитектура и строительство. 2023. № 2. С. 5-14

DOI: 10.22337/2077-9038-2023-2-5-14 EDN: OKTUOE

3. Жихаревич, Б. С., Прибышин, Т. К. Стратегии развития городов: российская практика 2014-2019 гг. // *Пространственная экономика*. 2019. № 4. С. 184-204. DOI: 10.14530/se.2019.4.184-204 EDN: PCNRDR

4. Ильина, И. Н. Изменение подходов к процессу генерального планирования городов: трансформация смысла или смена названия // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2024. № 1. С. 84-109 10.17323/1999-5431-2024-0-1-84-109. DOI: 10.17323/1999-5431-2024-0-1-84-109 EDN: AVYUHQ

5. Кафидов, В. В. Современные методологические подходы к стратегическому управлению и развитию городов различных типов. – М.: РАНХиГС, 2015. 146 с.

6. Мастерпланы_CMWP_2024. URL: https://rgud.ru/documents/%D0%9C%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B5%D1%80%20%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D1%8B_CMWP_2024.pdf.

7. Меньшикова, Е. А. Стратегическое управление и анализ социально-экономического развития муниципального образования. – Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2017. 181 с. EDN: NCOSKY

8. Мяснянкина, О. В., Пискарев, Р. В., Преображенский, Б. Г. Механизм реализации стратегии развития городского округа // *Регион: системы, экономика, управление*. 2018. № 4(43). С. 72-77.

9. Пространственное развитие малых городов: социальные стратегии и практики. – М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 523 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-335-5.2020 ISBN: 978-5-89697-335-5 EDN: UOQHGD

10. Пыхтина, И. В. Как мастер-планы меняют будущее российских городов. URL: <https://www.banki.ru/dialog/articles/30219>.

11. Стратегическое планирование и градорегулирование на муниципальном уровне. – М.: Издательский дом Дело, 2021. 354 с. ISBN: 978-5-7749-1229-2 EDN: XGNZFR

12. Управление крупнейшими городами: учебник и практикум для вузов / под редакцией С. Е. Прокофьева, И. А. Рождественской, Н. Н. Мусиновой. – М.: Юрайт, 2023. – 322 с.

13. Чичерина, А. С. Особенности стратегического планирования социально-экономического развития городского округа // *ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия*. 2017. № 5. С. 45-50.

14. Шапиро, О. А. Город как живой организм: что такое мастер-планы и для чего они нужны. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/477359-gorod-kak-zivoj-organizmcto-takoe-master-plan-i-dla-cego-oni-nuzny?abRecommendationArticles=dsrkcbcntv>.

References:

1. Gertsberg, L. Ya. (2024) Integration of Master Plans into Russian Legislation. *Academia. Architecture and Construction*, no. 3, pp. 88–95. DOI: 10.22337/2077-9038-2024-3-88-95 EDN: EIYLHA (in Russ.).

2. Gertsberg, L. Ya. (2023) Is a Master Plan an Effective Tool for Territorial Development in Russia. *Academia. Architecture and Construction*, no. 2, pp. 5–14 DOI: 10.22337/2077-9038-2023-2-5-14 EDN: OKTUOE (in Russ.).

3. Zhikharevich, B. S., Pribyshin, T. K. (2019) Urban Development Strategies: Russian Practice 2014–2019. *Spatial Economy*, no. 4, pp. 184–204. DOI: 10.14530/se.2019.4.184-204 EDN: PCNRDR (in Russ.).

4. Ilyina, I. N. (2024) Changing approaches to the process of general urban planning: transformation of meaning or change of name. *Issues of public and municipal administration*, no. 1, pp. 84–109 10.17323/1999-5431-2024-0-1-84-109. DOI: 10.17323/1999-5431-2024-0-1-84-109 EDN: AVYUHQ (in Russ.).

5. Kafidov, V. V. (2015) Modern methodological approaches to strategic management and development of cities of various types. – М.: RANEPА. 146 p. (in Russ.).

6. Master plans_CMWP_2024. URL: https://rgud.ru/documents/%D0%9C%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B5%D1%80%20%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D1%8B_CMWP_2024.pdf. (in Russ.).
7. Menshikova, E. A. (2017) Strategic management and analysis of the socio-economic development of the municipality. – Khabarovsk: Publishing house of TSU. 181 p. EDN: NCOSKY (in Russ.).
8. Myasnyankina, O. V., Piskarev, R. V., Preobrazhensky, B. G. (2018) Mechanism for implementing the development strategy of the urban district. *Region: systems, economy, management*, no. 4(43), pp. 72–77. (in Russ.).
9. Spatial development of small towns: social strategies and practices. – M.: FNIS RAS, 2020. 523 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-335-5.2020 ISBN: 978-5-89697-335-5 EDN: UOQHGD (in Russ.).
10. Pykhtina, I. V. How master plans are changing the future of Russian cities. URL: <https://www.banki.ru/dialog/articles/30219> (in Russ.).
11. Strategic planning and urban regulation at the municipal level. – M.: Publishing house Delo, 2021. 354 p. ISBN: 978-5-7749-1229-2 EDN: XGNZFR (in Russ.).
12. Management of the largest cities: a textbook and practical training for universities / edited by S. E. Prokofiev, I. A. Rozhdestvenskaya, N. N. Musinova. – M.: Yurait, 2023. – 322 p. (in Russ.).
13. Chicherina, A. S. (2017) Features of strategic planning of the socio-economic development of the urban district. *FES: Finance. Economy. Strategy*, no. 5, pp. 45–50 (in Russ.).
14. Shapiro, O. A. The city as a living organism: what are master plans and why are they needed. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/477359-gorod-kak-zivoj-organizm-cto-takoe-master-plan-i-dla-cego-oni-nuzny?abRecommendationArticles=dsrkcbcntv> (in Russ.).
15. Perroux, F. (1970) Note on Concept of «Growth Poles». In: *Regional Economics: Theory and Practice*. New-York – London, pp. 93–103 (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 08.08.2025; одобрена после рецензирования 16.09.2025; принята к публикации 18.09.2025.

The article was submitted 08.08.2025; approved after reviewing 16.09.2025; accepted for publication 18.09.2025.

Информация об авторе

С. В. Раевский – доктор экономических наук, профессор, Институт бизнеса и делового администрирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Information about the author

S. V. Raevskiy – Doctor of Economic Sciences, Professor, Institute of Business and Business Administration, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Научная статья

УДК 004.8:379.85(571.62)

<https://elibrary.ru/UBOOCJ>

К оценке возможности применения искусственного интеллекта для развития туризма в Хабаровском крае

Алексей Викторович Алешков¹, Василий Алексеевич Синюков², Михаил Вячеславович Ивашкин³, Влад Нураддинович Мирзоев⁴

^{1,2,3,4} Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

¹ aleshkovalexey@gmail.com

² v.sinukov@yandex.ru

³ Ivashkin62@mail.ru

⁴ mirzoev386@gmail.com

Аннотация. Вниманию читателей предложены результаты авторского исследования, посвященного оценке возможности применения искусственного интеллекта (ИИ) для развития туризма в Хабаровском крае. Методологически статья включает обзор литературы и анализ результатов социологического исследования в форме анкетирования, проведенного для оценки потенциала внедрения технологий искусственного интеллекта, идентификации и структурирования основных направлений совершенствования туристической деятельности в Хабаровском крае. Анкетирование показало готовность туристов использовать технологии искусственного интеллекта в путешествиях по Хабаровскому краю, а корреляционный анализ тесноты связи между ответами респондентов на отдельные вопросы анкеты установил, что лица, рассматривающие Хабаровский край в качестве территории внутреннего туризма, проявляют интерес к использованию как функций искусственного интеллекта, так и цифровых решений при путешествиях. Исследование позволило выделить проблемы туристической сферы Хабаровского края, решение которых возможно с помощью технологий искусственного интеллекта. Произведён расчет экономической эффективности на примере туристской дестинации «Петроглифы Сикачи-Аляна»; показано, что разработка и поддержание приложения с функциями ИИ оправдано и имеет срок окупаемости 3–5 лет. Выделены приоритетные векторы применения искусственного интеллекта для развития туристического бренда Хабаровского края, первый из которых будет включать в себя создание видеороликов о природе и культуре региона. Показано, что использование искусственного интеллекта для создания и подбора привлекательного для целевого потребителя визуального и аудио-контента для продвижения туристического бренда края в социальных сетях и других каналах продвижения позволит повысить узнаваемость региона, привлечь новых туристов. Внедрение чат-ботов и аудиогидов позволит серьезно упростить построение туристических маршрутов, а также накопить опыт благодаря наличию систематизированного массива информации о регионе с быстрым доступом.

Ключевые слова: искусственный интеллект, туризм, Хабаровский край

Для цитирования: Алешков, А. В., Синюков В. А., Ивашкин, М. В., Мирзоев, В. Н. К оценке возможности применения искусственного интеллекта для развития туризма в Хабаровском крае // Власть и управление на Востоке России. 2025 № 3 (112). С. 96–106. EDN: UBOOCJ

Assessment of the Possibility of Using Artificial Intelligence for Tourism Development in Khabarovsk Territory

Alexey V. Aleshkov¹, Vasily A. Sinyukov², Mikhail V. Ivashkin³, Vlad N. Mirzoev⁴

^{1,2,3,4} The Pacific State University, Khabarovsk, Russia

¹ aleshkovalexey@gmail.com

² v.sinukov@yandex.ru

³ Ivashkin62@mail.ru

⁴ mirzoev386@gmail.com

Abstract. Readers were presented with the results of an author's study on assessing the possibility of using artificial intelligence for the development of tourism in the Khabarovsk Territory. Methodologically, the article includes a review of the literature and an analysis of the results of a sociological study in the form of a questionnaire conducted to assess the potential for introducing artificial intelligence technologies, identify and structure the main areas for improving tourism activities in the Khabarovsk Territory. The survey showed the willingness of tourists to use artificial intelligence technologies when traveling in the Khabarovsk Territory, and a correlation analysis of the close relationship between respondents' answers to individual questionnaire questions found that people who consider the Khabarovsk Territory as a territory of domestic tourism are interested in both the use of artificial intelligence functions and digital solutions when traveling. The study made it possible to identify problem areas in the tourism sector of the Khabarovsk Territory, the solution of which is possible using artificial intelligence technologies. The economic efficiency was calculated using the example of the tourist destination «Sikachi-Alyan Petroglyphs,» it was shown that the development and maintenance of an application with AI functions is justified and has a payback period of 3-5 years. Highlight the priority vectors of the use of artificial intelligence for the development of the tourist brand of the Khabarovsk Territory, the first of which will include the creation of videos about the nature and culture of the region. It is shown that the use of artificial intelligence to create and select visual and audio content attractive to the target consumer to promote the tourist brand of the region in social networks and other promotion channels will increase the recognition of the region and attract new tourists. The introduction of chatbots and audio guides will seriously simplify the construction of tourist routes, as well as gain experience due to the presence of a systematic array of information about the region with quick access.

Keywords: artificialintelligence, tourism, Khabarovsk territory

For citation: Aleshkov, A. V., Sinyukov, V. A., Ivashkin, M. V., Mirzoev, V. N. (2025) Assessment of the Possibility of Using Artificial Intelligence for Tourism Development in Khabarovsk Territory. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 3 (112), pp. 96–106. EDN: UBOOCJ

Введение

Сфера туризма играет значимую роль в социально-экономическом развитии региона, способствуя созданию рабочих мест, привлечению инвестиций и укреплению культурных связей как с другими регионами, так и с зарубежными странами. Вместе с тем в последние годы в

России наблюдается тенденция к ускоренному развитию внутреннего туризма, обусловленная как государственной поддержкой, так и ростом интереса населения к отечественным туристическим направлениям [Ибяттов, 2024]. С одной стороны, это вызвано потерей некогда ставших традиционными рынков туристиче-

ских услуг ближнего и дальнего зарубежья вследствие пандемии COVID-19, а затем санкционного давления со стороны стран Западной Европы и США. С другой стороны, появилось стратегическое понимание важности развития туризма в регионах России, каждый из которых имеет свои культурные, рекреационные и экологические точки притяжения. В свою очередь, это привело к формированию Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года¹.

Более 11% территории Хабаровского края занимают особо охраняемые природные территории (далее – ООПТ), включающие 6 заповедников, 2 национальных парка, 32 заказника, более 100 памятников природы краевого и местного значения. «Семь чудес Хабаровского края», по итогам голосования жителей, включают амурского тигра, Шантарские острова, лотосовые озера, озеро Амур, мост через реку Амур, петроглифы Сикачи-Алян, хребет Дуссэ-Алинь с озером Медвежьем. В то же время большинство точек притяжения находится в относительно труднодоступных местах, при отсутствии не только комфорта, но и какой-либо инфраструктуры. Местный бизнес слабо ориентирован на них, и ряд туристических маршрутов в крае практически невозможно заказать. Но богатый природный и культурно-исторический потенциал Хабаровского края позволяет развивать различные виды туризма, включая экологический, этнографический, событийный и др.

Согласно данным на 1 января 2024 г., в крае действует 228 туристических компаний и 231 коллективное средство размещения с общим номерным фондом около 7,4 тыс. номеров (16,75 тыс. койкомест). В рамках реализации государственной программы Хабаровского края «Развитие внутреннего и въездного туризма в Хабаровском крае»² число российских граждан, воспользовавшихся коллектив-

ными средствами размещения, к концу 2023 г. увеличилось на 40 % по сравнению с 2022 г. Число иностранных туристов за тот же период увеличилось на 14 %.

Такой рост обусловлен не только постепенным восстановлением спроса после пандемии COVID-19, но и проведением в крае масштабных событийных мероприятий, таких как краевой фестиваль-ярмарка «АмурФест. Весна. Лето. Осень. Зима», фестиваль «Хабаровский край – окно в мир Дальнего Востока» и пр.³ Вместе с тем не стоит забывать, что любой рост неизбежно приводит к постепенному насыщению рынка, а следовательно – к обострению конкурентной борьбы, что побуждает субъекты бизнеса в сфере туризма активнее использовать новейшие методы привлечения клиентов.

Одним из таких методов является широкое использование искусственного интеллекта, который эффективно может применяться для увеличения туристического потока, расширения географии посещений и, как следствие, роста доходов [Baxevanis, 2024, Efimova, 2024].

В последние годы искусственный интеллект становится неотъемлемой частью стратегии развития туризма, по сведениям А. Сиддика, существенно повышающей эффективность и устойчивость туризма в ведущих мировых туристических направлениях [Abu Bakkar Siddik et al, 2025]. Согласно последним исследованиям компании «Gartner», специализирующейся на рынках информационных технологий, генеративный искусственный интеллект, позволяющий формировать текстовый, визуальный и аудиоконтент по запросу, входит в число технологий, быстро набирающих популярность [Шукуров, 2023].

Использование инструментов искусственного интеллекта для развития туризма позволяет компаниям и регионам более эффективно взаимодействовать с туристами, получать от них обратную связь, анализировать их потребности и повы-

¹ Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2019 г. № 2129-р

² О государственной программе Хабаровского края «Развитие внутреннего и въездного туризма в хабаровском крае» // Постановление Правительства Хабаровского края от 26 июня 2012 г. № 211-пр.

³ Министерство туризма Хабаровского края. Информация о результатах деятельности в сфере туризма. URL: <https://mintour.khabkrai.ru/Deyatelnost/Informaciya-o-rezultatah-deyatelnosti/572>

шать конкурентоспособность дестинаций. Диалектически это помогает достигать ключевые цели: продвигать региональный бренд, повышать доходы от туризма, улучшать качество туристических услуг [Serhat Bingöl, Yang Yang, 2025].

Анализ литературы позволил выделить следующие основные формы применения искусственного интеллекта в сфере туризма и смежной индустрии гостеприимства: персонализация предложений и рекомендаций, бронирование и продажа туров, анализ данных и прогнозирование, виртуальные туры (VR) и дополненная реальность (AR), маркетинг и реклама в социальных сетях, гостиничная инфраструктура, общественное питание (табл. 1).

Становится очевидным, что технологии искусственного интеллекта все глубже проникают в туристическую отрасль. В то же время проведенный сравнительный анализ показал, что даже в наиболее продвинутых в цифровом отношении туристских дестинациях России, таких как

Карелия, Байкал, внедрение технологий искусственного интеллекта носит фрагментарный и экспериментальный характер. Реализуемые проекты, как правило, ограничиваются созданием статичных виртуальных туров, простыми чат-ботами на основе правил и системами анализа больших данных без глубокого прогнозного моделирования. В нашем регионе они не распространены до сих пор.

Материал и методы

Для идентификации и структурирования основных направлений совершенствования туристической деятельности в Хабаровском крае, а также оценки потенциала внедрения технологий искусственного интеллекта методом анкетирования опрошено 624 респондента различного пола, возраста, образования и уровня дохода. Статистические расчеты проводились с использованием количественных методов парной ранговой корреляции Пирсона в программе MSExcel и интерпретацией качественного статистическо-

Таблица 1

Применение искусственного интеллекта в туристической деятельности

Сфера применения искусственного интеллекта	Примеры
Персонализация предложений и рекомендаций	Чат-боты и виртуальные помощники, персонализированные маршруты на основе истории поисков или бронирований туриста [Lidija Lalicic et al., 2021]
Бронирование и продажа туров	Динамическое ценообразование посредством анализа данных о спросе, сезоне и поведении пользователей [Edward Ku et al., 2024]
Анализ данных и прогнозирование	Прогнозирование туристических потоков, анализ отзывов, работа, анализ и структурирование больших массивов информации [Miguel Camacho-Ruiz et al, 2023]. В исследовании HongYu разработан искусственный интеллект для распознавания и извлечения особенностей декоративных узоров при этническом туризме, что дает новые идеи при туризме объектов культурного наследия и их визуального дизайна [HongYu, 2024].
Виртуальные туры (VR) и дополненная реальность (AR)	Позволяет туристам изучать достопримечательности перед поездкой с помощью VR- или AR-технологий [Hengyun Li et al., 2025]
Маркетинг и реклама в социальных сетях	Создание контента, текста, изображения или видео для продвижения туристических услуг; таргетированная реклама на основе предпочтений пользователей [Bing Wang, 2025]
Гостиничная инфраструктура	Биометрические сервисы регистрации в отелях; приложение-ключ для номера [Fatemeh Binesh et al., 2023]
Общественное питание	Доставка еды; автоматизация заказов [А.В. Алешков и др., 2024, Serhat Bingöl et al., 2025, Hafiz Rasheed et al., 2023]

Источник: составлено авторами.

го анализа с применением шкалы Чеддока, где значение 0 показывало отсутствие корреляции, значение 1 – максимальную прямую корреляцию, значение минус 1 – максимальную обратную корреляцию. Целевой аудиторией анкетирования стали граждане РФ, преимущественно возраста 18–29 лет (56,3%), возрастной диапазон в 30–45 лет составил 20,2% от общего числа опрошенных, 45–59 лет, а также 60 лет и старше (14,4% и 6,7% соответственно). Анкета состояла из 33 закрытых вопросов, логически разделенных на 3 крупных блока:

общая информация о респондентах;

отношение респондентов к туристическому бренду и уровень удовлетворенности туристической инфраструктурой края;

готовность использовать технологии искусственного интеллекта при планировании путешествий по региону.

Результаты исследования и их об- суждение

45,7% опрошенных заявили, что путешествуют по России 1–2 раза в год, 41,3% – реже одного раза в год, 7,2% опрошенных путешествуют 3–4 раза в год, что позволяет говорить о достаточно высокой туристической активности населения. Половина опрошенных отдала предпочтение внутреннему туризму (47,6%), выбор же остальных остановился на зарубежных

странах, однако при этом почти 2/3 респондентов готовы рассматривать в качестве субъекта внутреннего туризма Хабаровский край. Большинство респондентов (77,4%) выбирают места для отдыха с помощью самостоятельного поиска в Интернете, 67,3% опрошенных опираются на рекомендации знакомых, 46,6% респондентов используют для этого социальные сети. Именно последняя группа является приоритетной целевой аудиторией для использования технологий искусственного интеллекта.

Наиболее интересными видами туризма в регионе респонденты считают пляжный отдых (61,5%) и историко-культурный туризм (58,7%), в меньшей степени – событийный, гастрономический и рекреационный (рис. 1).

В следующем вопросе респондентам было предложено выделить ключевые аспекты туристической инфраструктуры Хабаровского края, которые требуют улучшения (рис. 2).

Дороги (71,2%) и общественный транспорт (57,2%) были выделены как приоритетные направления для развития туристической инфраструктуры. Также респонденты обратили внимание на необходимость повышения качества услуг по заселению (47,1%), разработки программ экскурсий (39,4%) и санитарных условий

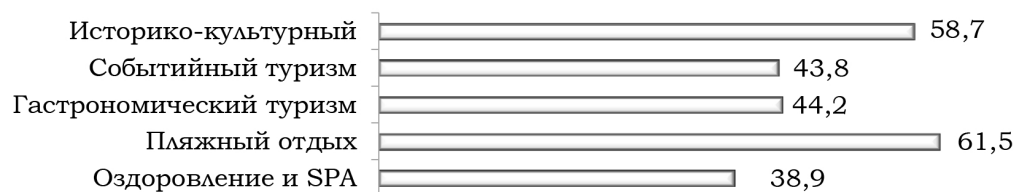

Рис. 1 Предпочтительные виды туризма, %

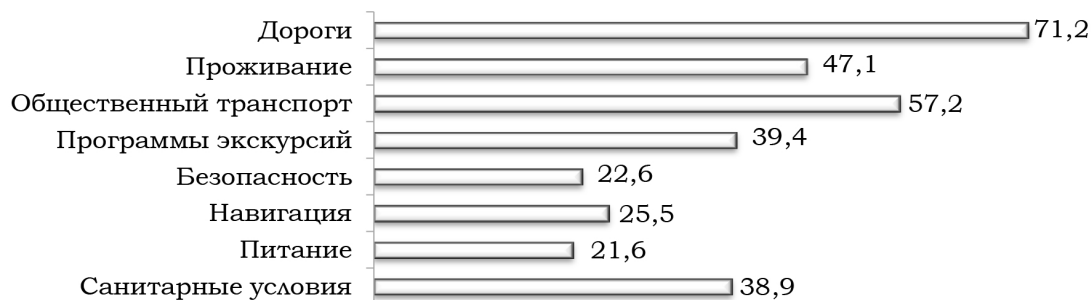

Рис. 2 Аспекты туристической инфраструктуры Хабаровского края, требующие улучшения, %

(38,9%). Достаточно важными оказались и вопросы безопасности (22,6%), навигации (25,5%), питания (21,6%). В совокупности это подтверждает тезис о недостаточно развитой туристической инфраструктуре региона.

Приоритетами при выборе тура респонденты достаточно предсказуемо назвали комфорт (31,3%), цену (28,8%) и качество услуг (23,1%).

Среди наиболее популярных символов Хабаровского края, отражающих его природные и культурные особенности, респондентами были отмечены:

1. Амурский тигр (63,9%) – этот хищник давно и прочно ассоциируется с регионом и используется в символике края. Например, образ тигра применялся в логотипах дальневосточного гектара и спортивных команд Хабаровского края;

2. Река Амур (61,1%) – ключевая природная артерия края, вокруг которой исторически формировались населённые пункты, культура и экономика региона. Имеет множество мест для пляжного отдыха. Образ реки Амур успешно используется в большинстве туристических материалов;

3. Амурский мост (41,3%) – знаковый исторический инженерный объект, важный для транспортной инфраструктуры, но, по мнению респондентов, как туристический бренд менее привлекателен. Вероятно, роль в этом сыграло изменение дизайна банкноты в 5 тысяч рублей, на которой ранее был изображен амурский мост, и закрытие для широкого посещения площадки («башни Инфиделя»), с ракурса которой можно получить ставшее известным во всей России его фото;

4. Шантарские острова (39,4%) – одно из уникальных мест не только края, но и всей России, широко известное любителям экотуризма, но недостаточно популярное среди обычных туристов по причине труднодоступности. Шквальный ветер и высокие волны более 10 месяцев в году делают эту территорию рискованной для посещения как на морском, так на авиационном транспорте, а стоимость путевки для многих туристов делает Шантары недостижимыми, поэтому данная туристическая ниша сегодня измеряется единичны-

ми экскурсиями в год;

5. Петроглифы Сикачи-Аляна (36,5%) – историко-культурный объект мирового значения, связанный с древними народами региона, сегодня активно продвигается, но пока еще недостаточно известен широкому кругу туристов за пределами региона.

Выбранные символы в целом соответствуют имеющемуся бренду, но обладают разной степенью узнаваемости и эмоционального восприятия туристами. Амурский тигр и река Амур полностью вписываются в имидж региона, а Шантарские острова и петроглифы требуют дополнительного продвижения.

Респонденты предпочитают следующие форматы продвижения туристического бренда региона: красочные видео о природе и культуре региона (69,7%), событийная реклама (46,6%) и информативные подкасты об истории и культуре региона (38,0%).

В ходе опроса респонденты выразили заинтересованность в использовании инструментов искусственного интеллекта для путешествий. Такие его возможности, как создание персональных маршрутов, рекомендации по посещению интересных мест, исторические и культурные справки по достопримечательностям, а также советы по местной кухне являются весьма привлекательными для большинства участников опроса. Приоритет в использовании инструментов искусственного интеллекта отдавался простоте использования (58,2%), качеству рекомендаций (24,0%) и уникальным функциям (14,9%).

Согласно мнению участников опроса, наиболее полезными функциями искусственного интеллекта для повышения привлекательности интерактивного туризма в Хабаровском крае являются: умные аудиогиды (46,2%), персональные рекомендации (44,7%), виртуальные туры (41,8%), дополненная реальность (26,0%) (рис. 3).

Проведенное исследование позволяет предположить, что использование искусственного интеллекта для развития туристического бренда Хабаровского края может включать в себя создание автоматизированных видеороликов о природе и культуре региона, где инструменты ис-

кусственного интеллекта будут помогать с выбором наиболее привлекательных моментов для пользователей, а также создадут персонализированные видеоэкскурсии на основе предпочтений аудитории. Виртуальная и дополненная реальность с использованием искусственного интеллекта позволят пользователям «посетить» природные и культурные места Хабаровского края, создадут уникальные, иммерсивные переживания. Для событийной рекламы искусственный интеллект способен анализировать интересы и поведение пользователей, создавать целенаправленные рекламные кампании, резко увеличивая их эффективность.

Проведенный на следующем этапе исследования анализ корреляции между ответами показал слабую связь возраста респондентов и их желания использовать инструменты искусственного интеллекта для путешествий ($r = 0,14$). Установлено, что желание делиться впечатлениями от путешествия в социальных сетях никак не связано с бюджетом путешествия ($r = 0,00$), и это открывает дополнительные возможности для интеграции технологий искусственного интеллекта в социальные сети. Лица, рассматривающие Хабаровский край в качестве объекта внутреннего туризма, также проявляют интерес к использованию функций искусственного интеллекта при путешествиях. Не отмечена также взаимосвязь суммы денежных средств, которые респонденты готовы потратить на путешествия, и удовлетворенности уровнем сервиса и состоянием дорожно-транспортной инфраструктуры Хабаровского края.

Умеренная связь между оценкой инфраструктуры (дороги, отели, рестораны) и общим остаточным впечатлением ($r = 0,44$) о регионе подтверждает, что качество обслуживания напрямую влияет на восприятие туристического потенциа-

ла Хабаровского края. Умеренная связь между интересом к чат-ботам, голосовым помощникам и виртуальным экскурсиям ($r = 0,36...0,38$) свидетельствует о достаточно высокой потенциальной заинтересованности целевой аудитории в цифровых решениях для путешествий.

Практически отсутствует связь между частотой путешествий и осведомленностью о туристическом бренде Хабаровского края ($r = -0,05$), что говорит о недостаточной информированности о региональном бренде, даже часто путешествующих людей. Это указывает на плохую организацию маркетинговых коммуникаций с целевой аудиторией.

Таким образом, анализ данных, проведенный в рамках определения перспективных направлений совершенствования туристической деятельности в Хабаровском крае с использованием технологий искусственного интеллекта, показал наличие устойчивых закономерностей и отсутствие ожидаемых связей между рядом факторов.

Наблюдаемый сегодня быстрый рост числа прибывающих туристов свидетельствует о повышении привлекательности Хабаровского края как туристической дестинации. Однако, несмотря на положительную динамику, выявленные корреляции наглядно демонстрируют, что использование цифровых инструментов, включая искусственный интеллект, пока недостаточно инкорпорировано в туристический бизнес региона.

Идентифицируя через призму опроса сложности, стоящие перед туристской отраслью региона, выделим следующие проблемы туристической сферы Хабаровского края, решение которых возможно с помощью технологий искусственного интеллекта:

слабая осведомленность о туристическом потенциале края;

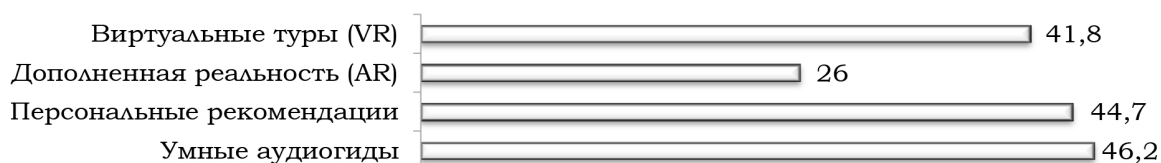

Рис. 3 Технологии искусственного интеллекта, способствующие повышению привлекательности туризма в Хабаровском крае, %

неразвитая туристическая инфраструктура;
 слабая персонализация туристских услуг;
 труднодоступность уникальных объектов;
 неэффективные маркетинговые коммуникации;
 низкое качество сервиса.

Возможные решения обозначенных проблем представлены в таблице 2.

Практическое применение технологий искусственного интеллекта для развития туризма в Хабаровском крае ставит во-

просы их экономической эффективности, которую можно оценить, сопоставив затраты с прибылью от ожидаемого туристического потока. В качестве примера данный показатель был рассчитан для дестинации «Петроглифы Сикачи-Аляна» – историко-культурного объекта мирового значения, однако, по данным опроса, недостаточно известного и сложного для самостоятельного посещения. В таблице 3 перечислены предлагаемые технологии искусственного интеллекта на дестинации «Петроглифы Сикачи-Алян».

В таблице 4 приведены примерные статьи затрат на разработку приложения

Таблица 2

Возможности использования искусственного интеллекта в решении туристских проблем Хабаровского края

Проблема	Метрики проблемы	Решение проблемы с помощью инструментов искусственного интеллекта
Слабая осведомленность о туристическом потенциале края	– 77,4% туристов самостоятельно ищут информацию в Интернете; – отсутствие корреляции между частотой путешествий и знанием о бренде Хабаровского края ($r = -0,05$)	– внедрение ассистентов и чат-ботов для автоматического информирования; – создание персонализированного контента (46,6% интересуются контентом в соцсетях); – разработка интеллектуальной системы рекомендаций на основе анализа предпочтений пользователей
Неразвитая туристическая инфраструктура	– дороги (71,2%) и транспорт (57,2%) – главные проблемы; – низкое качество услуг размещения (47,1%) и навигации (25,5%)	– оптимизация логистических маршрутов с учетом состояния дорог; – разработка умных систем навигации с дополненной реальностью; – внедрение интеллектуальных систем управления гостиничной инфраструктурой
Слабая персонализация туристских услуг	– 44,7% заинтересованы в персональных рекомендациях; – 46,2% хотели бы использовать умные аудиогиды	– создание платформы персонализированного туристического опыта; – разработка адаптивных аудиогидов с учетом интересов и поведения туриста; – внедрение систем динамического ценообразования и пакетирования услуг
Труднодоступность уникальных объектов	– наиболее привлекательные дестинации (Шантарские острова и петроглифы Сикачи-Алян) признаны труднодоступными	– создание иммерсивных VR-туров (41,8% интересуются виртуальными турами); – разработка систем планирования комплексных маршрутов; – использование дронов и компьютерного зрения для мониторинга и визуализации удаленных объектов
Неэффективные маркетинговые коммуникации	– 69,7% предпочитают видео-контент о природе и культуре; – отсутствие связи между бюджетом путешествия и готовностью делиться впечатлениями ($r = 0,00$)	– внедрение видеоконтента для продвижения в соцсетях; – использование предиктивной аналитики для целевого маркетинга; – разработка интеллектуальной системы управления репутацией региона
Низкое качество сервиса	– умеренная связь между инфраструктурой и общим впечатлением ($r = 0,44$)	– внедрение мониторинга качества услуг в реальном времени; – разработка интеллектуальных систем обратной связи и анализа отзывов; – создание прогнозных моделей для упреждающего улучшения сервиса

Источник: составлено авторами.

с функцией искусственного интеллекта для данной дестинации, итоговая сумма которых составляет 3–4,5 млн руб.

Далее была построена модель согласования работы приложения с туристическим потоком. Для этого принимали ожидаемое число туристов на уровне 20 тыс.

посещений объекта в год, стоимость платной подписки на приложение – 500 руб. в год, и полагали, что 10% туристов оформят платную подписку. Таким образом, капитализация приложения только по дестинации «Петроглифы Сикачи-Аляна» составит около 1 млн руб. в год, что позволя-

Таблица 3

**Практическое применение технологий искусственного интеллекта
на объекте «Петроглифы Сикачи-Аляна»**

Технология ИИ	Практическая реализация	Навык ИИ	Ожидаемый результат
Умный аудиогид	Мобильное приложение, которое по геолокации определяет, у какого петроглифа стоит турист	Компьютерное зрение для распознавания изображения петроглифа через камеру телефона	Автоматически запускается иммерсивный рассказ голосом, с фоновыми звуками, историй, легендами. Контент генерируется и адаптируется под язык и интересы туриста (кратко/подробно, для детей/взрослых)
Дополненная реальность	Наведение камеры телефона на поврежденный или стершийся петроглиф	Генеративные модели (типа Stable Diffusion) и AR	На экране поверх реального камня появляется реконструированное, «ожившее» изображение петроглифа в его первоначальном виде. Можно запустить анимацию сцены из жизни древних людей
Генеративный ИИ для контента	-	-	Для маркетинга: искусственный интеллект генерирует 10-15-секундные вертикальные видео-ролики для Reels/TikTok с «вау-эффектом» (ожившие петроглифы, парящий над ними амурский тигр) на основе банка фото/видео материалов. Для персонализации: после посещения турист в приложении может сгенерировать себе уникальный постер с понравившимся петроглифом в стиле, который он выберет
Чат-бот / Виртуальный помощник	Интеграция в приложение или Telegram-бот	NLP (обработка естественного языка)	Отвечает на примерные вопросы: «Как добраться из Хабаровска?», «Есть ли экскурсия завтра?», «Где рядом кафе?», «Что означает этот символ?». Бронирует трансфер и билеты

Источник: составлено авторами.

Таблица 4

Затраты на создание приложения с искусственным интеллектом

Статья затрат	Оrientировочная стоимость, тыс. руб.
Разработка мобильного приложения с базовым функционалом (аудиогид, простой чат-бот)	1500–2500
Доработка под сложные функции (распознавание изображений, AR)	500–1000
Годовое обслуживание, хостинг, API-ключи (например, для GPT-4o Vision, облачных GPU для рендеринга)	300–500
Контент (создание и озвучка текстов, 3D-модели для AR)	500–700
Итого	2800–4700

Источник: составлено авторами.

ет говорить о его окупаемости за 3–5 лет.

Помимо прямого экономического эффекта, отметим эффект косвенный, связанный с повышением привлекательности туристской дестинации, что приведет к росту потока туристов на 5–10%, с увеличением среднего чека экскурсии за счет более частых покупок сувениров и приемов пищи в местных кафе, со снижением нагрузки на гидов, что дает возможность принять больше туристических групп.

Заключение

Предлагаемый в исследовании комплексный подход к созданию интегрированной экосистемы искусственного интеллекта для Хабаровского края, включающей адаптивные аудиогиды с компьютерным зрением, генеративный контент для маркетинга и предиктив-

ные модели управления потоками, обладает значительным потенциалом. Исследование показало формирующийся потребительский спрос на цифровизацию туристического опыта в регионе. Внедрение искусственного интеллекта позволит компенсировать недостатки инфраструктуры за счет создания цифровых сервисов, повысить узнаваемость региона через персонализированный контент и значительно улучшить качество туристического обслуживания.

Таким образом, дальнейшее расширение номенклатуры форм и методов искусственного интеллекта, а также интенсификация их использования, станет, по нашему мнению, важным драйвером дальнейшей поддержки и развития туристической отрасли Хабаровского края.

Список источников/References:

1. Алешков, А. В., Синюков, В. А., Ивашкин, М. В. Искусственный интеллект в реальном секторе экономики (на примере пищевой индустрии) // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 2 (107). С. 51–63. DOI: 10.22394/1818-4049-2024-107-2-51-63 EDN: LVZVTN

Aleshkov, A. V., Sinyukov, V. A., Ivashkin, M. V. (2024) Artificial Intelligence in the Real Sector of the Economy (using the Food Industry as an Example). *Power and Administration in the East of Russia*, no. 2 (107), pp. 51–63. DOI: 10.22394/1818-4049-2024-107-2-51-63 EDN: LVZVTN (in Russ.).

2. Ибятков, М. И. Современные тенденции и пути развития внутреннего туризма России в условиях санкций // Общество: политика, экономика, право. 2024. № 2. С. 88–93. DOI: 10.24158/pep.2024.2.9 EDN: DSBGPO

Ibyatov, M. I. (2024) Current Trends and Development Paths for Domestic Tourism in Russia Under Sanctions. *Society: Politics, Economics, Law*, no. 2, pp. 88–93. DOI: 10.24158/pep.2024.2.9 EDN: DSBGPO (in Russ.).

3. Шукуров, Ф. Тренды искусственного интеллекта в маркетинге: Обзор инструментов AI для продвижения вашего проекта // VC.ru. 2023. URL: <https://vc.ru/u/2591202-farruh-shukurov/919897-trendy-iskusstvennogo-intellekta-v-marketinge-obzor-instrumentov-ai-dlya-prodvizheniya-vashego-proekta?ysclid=lskd1cn0pn424626376>.

Shukurov, F. (2023) Artificial Intelligence Trends in Marketing: A Review of AI Tools for Promoting Your Project. *VC.ru*. URL: <https://vc.ru/u/2591202-farruh-shukurov/919897-trendy-iskusstvennogo-intellekta-v-marketinge-obzor-instrumentov-ai-dlya-prodvizheniya-vashego-proekta?ysclid=lskd1cn0pn424626376>. (in Russ.).

4. Abu Bakkar Siddik, Shak Forid, Li Yong, Anna Min Du, John W. Goodell, (2025) Artificial intelligence as a catalyst for sustainable tourism growth and economic cycles. *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 210. DOI: 10.1016/j.techfore.2024.123875.

5. Baxevanis, A. (2024) Artificial Intelligence in Travel and Tourism: Enhancing the Customer Experience. *Inviqa Blog*. URL: <https://inviqa.com/blog/artificial-intelligence-travel-and-tourism>.

6. Bing Wang (2025) Application of Artificial Intelligence Large Models on Smart Culture and Tourism. *Procedia Computer Science*, vol. 261, pp 1238–1245. DOI: 10.1016/j.procs.2025.04.710.

7. Edward C. S. Ku, Chun-Der Chen (2024) Artificial intelligence innovation of tourism businesses: From satisfied tourists to continued service usage intention. *International*

Journal of Information Management, vol. 76. DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2024.102757.

8. Efimova, D. (2024) Artificial Intelligence in the Tourism and Travel Industry: Trends and Innovations. *EPAM Startups Blog*. URL: <https://startups.epam.com/blog/artificial-intelligence-in-tourism-and-travel-industry>

9. Fatemeh Binesh, Seyhmus Baloglu. (2023) Are we ready for hotel robots after the pandemic? A profile analysis, *Computers in Human Behavior*, vol. 147. DOI: 10.1016/j.chb.2023.107854.

10. Hafiz Muhammad Wasif Rasheed, Yuanqiong He, Hafiz Muhammad Usman Khizar, Hafiz Syed Mohsin Abbas. (2023) Exploring Consumer-Robot interaction in the hospitality sector: Unpacking the reasons for adoption (or resistance) to artificial intelligence. *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 192. DOI: 10.1016/j.techfore.2023.122555.

11. Hengyun Li, Jingbo Xi, Cathy H.C. Hsu, Bruce X.B. Yu, Xiang (Kevin) Zheng. (2025) Generative artificial intelligence in tourism management: An integrative review and roadmap for future research. *Tourism Management*, vol. 110. DOI: 10.1016/j.tourman.2025.105179.

12. Hong, Yu (2024) Application of the artificial intelligence system based on graphics and vision in ethnic tourism of subtropical grasslands. *Heliyon*, vol. 10, is. 11. DOI: 10.1016/j.heliyon.2024.e31442.

13. Lidija Lalicic, Christian Weismayer. (2021) Consumers' reasons and perceived value co-creation of using artificial intelligence-enabled travel service agents. *Journal of Business Research*, vol. 129, pp. 891–901. DOI: 10.1016/j.jbusres.2020.11.005.

14. Miguel Camacho-Ruiz, Ramón Alberto Carrasco, Gema Fernández-Avilés, Antonio LaTorre (2023) Tourism destination events classifier based on artificial intelligence techniques. *Applied Soft Computing*, vol. 148. DOI: 10.1016/j.asoc.2023.110914.

15. Serhat Bingöl, Yang Yang (2025) Integrating smart technologies and artificial intelligence to build smart tourism destination ecosystems: A model for smart destination management. *Tourism Management Perspectives*, vol. 58. DOI: 10.1016/j.tmp.2025.101380.

Статья поступила в редакцию 01.08.2025; одобрена после рецензирования 08.09.2025; принята к публикации 11.09.2025.

The article was submitted 01.08.2025; approved after reviewing 08.09.2025; accepted for publication 11.09.2025.

Информация об авторах

А. В. Алешков – доктор технических наук, доцент, профессор Высшей школы менеджмента, Тихоокеанский государственный университет;

В. А. Синюков – кандидат экономических наук, доцент, руководитель Высшей школы менеджмента, Тихоокеанский государственный университет;

М. В. Ивашкин – доктор экономических наук, профессор, профессор Высшей школы менеджмента, Тихоокеанский государственный университет;

В. Н. Мирзоев – аспирант Высшей школы менеджмента, Тихоокеанский государственный университет.

Information about the authors

A. V. Aleshkov – Doctor of Technical Sciences, Associate Professor, Professor of the Higher School of Management, Pacific National University;

V. A. Sinyukov – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Higher School of Management, Pacific National University;

M. V. Ivashkin – Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Higher School of Management, Pacific National University;

V. N. Mirzoev – graduate student of the Higher School of Management, Pacific National University.

Научная статья

УДК 004.8:338.24

<https://elibrary.ru/UQDHCR>

Интеграция искусственного интеллекта и нейронных сетей в системы управления малыми предприятиями Восточно-Сибирского региона: вызовы и перспективы

Туяна Александровна Баяскаланова¹, Николай Михайлович Мишин²^{1,2}Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия¹ tata.8080@mail.ru² nikolay.mishin@mail.ru

Аннотация. Применение нейросетевых технологий и искусственного интеллекта (ИИ) открывает новые горизонты для малого бизнеса. Создание благоприятной экосистемы для развития компаний, разработка инновационных бизнес-моделей и стимулирование предпринимательских инициатив становятся возможными благодаря внедрению ИИ. В статье представлено, как высокотехнологичные секторы экономики получают поддержку через интеграцию интеллектуальных систем в управленческие процессы. Повышение эффективности административных функций и оптимизация процесса принятия решений – ключевые преимущества, которые анализируются в контексте теоретических аспектов внедрения ИИ в управление малыми предприятиями. Внедрение ИИ сталкивается с множеством препятствий: от регуляторных барьеров и уязвимостей в цифровой безопасности до дефицита квалифицированных специалистов и моральных дилемм, связанных с автоматизацией решений и обработкой информации. Будущее малого бизнеса в контексте ИИ-технологий требует комплексного подхода. Для обеспечения стабильного экономического развития и эффективной поддержки инноваций критически важно сформировать законодательную основу, модернизировать технологическую инфраструктуру и инвестировать в развитие компетенций персонала.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейронные сети, малые предприятия, Восточно-Сибирский регион, вызовы; перспективы, управление, интеграция

Для цитирования: Баяскаланова, Т. А., Мишин, Н. М. Интеграция искусственного интеллекта и нейронных сетей в системы управления малыми предприятиями Восточно-Сибирского региона: вызовы и перспективы // Власть и управление на Востоке России. 2025 № 3 (112). С. 107–118. EDN: UQDHCR

Original article

Integration of Artificial Intelligence and Neural Networks Into the Management Systems of Small Enterprises in the East-Siberian Region: Challenges and Prospects

Tuyana A. Bayaskalanova¹, Nikolai M. Mishin²^{1,2} Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia¹ tata.8080@mail.ru² nikolay.mishin@mail.ru

Abstract. The use of neural network technologies and artificial intelligence opens up new horizons for small businesses. Creating a favorable ecosystem for the development

of companies, developing innovative business models and stimulating entrepreneurial initiatives is made possible by introduction of AI. The article presents how the high-tech sectors of economy receive support through the integration of intelligent systems into the management processes. Improving the efficiency of administrative functions and optimizing the decision-making process are the key benefits that are analyzed in the context of theoretical aspects of the introduction of artificial intelligence in the small enterprises management. Adoption of artificial intelligence faces many obstacles, from regulatory barriers and vulnerabilities in digital security to a deficiency of qualified professionals and moral dilemmas related to the decisions automation and information processing. The future of small business in the context of AI technology requires an integrated approach. To ensure stable economic development and effective support for innovation, it is critical to form a legislative framework, modernize technological infrastructure and invest in the development of personnel competencies.

Keywords: artificial intelligence, neural networks, small businesses, the East-Siberian region, calls; prospects; management, integration

For citation: Bayaskalanova, T. A., Mishin, N. M. (2025) Integration of Artificial Intelligence and Neural Networks Into the Management Systems of Small Enterprises in the East-Siberian Region: Challenges and Prospects. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 3 (112), pp. 107–118. EDN: UQDHCR

Введение

В эпоху цифровой трансформации экономики малый бизнес сталкивается с необходимостью внедрять передовые технологии. Богатый природными ресурсами и экономическими возможностями Восточно-Сибирский регион активно участвует в данном процессе. Повышение конкурентоспособности и результативности предприятий сегодня напрямую связано с применением нейронных сетей и искусственного интеллекта (далее – ИИ) в управленческих системах.

Стремительно развивающиеся ИИ-технологии делают данную тему особенно значимой, предоставляя бизнесу инновационные инструменты для совершенствования клиентского взаимодействия, рационализации рабочих процессов и принятия более обоснованных управленческих решений.

Актуальность данной темы заключается в том, что малый бизнес Восточной Сибири может эффективно внедрять нейросетевые технологии и искусственный интеллект в свои управленческие процессы. Статья рассматривает стратегические подходы к преодолению специфических трудностей адаптации данных инновационных решений. Среди ключевых направлений работы выделяется глубокий анализ

актуальных тенденций в сфере ИИ. Особое внимание уделяется разработке практических рекомендаций, учитывающих региональную специфику и потребности малых предприятий в условиях технологической трансформации.

Ключевые задачи для достижения поставленной цели включают:

- разработку стратегических предложений по эффективному встраиванию ИИ в управленческую структуру;

- идентификацию перспективных областей применения интеллектуальных технологий;

- выявление критических препятствий и потенциальных угроз при внедрении искусственного интеллекта;

- изучение особенностей функционирования региональных малых предприятий.

Исследование базируется на сопоставлении различных методов цифровой трансформации управления компаниями, изучении практического опыта внедрения искусственного интеллекта в рабочие процессы и обзоре научных публикаций.

Анализ тенденций изменения численности занятых и оборота малых предприятий Восточно-Сибирского региона

В экономике Восточно-Сибирского региона малый бизнес выполняет ключевые

вую функцию поддержания социально-экономического баланса. Инновационная гибкость представляет собой одно из главных преимуществ малых предприятий региона – они оперативно внедряют технологические новшества и осваивают перспективные рыночные ниши. Благодаря низким производственным и операционным затратам, малые предприятия существенно пополняют налоговую базу региона, обеспечивая стабильные поступления в бюджет [Шайтура, 2023].

Особенно значима роль малого бизнеса в решении проблемы трудоустройства – такие предприятия создают рабочие места с минимальными инвестициями, что эффективно снижает уровень безработицы и социальную напряжённость в Восточно-Сибирском регионе, способ-

ствуя устойчивому развитию местной экономики.

Динамические показатели занятости населения в секторе малого бизнеса, а также объёмы товарооборота по отраслевым направлениям на территории Восточной Сибири отражены в таблице 1.

Восточно-Сибирский регион демонстрирует следующую экономическую динамику: несмотря на уменьшение количества работников, оборот малых предприятий стабильно увеличивается. Данные изменения свидетельствуют о повышении продуктивности использования трудовых ресурсов. Автоматизированные системы в производственном секторе, логистике и сфере услуг успешно замещают человеческий труд, позволяя компаниям сохранять и даже наращивать объёмы ра-

Таблица 1

Динамика численности занятых в малых предприятиях и обороты предприятий различных отраслей в Восточно-Сибирском регионе за 2019–2024 гг.

Вид отрасли	Средняя численность работников, тыс. чел.					Оборот предприятий, млрд руб.				
	2019 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	13,7	12,5	14,2	11,4	10,9	43,6	63,1	62,5	49,9	56,1
Добыча полезных ископаемых	3,6	3,3	4,0	4,7	4,8	15,6	15,6	31,1	32,4	29,7
Обрабатывающие производства	43,2	39,1	37,6	39,7	41,3	145,4	153,3	186,1	212,2	265,9
Обеспечение электрической энергией...	9,0	6,3	7,6	6,1	6,5	14,0	16,1	17,5	18,6	22,5
Водоснабжение, водоотведение...	4,5	5,8	5,9	5,1	5,0	11,3	19,2	16,5	18,4	21,5
Строительство	49,3	48,9	50,3	49,5	47,0	175,0	198,2	236,3	286,4	286,6
Торговля розничная	97,2	103	94,3	88,0	83,4	823,9	846,4	858	904,6	939,4
Транспортировка и хранение	28,5	25,7	28,3	29,9	29,0	101,7	119,1	150,5	174,2	211,7
Деятельность гостиниц и общественное питание	13,0	13,0	12,8	12,4	13,1	26,5	27,3	35,9	40,0	45,7
Деятельность в области информации и связи	10	11,1	10,7	11,0	10,6	20,9	27,3	25,6	38,3	36,2
Остальные отрасли деятельности	101,7	96,1	91,6	93,1	92,3	180,7	200	217,8	253,8	275,2
Всего по отраслям	373,8	364,8	357,3	350,9	343,9	1558,6	1685,6	1837,8	2028,8	2190,5

Источник: составлено авторами по данным Управления Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва: URL:<https://24.rosstat.gov.ru/folder/186737>

бот при сокращении персонала. В стремлении к оптимизации процессов малый бизнес практикует перераспределение функциональных обязанностей, когда отдельные сотрудники принимают на себя задачи, ранее распределенные между несколькими работниками. Внедрение инновационных технологий становится ключевым фактором, обеспечивающим эффективность малых предприятий в современных экономических условиях региона [Журенков, Шаховалов, Вдовкина, Стерлягов, 2024].

В эпоху трансформации рынка компании всё чаще отдают предпочтение высококвалифицированным специалистам вместо обширного штата сотрудников. Изменение структуры продуктов и увеличение объёма заказов позволяют наращивать оборот без привлечения дополнительного персонала.

Современные бизнес-модели активно интегрируют фрилансеров и контрактников, снижая зависимость от постоянных работников и повышая способность быстро реагировать на изменения среды. Такой подход особенно ценен при волатильности рынка, когда оптимизация штата становится инструментом сохранения рентабельности и снижения издержек в периоды экономических колебаний или изменений потребительского спроса.

Необходимость интеграции искусственного интеллекта и нейронных сетей в системы управления малыми предприятиями Восточно-Сибирского округа

В Восточно-Сибирском регионе малый бизнес получает конкурентные преимущества благодаря внедрению нейросетевых технологий и ИИ. Повышение эффективности операций, сокращение затрат и оптимизация рабочих процессов становятся реальностью для предприятий региона. Потенциал масштабирования очевиден, поскольку разнообразные отрасли уже успешно применяют эти инновационные решения [Санарикова, Кожанметова, 2025].

Основные направления применения искусственного интеллекта и нейронных сетей в системе управления малыми

предприятиями Восточно-Сибирского региона представлены на рисунке 1.

Искусственный интеллект революционизирует производственную сферу. Автоматизация микроклимата с помощью интеллектуальных алгоритмов и датчиков позволяет сократить энергопотребление на 40%, что значительно повышает энергоэффективность предприятий. Томская компания «СТС–Сервис» продемонстрировала значительные результаты – после внедрения ИИ межремонтные периоды увеличились на 20%. Это стало возможным благодаря способности искусственного интеллекта прогнозировать неисправности оборудования, что существенно сокращает время простоя. Нейросети также нашли применение в контроле качества продукции: например, в шинном производстве они обнаруживают дефекты с 80-процентной точностью, анализируя данные со счетчиков¹.

Искусственный интеллект трансформирует экологический мониторинг, позволяя прогнозировать воздействие производства на природу и обеспечивая соблюдение экологических стандартов. Яркий пример – проект «Байкал без пластика», где нейросети анализируют информацию о загрязнении.

В транспортной сфере датчики на транспортных средствах генерируют данные, которые обрабатываются алгоритмами, для предупреждения происшествий и оптимизации обслуживания автопарка. Внедрение нейросетевых технологий в маршрутизацию существенно улучшает логистические процессы, минимизируя расход топлива и ускоряя доставку грузов.

Сотрудники «Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления» (ВСГУТУ) создали инновационную программу, предсказывающую лесные пожары. Эта программа, основанная на машинном обучении, собирает и анализирует спутниковые данные, идентифицирует объекты и формирует карты потенциальных очагов возгорания. Параллельно с этим искусственный интеллект был применен в другой сфере – при создании бренда морсов «Сибирские

¹ Программы поддержки малого бизнеса в 2025 году: федеральные, региональные и отраслевые. URL: <https://skillbox.ru/media/business/programmy-podderzhki-malogo-biznesa-v-2025-godu-federalnye-regionalnye-i-otraslevye/>

Рис. 1. Основные направления применения искусственного интеллекта и нейронных сетей в системе управления малыми предприятиями Восточно-Сибирского региона

ноты». ИИ исследовал потребительские предпочтения, разрабатывал рецептуры и предлагал названия продуктов. Кроме того, с применением технологий искусственного интеллекта был спроектирован проект Школы Байкальского гостеприимства¹.

Инновационная платформа для образовательных учреждений обеспечивает мониторинг экзаменов и лабораторных работ, а также оценку успеваемости учащихся с мгновенной передачей данных в соответствующие государственные органы. В сфере продаж и маркетинга изучение клиентского поведения помогает формировать индивидуальные предложения, что способствует росту конверсии на 20–30%. Искусственный интеллект, лежащий в основе системы «Диагностика пациента по его анализам», проводит комплексное сравнение результатов медицинских исследований, значительно повышая точность врачебных заключений.

Современные технологии искусственного интеллекта трансформируют бизнес-процессы в разных сферах. Анализ данных о продажах с применением ИИ помогает точно прогнозировать спрос и рационально управлять складскими запасами. Одновременно с этим автоматизация

создания контента существенно сокращает затраты – инструменты наподобие Kandinsky и Yandex GPT позволяют быстро генерировать визуальные материалы и тексты для различных платформ социальных медиа [Демиденко, 2024].

В Восточно-Сибирском регионе малые предприятия получают значительные преимущества от внедрения нейросетей и ИИ в свои системы управления. Например, сельскохозяйственная компания IFarm разрабатывает автономные теплицы с умным управлением, что особенно важно для городских территорий.

Внедрение искусственного интеллекта позволило малым горнодобывающим компаниям Кузбасса достичь значительных результатов: сократить потребление топлива на 40% и повысить эффективность работы экскаваторов на 20%. RPA-системы и чат-боты автоматизируют повседневные операции, успешно справляясь с 80% клиентских обращений, что дает возможность сотрудникам сосредоточиться на решении стратегических вопросов [Вагапова, 2023].

Современные алгоритмы искусственного интеллекта значительно улучшают бизнес-прогнозирование, сокращая погрешности планирования на 60%. Даже

самые маленькие компании теперь могут внедрять ИИ, благодаря бесплатным решениям, таким как Tome и Yandex Data Factory. Важно отметить, что внедрение автоматизированных систем позволяет организациям существенно оптимизировать расходы, экономя почти треть бюджета, выделяемого на оплату труда сотрудников.

Внедрение технологий искусственного интеллекта вызывает множество сложностей в этическом, социальном, техническом и правовом измерениях. Для эффективного управления рисками и обеспечения ответственного применения ИИ необходим комплексный подход [Батищев, 2024].

Среди ключевых регуляторных препятствий выделяются: противоречия между международными стандартами, ограниченный доступ к информационным ресурсам, уязвимость алгоритмических моделей, дефицит профессиональных навыков и недостаточный уровень цифровой грамотности населения, а также отсутствие универсальных юридических рамок. Внедрение искусственного интеллекта сталкивается с серьезными препятствиями в различных секторах. Регуляторные ограничения, особенно в транспортной сфере и здравоохранении, существенно тормозят распространение ИИ-технологий. Кроме того, отсутствует надежная методология для верификации тренировочных наборов данных.

Безопасность моделей искусственного интеллекта представляет отдельную проблему. Риски кибератак возрастают из-за высоких вычислительных потребностей при обучении нейронных сетей – это делает уязвимыми суперкомпьютеры и облачные сервисы. Злоумышленники могут атаковать цепочки поставок программного обеспечения, внедряя скрытые лазейки. Среди основных угроз выделяются манипуляции входными данными (evasion), отравление обучающих выборок (poisoning) и попытки извлечения защищенной информации (extraction). Искусственный интеллект также становится инструментом для создания дипфейков и разработки изощренных фишинговых схем [Антонова, Смирнов, Ефимов, 2024].

В целом интеграция искусственного интеллекта в российский бизнес сталкивается с серьезными препятствиями. К

2024 г. лишь треть организаций в России успешно внедрила ИИ в свои рабочие процессы. При этом значительной проблемой является дефицит специалистов – каждое четвертое малое предприятие не может найти экспертов по искусственному интеллекту. Масштабная обработка данных увеличивает риски информационной безопасности, что подтверждается статистикой: в 2024 г. четыре из пяти компаний пережили инциденты с утечкой конфиденциальной информации [Антонова, Смирнов, Ефимов, 2024]. Персонал часто демонстрирует неготовность к эффективному использованию ИИ-систем, допуская ошибки при анализе результатов. Прогнозы показывают, что к 2028 г. почти половина профессиональных компетенций потребует обновления. Дефицит квалифицированных кадров в сферах машинного обучения, информационной защиты и аналитики данных существенно замедляет распространение искусственного интеллекта.

Перспективы интеграции ИИ и нейронных сетей в управление малыми предприятиями Восточно-Сибирского региона

Внедрение искусственного интеллекта радикально меняет операционную модель малого бизнеса в Восточно-Сибирском регионе. Аналитики прогнозируют повышение точности рыночных прогнозов на четверть или треть в производственном секторе и ритейле, что становится решающим конкурентным преимуществом в сложившейся экономической экосистеме.

Современные микропредприятия уже демонстрируют определенные результаты: автоматизированное управление товарными позициями, интеллектуальные системы взаимодействия с покупателями и алгоритмы прогнозирования потребительского поведения сокращают потребность в человеческих ресурсах на 30–40% [Батищев, 2024].

Несмотря на растущую доступность цифровых инструментов, комплексная цифровая трансформация требует учета региональной специфики и существующих инфраструктурных барьеров. Приоритетными векторами развития остаются процессная автоматизация, совершенствование аналитических инструментов и рациональное распределение корпоративных ресурсов.

Адаптация экспериментальных правовых механизмов в Восточно-Сибирском регионе может стать стимулом для развития искусственного интеллекта. Внедрение чат-ботов и систем рекомендаций значительно улучшает отношения с клиентами, повышая их приверженность на 15–20%.

В суровых климатических условиях Восточной Сибири цифровые двойники и IoT-сенсоры представляют особую ценность для совершенствования транспортных цепочек и логистических процессов. Беспилотники, собирающие информацию об инфраструктурном состоянии, и технологии, прогнозирующие задержки доставки с точностью 85%, демонстрируют практическую эффективность этих инноваций [Батырова, 2024].

Восточно-Сибирские малые предприятия обретают конкурентное преимущество благодаря нейросетям и искусственному интеллекту, открывая новые рыночные возможности и эффективно распределяя ресурсы. Прогнозируется, что половина малых предприятий внедрит ИИ-решения уже в 2025 г., когда российский рынок искусственного интеллекта продемонстрирует рост в 15%. Инновационную экосистему будут поддерживать региональные хабы, среди которых выделяется Иркутский Байкальский центр ИИ, предоставляющий местному бизнесу необходимую инфраструктуру и профессиональные консультации, что станет катализатором технологического развития в регионе.

На основании выполненного обобщения основных направлений внедрения ИИ в управленческую структуру предприятий становится возможным разработать стратегические предложения по эффективному встраиванию ИИ в малых предприятиях Восточно-Сибирского региона:

автоматизация типовых процессов. Искусственный интеллект способен самостоятельно обрабатывать документацию, извлекая необходимую информацию и проводя проверку без человеческого вмешательства. Это пример того, как повторяющиеся действия могут быть полностью роботизированы. Стандартные операции, регулярно выполняемые в рабочих процессах, становятся доступными для компьютеризации, что значительно повышает эффективность типовых процедур;

внедрение цифровых помощников. Автоматизированные системы, включая голосовых роботов и чат-ботов, функционируют по предустановленным алгоритмам, обрабатывая типичные запросы клиентов, а также рекомендуя подходящие продукты и варианты решения проблем;

применение ИИ-систем управления и рекрутинга. Автоматизация найма сотрудников – одна из функций цифровых ассистентов. Данные интеллектуальные системы анализируют эффективность бизнес-процессов: от мониторинга корректности заполнения документации до оценки динамики реализации товаров и логистической оперативности. Электронные помощники осуществляют надзор за деятельностью работников, предоставляя комплексную аналитику производительности;

использование прогнозной аналитики. Анализируя статистические данные и выявляя закономерности, искусственный интеллект прогнозирует дальнейшее развитие событий. Руководители могут использовать данную технологию как ценный ресурс при формировании стратегических планов и выборе оптимальных решений;

обучение персонала и развитие корпоративной культуры. Ключевым командам следует провести обучающие сессии для освоения применения искусственного интеллекта в их профессиональной деятельности;

обеспечение прозрачности и соблюдения этических стандартов. Соблюдение этических принципов и регуляторных стандартов является необходимым условием при внедрении искусственного интеллекта;

планирование долгосрочных инвестиций. Внедрение искусственного интеллекта представляет собой продолжительную стратегическую инициативу, а не краткосрочное мероприятие. При планировании следует рассматривать полный жизненный цикл технологии, включая её развитие, техническое обслуживание и модернизацию, выходя за рамки первоначальных инвестиций [Нестеренко, 2025].

В таблице 2 показаны ключевые предложения по внедрению технологий искусственного интеллекта и нейросетевых

решений в систему менеджмента малых предприятий, функционирующих на территории Восточно-Сибирского региона.

Восточно-Сибирский регион нуждается в модернизации кадрового потенциала через цифровые навыки. Успех данной инициативы зависит от слаженного взаимодействия государства, бизнеса и образовательных учреждений, что подтверждается текущими проектами. Национальная программа «Кадры» на 2025–2030 гг. предполагает формирование 298 карьерных центров при университетах и разработку 360 программ профессиональной переподготовки. Параллельно в Новосибирске уже функционирует специализированный IT-центр, сотрудничающий с восемью компаниями-работодателями, который к 2027 г. должен подготовить 1300 специалистов.

Эффективная стратегия развития digital-компетенций для малого бизнеса в регионе требует тщательного изучения существующих практик и внедрения комплексных решений, адаптированных к местным условиям.

Основные сложности формирования региональных учебных комплексов, специализирующихся на цифровых навыках, а также методы их преодоления систематизированы в таблице 3.

Опыт Новосибирской области показывает эффективность комплексных мер

по устранению кадрового дефицита и поддержке регионального предпринимательства. Формирование центров, специализирующихся на развитии цифровых компетенций, невозможно без координации усилий государственных структур, образовательных учреждений и представителей бизнес-сообщества.

Малым компаниям, функционирующим в Восточно-Сибирском регионе, стоит обратить внимание на преимущества подписочных моделей использования облачных технологий с интегрированными системами искусственного интеллекта и нейросетевыми алгоритмами.

Для малого бизнеса в Восточно-Сибирском регионе отсутствует программа субсидирования облачных технологий. Однако целесообразно рассмотреть различные формы государственной поддержки цифровой трансформации, включая дотации на приобретение российского программного обеспечения с ИИ-функционалом. Такие меры могли бы не только способствовать внедрению отечественных облачных сервисов, но и значительно повысить операционную эффективность небольших компаний. Использование готовых ИИ-решений избавит предприятия от необходимости создавать собственную дорогостоящую инфраструктуру, открывая доступ к передовым технологиям искусственного интеллекта.

Таблица 2

Основные рекомендации для развития интеграции ИИ и нейронных сетей в управление малыми предприятиями Восточно-Сибирского региона

Направление	Меры
Образование	Создание региональных центров подготовки кадров с акцентом на digital-skills
Финансовая поддержка	Субсидирование покупки российского программного обеспечения (ПО)
Нормативное регулирование	Адаптация федеральных программ (например, «Цифровая экономика») под локальные условия

Источник: составлено авторами.

Таблица 3

Основные проблемы создания региональных центров подготовки кадров с акцентом на digital-skills, и пути их решения

Проблемы	Решение
Дефицит кадров	Внедрение ускоренных программ (до 2 лет для рабочих профессий) и дуального обучения
Низкая зарплата в регионах	Создание льготных условий для IT-специалистов: ипотека, отсрочка от армии
Отсутствие корпоративной культуры	Формирование корпоративных центров опережающей подготовки (КЦОП) на предприятиях

Источник: составлено авторами.

В рамках федерального проекта «Цифровые технологии», входящего в национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации», Российский фонд развития информационных технологий (РФРИТ) предоставляет особую поддержку. Она заключается в субсидировании приобретения отечественного программного обеспечения, что особенно актуально для представителей малого бизнеса России¹.

Для получения поддержки в виде субсидий необходимо выполнение ряда критериев. Программное обеспечение должно быть российской разработки с обязательной регистрацией в Едином реестре программ для электронных вычислительных машин и баз данных. Доступ к такому программному обеспечению предоставляется через облачные сервисы. Важно, чтобы софт способствовал оптимизации рабочих процессов, увеличению эффективности или экономии ресурсов компании.

Малые предприятия могут претендовать на данную поддержку при соответствии определенным параметрам. Их годовой доход от коммерческой деятельности не должен превышать двух миллиардов рублей за предыдущий календарный год. Кроме того, в штате организации должно числиться не более 250 сотрудников за тот же отчетный период. Создание локальных условий для учащихся с особыми потребностями возможно только через совместные усилия учителей, специалистов поддержки и семей, что обеспечивает их интеграцию в общество и личностный рост [Карасев, 2024]. При внедрении государственных образовательных мероприятий необходимо найти компромисс между следованием официальным стандартам и спецификой местных условий. Что касается программного обеспечения, представители малого предпринимательства приобретают его за полцены, а разница в цене лицензий возмещается разработчикам из государственного бюджета.

Выводы

В условиях динамично трансформирующейся рыночной среды бизнес-структуры малого формата Восточно-Сибирского региона испытывают необходимость в радикальном пересмотре подходов к управлению. Повышение продуктивности и минимизация издер-

жек становятся возможными благодаря внедрению нейросетевых технологий и искусственного интеллекта. Конкурентоспособность и стабильность предприятий напрямую зависят от интеграции современных ИИ-решений, которые уже не роскошь, а необходимость. Автоматизация повседневных операций, совершенствование клиентского сервиса, оптимизация складских запасов и логистических цепочек – всё это достижимо при грамотном применении нейронных сетей в бизнес-процессах малых компаний региона.

Как было отмечено выше, в Восточно-Сибирском регионе уже интегрированы на производствах интернет-вещи, предиктивная аналитика; применяется Индустрия 4.0 и разрабатываются подходы в реализации Индустрии 5.0; сформированы региональные хабы, такие, как Иркутский Байкальский центр ИИ. В связи с этим, целесообразно продолжить развитие технологических площадок посредством поддержки и расширения образовательных мероприятий для подготовки специалистов, уже знакомых с новыми технологиями и подходами в рамках Индустрии 4.0 и 5.0. Создание дополнительных сетей региональных центров экспертизы станет ключевым шагом в цифровой трансформации малого бизнеса. Данные специализированные хабы обеспечат необходимые ресурсы и знания, а также послужат экспериментальными площадками для внедрения инновационных технологий в производственные процессы. Взаимный обмен практическим опытом между компаниями можно организовать через систематические мероприятия — выставки, дискуссионные площадки и отраслевые встречи, где представители малого и среднего бизнеса смогут обсуждать как достижения, так и проблемы в освоении искусственного интеллекта. Дополнением к данной экосистеме должны стать систематические образовательные программы и семинары для владельцев бизнеса.

В рамках масштабирования и патронажа местного бизнеса важным шагом станет успешная адаптация малых предприятий к современным реалиям благодаря специализированным консультационным службам в области ИИ и цифровых технологий. Опираясь на успешные кейсы

крупных организаций, государство должно стимулировать инновационное развитие через систему субсидий, грантов и налоговых преференций. Перспективным направлением также станет формирование партнерских отношений между крупным и малым бизнесом, что откроет последнему доступ к передовым технологиям, ресурсной базе и новым рыночным возможностям.

Стратегическое планирование и принятие решений существенно совершенствуются благодаря прогнозам, основанным на искусственном интеллекте, который выявляет потребительские тенденции и анализирует поведение клиентов через обработку информационных массивов.

Малый бизнес, внедряющий ИИ-технологии, часто сталкивается с дефицитом квалифицированного персонала для управления инновационными системами. Приоритетным становится развитие образовательных программ по подготовке IT-специалистов и аналитиков данных. Компании с ограниченным бюджетом испытывают трудности с внедрением искусственного интеллекта, поскольку это требует серьезных финансовых вложений в технологическое оснащение и развитие персонала. Предлагаемые стратегические подходы к преодолению специфических трудностей адаптации инновационных решений в управлении малыми предприятиями заключаются в сочетании стратегического планирования инвестиций в развитие ИТ-инфраструктуры и подготовку квалифицированных кадров. Необходимы следующие шаги:

1. Разработать комплексный подход к внедрению искусственного интеллекта. Определить строгие рамки использования и обеспечить тщательный анализ соглашений с вендорами. При интеграции ИИ-систем необходимо принимать во внимание потенциальные угрозы: проблемы этического характера, защиту приватности информации и вопросы ответственности за автоматизированные решения.

2. Внедрение искусственного интеллекта должно базироваться на выборе существующих решений вместо создания собственных моделей. Такой подход не только ускорит оценку практической пользы ИИ, но и сделает процесс встраивания технологий в рабочие процессы

компаний гораздо более доступным.

3. Определить процессы компании для выявления операций, требующих оптимизации. Необходимо начинать с диагностики рабочих потоков, чтобы обнаружить наиболее ресурсоемкие участки: формирование отчетной документации, управление клиентскими запросами однотипного характера, процедуры обработки поступающих заказов. На основе данного анализа должны быть сформулированы четкие цели автоматизации.

4. Следует отдавать предпочтение платформам, которые предлагают интуитивно понятный дизайн, доступ к службе поддержки и набор предустановленных образцов. Такой подход минимизирует потребность в IT-специалистах и значительно облегчит процесс интеграции.

5. Внедрение ИИ требует комплексного подхода к обучению персонала. Следует разработать детальные инструкции и регламенты для каждого инструмента, включая политику обращения с данными. Регулярные практические занятия по актуальным сценариям использования и доступные обучающие материалы помогут сотрудникам освоить новые технологии. Особое внимание стоит уделить назначению квалифицированных специалистов, которые будут не только проверять результаты работы нейросетей, но и совершенствовать их функционирование через механизм обратной связи.

6. Следует оценить эффективность от экономии времени и оптимизации ресурсов уже через несколько недель внедрения искусственного интеллекта. Автоматизация рутинных задач существенно снижает загруженность руководителей высшего звена и квалифицированных работников, а создание контента и документов ускоряется в 5–10 раз. Для поддержания эффективности необходимо организовать непрерывное наблюдение за функционированием модели, что позволит своевременно выявлять и устранять недочеты в её работе. Важно также формализовать успешный опыт использования, закрепляя его через систему шаблонных измерителей, стандартных функций и многократно используемых элементов.

Новейшие технологии, повышение качества предложений и освоение новых рыночных ниш становятся доступными малому бизнесу благодаря внедрению ней-

росетей и искусственного интеллекта, несмотря на существующие трудности. Долгосрочные перспективы устойчивого развития и роста открываются именно через эти технологии. Для успешной реализации

таких возможностей критически важно сотрудничество с технологическими компаниями и образовательными учреждениями, а также создание специальных программ финансовой поддержки.

Список источников:

1. Антонова, И. И., Смирнов, В. А., Ефимов, М. Г. Интеграция искусственного интеллекта в ERP-системы: достоинства, недостатки и перспективы // *Russian Journal of Economics and Law*. 2024. № 3. С. 619–640. DOI: 10.21202/2782-2923.2024.3.619-640 EDN: LZDNHB

2. Батищев, А. В., Соловьев И. В. Анализ перспектив и проблем управления бизнес-процессами малого бизнеса на основе технологий искусственного интеллекта // *Естественно-гуманитарные исследования*. 2024. № 3(53). С. 492–497. EDN: DLRLCG

3. Батырова, А. Ф. Искусственный интеллект в развитии малого бизнеса // *Устойчивое экономическое развитие: проблемы и перспективы : сборник научных статей по материалам III Всероссийской научно-практической конференции, Новосибирск, 09 декабря 2023 года. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет экономики и управления “НИНХ”, 2024. С. 43–47. EDN: USSBGJ*

4. Нестеренко, А. В. Искусственный интеллект в малом бизнесе: возможности и ограничения для роста в России // *Российское общество и Российская экономика: вызовы и возможности : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Новороссийск, 17 апреля 2025 года. – Краснодар: Индивидуальный предприниматель Алзидан Махер, 2025. С. 773–778. EDN: TUHMTI*

5. Вагапова, М. М., Магомаев, Т. Р. Роль искусственного интеллекта в развитии малого бизнеса: проблемы и перспективы // *Инновационная траектория развития современной науки : сборник статей II Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 19 декабря 2023 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2023. С. 100–105. EDN: EZLIYC*

6. Демиденко, А. А., Демиденко, А. И. Как нейросети меняют традиционные подходы к организации бизнес-процессов в малом бизнесе // *Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии*. 2024. № 11. С. 38–41. EDN: XRXOOQ

7. Карасев, Н. А., Климачев, Т. Д. Теоретические аспекты исследования проблем и перспектив применения технологий искусственного интеллекта в менеджменте российских компаний // *Креативная экономика*. 2024. Т. 18. № 2. С. 337–356. DOI: 10.18334/ce.18.2.120490 EDN: RDMQYO

8. Санарикова, А., Кожухметова, А. К. Оптимизация бизнес-процессов с помощью искусственного интеллекта. Перспективы и вызовы // *ELS*. 2025. №28 февраль. С. 137–142.

9. Цифровая трансформация бизнеса: опыт Алтайского государственного университета / Журенков О. В., Шаховалов Н. Н., Вдовкина Е. Г., Стерлягов С. П. // *Актуальные проблемы прикладной информатики в образовании, экономике, государственном и муниципальном управлении : сборник трудов Международной научной конференции, Барнаул, 23 ноября 2023 года. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2024. С. 57–69. EDN: XSTVWI*

10. Шайтура, А. С. Методы применения искусственного интеллекта для развития предприятий малого и среднего бизнеса // *Славянский форум*. 2023. № 3 (41). С. 326–335. EDN: BKNSWM

References:

1. Antonova, I. I., Smirnov, V. A., Efimov, M. G. (2024) Integration of artificial intelligence into ERP systems: advantages, disadvantages and prospects. *Russian Journal of Economics and Law*, no. 3, pp. 619–640. DOI: 10.21202/2782-2923.2024.3.619-640 EDN: LZDNHB (in Russ.).

2. Batishchev, A. V., Solovyov, I. V. (2024) Analysis of the prospects and problems of

managing small business business processes based on artificial intelligence technologies. *Natural Sciences and Humanities Research*, no. 3 (53), pp. 492–497. EDN: DLRLCG (in Russ.).

3. Batyrova, A. F. (2024) Artificial intelligence in the development of small business in Sustainable economic development: problems and prospects : collection of scientific articles based on the materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference, Novosibirsk, December 09, 2023. Novosibirsk: Novosibirsk State University of Economics and Management “NINH”, pp. 43–47. EDN: USSBGJ (in Russ.).

4. Nesterenko, A. V. (2025) Artificial Intelligence in Small Business: Opportunities and Limitations for Growth in Russia in Russian Society and the Russian Economy: Challenges and Opportunities : materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Novorossiysk, April 17, 2025. Krasnodar: Individual Entrepreneur Alzidan Maher, pp. 773–778. EDN: TUHMTI (in Russ.).

5. Vagapova, M. M., Magomae, T. R. (2023) The role of artificial intelligence in the development of small business: problems and prospects in Innovative trajectory of modern science development : Collection of articles of the II International Scientific and Practical Conference, Petrozavodsk, December 19, 2023. Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership “New Science” (IP Ivanovskaya I.I.), pp. 100–105. EDN: EZLIYC (in Russ.).

6. Demidenko, A. A., Demidenko, A. I. (2024) How neural networks are changing traditional approaches to organizing business processes in small businesses. *Competitiveness in the global world: economics, science and technology*, no. 11, pp. 38–41. EDN: XRXOOQ (in Russ.).

7. Karasev, N. A., Klimachev, T. D. (2024) Theoretical aspects of the study of problems and prospects of using artificial intelligence technologies in the management of Russian companies. *Creative Economy*, vol. 18, no. 2, pp. 337–356. DOI: 10.18334/ce.18.2.120490 EDN: RDMQYO (in Russ.).

8. Sanarikova, A., Kozhakhmetova, A. K. (2025) Optimization of business processes using artificial intelligence. Prospects and challenges // ELS, no. 28 February, pp. 137–142 (in Russ.).

9. Zhurenkov, O. V., Shakhvalov, N. N., Vdovkina, E. G., Sterlyagov, S. P. (2024) Digital transformation of business: the experience of Altai State University in Actual problems of applied informatics in education, economics, state and municipal management : Proceedings of the International Scientific Conference, Barnaul, November 23, 2023. Barnaul: Altai State University, pp. 57–69. EDN: XSTVWI (in Russ.).

10. Shaitura, A. S. (2023) Methods of using artificial intelligence for the development of small and medium-sized businesses. *Slavic Forum*, no. 3 (41), pp. 326–335. EDN: BKNSWM (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 28.05.2025; одобрена после рецензирования 17.07.2025; принята к публикации 21.07.2025.

The article was submitted 28.05.2025; approved after reviewing 17.07.2025; accepted for publication 21.07.2025.

Информация об авторах

Т. А. Баяскаланова – кандидат экономических наук, Иркутский национальный исследовательский технический университет;

Н. М. Мишин – аспирант, Иркутский национальный исследовательский технический университет.

Information about the authors

T. A. Bayaskalanova – Candidate of Economic, the Irkutsk National Research Technical University;

N. M. Mishin – Postgraduate student, Irkutsk National Research Technical University.

СОЦИОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 316.42

<https://elibrary.ru/VVQWZX>

Россия глазами китайских студентов: трансформация восприятия и барьеры социальной адаптации в академической среде (на примере вузов Сибири и Дальнего Востока)

Ольга Владимировна Кузнецова¹, Карина Арменовна Карапетян²

^{1,2}Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия,

¹Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

¹ kuznetsova1@mail.ru

² inyaz@slovo.isu.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию социальной адаптации китайских студентов в российских вузах, сфокусированному на анализе динамики их восприятия России и факторах, влияющих на успешность адаптационного процесса. На основе эмпирического исследования выявлено, что исходные представления китайских студентов о России часто формируются под влиянием стереотипов, что может приводить к когнитивному диссонансу при столкновении с реалиями провинциальных городов. Основные барьеры адаптации связаны с городской инфраструктурой, организационной культурой, бытовыми практиками и социальным взаимодействием. Большинство респондентов демонстрируют сбалансированное отношение к России, избегая резких оценок; позитивные факторы включают интерес к русской культуре, природным достопримечательностям (прежде всего, к озеру Байкал) и доброжелательность местных жителей. Исследование подтверждает необходимость учета социокультурных различий для укрепления позиций российского образования на международном рынке и углубления российско-китайского сотрудничества.

Ключевые слова: социальная адаптация, Китай, Россия, иностранные студенты, образовательная миграция, барьеры адаптации

Для цитирования: Кузнецова, О. В., Карапетян, К. А. Россия глазами китайских студентов: трансформация восприятия и барьеры социальной адаптации в академической среде (на примере вузов Сибири и Дальнего Востока) // Власть и управление на Востоке России. 2025 № 3 (112). С. 119–132. EDN: VVQWZX

Russia Through the Eyes of Chinese Students: Transformation of Perception and Barriers to Social Adaptation in the Academic Environment (Using the Example of Universities in Siberia and the Far East)

Olga V. Kuznetsova¹, Karina A. Karapetyan²

^{1,2} Irkutsk State University, Irkutsk, Russia,

¹ Sociological Institute of RAS, a Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

¹ kuznetsova1@mail.ru

² inyaz@slovo.isu.ru

Abstract. The article is devoted to the study of social adaptation of Chinese students in Russian universities it is focused on the analysis of their perception of Russian dynamic, key integration issues and factors influencing the success of adaptation process. The empirical basis consists of the results of 544 Chinese students studying at the universities in Siberia and the Far East survey (2023-2025). It is revealed that the students' initial ideas about Russia are formed under the influence of stereotypes such as harsh climate, image of the «European part» of the country, etc., which leads to a cognitive dissonance when confronted with the realities of provincial cities. The main barriers to adaptation are related to 1) urban infrastructure (road conditions, public transport); 2) organizational culture (low efficiency of bureaucratic procedures); 3) household practices (eating habits, smoking restrictions); 4) social interaction (language barrier, differences in communication norms). Factors which show the positive attitude to Russia include the interest in Russian culture (music, literature), natural attractions (Lake Baikal), and the goodwill of local residents. The majority of respondents demonstrate a balanced attitude towards Russia, avoiding extreme assessments (61% chose neutral positions on a 5-point scale). Based on the data, recommendations for optimizing the adaptation mechanisms are proposed: the expansion of preliminary informing of students about the regional peculiarities; the development of cultural support programs; the creation of platforms for intercultural interaction. The study confirms the need to take into account socio-cultural differences in order to strengthen the position of Russian education in the international market and deepen the Russian-Chinese cooperation.

Keywords: social adaptation, China, Russia, international students, educational migration, barriers to adaptation

For citation: Kuznetsova, O. V., Karapetyan, K. A. (2025) Russia Through the Eyes of Chinese Students: Transformation of Perception and Barriers to Social Adaptation in the Academic Environment (Using the Example of Universities in Siberia and the Far East). *Power and Administration in the East of Russia*, no. 3 (112), pp. 119–132. EDN: VVQWZX

Введение

В настоящее время наблюдается рост числа китайских студентов, выбирающих Россию для получения высшего образования. На встрече с китайскими и российскими студентами и преподавателями Харбинского политехнического университета в рамках государственного визита в Китай в 2024 г. Президента Российской Федерации В. В. Путин заявил, что «научно-образовательное сотрудничество занимает одно из приоритетных мест в развитии всего комплекса российско-китайских отношений, всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия»¹. Президент отметил, что в российских вузах проходит обучение около 50 тысяч китайских граждан и выразил уверенность, что их количество будет продолжать расти. Безусловно, подобная положительная тенденция может способствовать развитию взаимовыгодных отношений между двумя странами, а также оказывать влияние на макроэкономические и геополитические процессы как в регионе Восточной Азии, так и на более широком уровне Азиатско-Тихоокеанского региона.

В связи с этим особенно актуальным становится изучение вопросов, связанных с адаптацией китайских студентов в российском образовательном пространстве. Исследования подобного рода могут, во-первых, способствовать не только выработке стратегий по повышению престижа российского образования, но и поиску новых векторов развития данной сферы. Интернационализация высшего образования рассматривается в последние годы в том числе и как «элемент стратегического видения», а повышение конкурентоспособности России в образовательной сфере является одним из приоритетных направлений среди разработанных государственных программ. Во-вторых, привлечение образовательных мигрантов может способствовать экономическому развитию страны, регулярный приток иностранных студентов в вуз становится одним из допол-

нительных источников его стабильного экономического положения. Накопление и развитие человеческого капитала входит в число базовых государственных интересов РФ. Грамотно выстроенная система адаптации иностранных студентов может способствовать привлечению квалифицированного человеческого капитала из других стран. В-третьих, решение стратегических задач по повышению качества образовательного экспорта приобретает особую актуальность в настоящее время, что предполагает, например, проведение анализа возможностей более активного присутствия на образовательных рынках дружественных стран и пересмотр ряда приоритетов и направлений сотрудничества в образовательной сфере. Исследование и апробирование механизмов адаптации китайских студентов в российских вузах отвечает национальным интересам РФ и КНР, разделяющих позицию по многим вопросам глобальной и региональной повестки. Сибирь и Дальний Восток представляются перспективными регионами в плане решения задач по повышению потенциала экспорта российского образования студентам из Китая.

Теоретическую базу данной работы составили фундаментальные исследования по социокультурной адаптации, представленные в работах Джона Берри. В частности, он утверждает, что адаптация, в самом общем смысле, представляет собой изменения, которые происходят у отдельных людей или групп в ответ на требования окружающих условий. Адаптация может происходить сразу или растягиваться на длительный срок, а краткосрочные изменения в процессе аккультурации иногда носят негативный и даже разрушительный характер [Berry, 1992; 1997; 2005]. Джон Сёрл и Коллин Уорд выделили два подтипа адаптации: психологическую и социокультурную [Searle, Ward, 1990]. Психологическая адаптация включает в себя внутренние психические аспекты, такие как чувство культурной и личной идентичности, психическое бла-

¹ Встреча со студентами и преподавателями Харбинского политехнического университета. 17.05.2024. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/74064> (дата обращения 08.07.2025).

гополучие и достижение удовлетворенности в новой культурной обстановке. Социокультурная адаптация, с другой стороны, связана с внешними психологическими аспектами, которые помогают людям успешно интегрироваться в новый контекст, включая способность решать ежедневные задачи, особенно в сферах семьи, работы и учебы.

Ряд исследователей занимаются вопросами о том, с какими проблемами сталкиваются иностранные студенты при адаптации к учебе в новой стране. Так, К. Хван вместе с соавторами [Hwang et al, 2011] установили, что адаптация иностранных учащихся зависит от уровня социальной поддержки и положительной атмосферы в учебном заведении.

Исследование, проведенное в одном из бельгийских университетов, показало, что без организаций и клубов иностранным студентам трудно сформировать социальные сети из контактов, а отношения с местными студентами являются важнейшим фактором адаптации иностранных студентов [Wang, Hannes, 2014]. Р. Коулз и В. Свами считают, что университеты могут облегчить адаптацию иностранных студентов, создавая им возможности для общения и налаживания отношений посредством организации проживания, рабочих групп в лабораториях и на семинарах, а также социальных клубов [Coles, Swami, 2012].

Стоит отметить, что изучением специфики адаптационных стратегий, нацеленных на успешную социализацию студентов из Китая – одного из главных экспортеров образовательных услуг – в зарубежных вузах, в настоящее время занимается большое количество авторов. Например, в российском научном пространстве представлены следующие аспекты данной темы: анализируются способы взаимодействия российских и китайских студентов с целью успешной адаптации последних [Беляев, Беляева, 2019], особенности процесса адаптации китайских студентов в рамках дистанционного обучения в период пандемии COVID-19 [Беляева, 2022], предпринимаются попытки на основе материалов

положений и выводов авторефератов диссертаций по данной проблематике обосновать базовые критерии формирования поведенческого и культурного образца в процессе адаптации китайский студентов в российской образовательной среде [Иванов и др., 2023]; обосновывается необходимость разработки комплексной программы социальной адаптации на этапе первого года обучения китайских студентов [Максимов, Панина, 2017]; отечественные специалисты занимаются также изучением особенностей системы ценностей китайских студентов [Дерюгин и др., 2021а,б]; выделяют основные проблемы, возникающие у обучающихся из КНР в период учебы в России [Рыбакова, Иванова, 2022].

Многообразие исследований по данной теме составило основу для проведения эмпирического исследования с целью выявления основных социальных детерминант адаптации китайских студентов в институты высшего образования РФ. Несмотря на то, что проблемы межкультурной коммуникации и социальной адаптации иностранных обучающихся широко освещаются в социологических исследованиях, специфика адаптации студентов из Китая в регионах Сибирского и Дальневосточного федеральных округов (далее – СФО, ДФО) России требует дополнительного анализа, что обуславливает необходимость дальнейшей теоретической и эмпирической разработки данной тематики. Полученные данные, в том числе изученные факторы, способствующие более эффективной адаптации китайских студентов в российском академическом и социальном пространстве, а также выявленные потенциальные барьеры, с которыми они сталкиваются, могут быть использованы для разработки программ поддержки иностранных обучающихся, что способствует повышению качества образования и укреплению международного имиджа российских вузов.

Методология исследования

Настоящее исследование проводилось в Иркутском государственном университете в 2023–2025 гг. с использованием

анкетирования информантов. Онлайн анкетирование позволило расширить выборку, включив в нее китайских студентов, обучающихся в разных городах Сибири и Дальнего Востока России.

Критерии выбора участников анкетирования были следующие:

респондент является иностранным студентом из КНР, получающим образование в вузе Сибири или Дальнего Востока РФ;

пол: разнополюсные респонденты;

возрастной диапазон: без ограничений;

год обучения: студенты всех курсов и программ.

В исследовании была задействована многоступенчатая выборка, предполагавшая на начальном этапе поиск вузов в тех городах, которые относятся к Сибирскому и Дальневосточному федеральным округам. Далее происходил отбор студентов, которые должны были подходить под критерий «иностранец студент из КНР», получающий образование в России на момент проведения анкетирования. В международные отделы выбранных вузов рассылалась информация о цели исследования и предложение распространить анкету среди студентов. Использовался также и метод «снежного кома», когда респонденты или связанные с ними лица самостоятельно передавали анкету знакомым китайским студентам. В Иркутске в нескольких вузах анкетирование китайских студентов организовывалось непосредственно исследователем в течение учебного дня, QR-код в данном случае не отправлялся студентам, а непосредственно предлагался для сканирования в реальном времени. Ко всему прочему, кураторы и преподаватели групп китайских студентов распространяли анкету через чаты в мессенджерах.

В результате удалось отобрать студентов-китайцев, обучающихся в вузах Сибири и Дальнего Востока, в количестве 544 человек. Студенты обучаются преимущественно в вузах Иркутска (ИГУ, БГУ, ИГМУ, ИРНИТУ), а также в вузах ДФО (Дальрыбвтуз, КнАГУ, ЗабГУ и др.). Подавляющее большинство опрошенных (75%) получают образование на факультетах общественных и гуманитарных наук. Все опрошиваемые дали

согласие на участие в исследовании, а также были проинформированы, что все собранные в ходе анкетирования материалы используются исключительно в исследовательских целях, а их анонимность гарантирована.

Респондентам предлагалось перейти по QR-коду и заполнить форму, включающую 32 вопроса, объединённых нами в смысловые группы. Вопросы анкеты дублировались на двух языках – русском и китайском.

Результаты

Начальные вопросы анкеты были нацелены на выявление основных социальных показателей исследуемой группы: пол, возраст, провинции, из которых они прибыли, вуз, специальность и курс обучения. Эти графы являлись обязательными для заполнения.

В исследовании приняло участие 245 девушек и 299 юношей. Возрастной диапазон неограниченный, большинство опрошенных находятся в промежутке 18–23 лет.

Географически опрошиваемые являются выходцами из 27 провинций, чаще всего из провинции Шаньдун (113 чел.), Внутренней Монголии (74 чел.), Хэйлуцзян (71 чел.), Хэнань (48 чел.) и Хэбэй (29 чел.).

Продолжительность пребывания в России варьируется от 1 месяца до нескольких лет, большинство опрошенных – студенты подготовительного и первого курсов (рис. 1).

Блоки, расположенные после общих вопросов, были выстроены в хронологической логике, позволившей проследить динамику изменения состояния студентов до фактического переезда в Россию и после. Основными во втором блоке являлись вопросы о причине выбора России для обучения и впечатлениях и знаниях о стране до и после приезда.

Третий блок затрагивал вопросы адаптации в различных ее проявлениях: что кажется сложным в жизни и учебе в России, к кому студенты обращаются за помощью, установление вертикальных коммуникативных связей, а также что их позитивно и негативно удивило. Вопросы были ориентированы на выявление

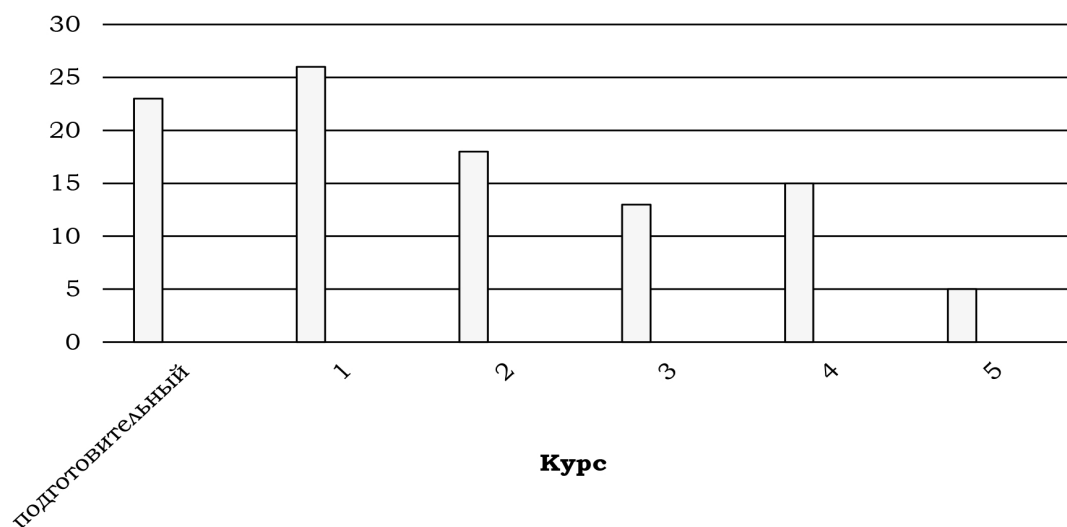

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «На каком курсе вы обучаетесь?»
(в % от числа опрошенных)

ние выраженности наиболее распространенных среди иностранных студентов проблем социокультурной адаптации, например адаптация к учебному процессу, проблемы языкового барьера, налаживания контактов в принимающей стране, а также привыкания к местной культуре и климату.

В заключительном блоке студентам предлагалось оценить процесс адаптации и удовлетворенность жизнью в России и поделиться планами на жизнь по завершении обучения.

В данной статье будет представлен анализ ответов на вопросы второго блока о представлениях студентов из Китая о России и том, как менялось их видение в процессе адаптации.

Большинство студентов мотивируют выбор России тем, что здесь, по их мнению, можно получить хорошее образование (рис. 2). Вопрос предполагал возможность выбрать несколько ответов одновременно, и мы можем сделать вывод, что Россия – перспективная и доступная страна с академической точки зрения, а т. к. для китайцев большее значение имеют сети контактов и хорошая репутация, выбор России в качестве принимающей страны становится более простым и привлекательным. Положительный образ страны, безусловно, облегчает начальный период адаптации, когда в так называемой «стадии эйфории» студенты

получают удовлетворение от новой жизни в другой стране. Но эффект может постепенно сойти на нет, если китайские студенты, обустроившие свою жизнь в России, начинают сталкиваться с различными трудностями ценностного и бытового характера.

Согласно данным анкетирования, у опрошенных были некоторые представления о России до приезда на обучение (рис. 3) наиболее распространёнными ассоциациями при ответе на этот вопрос являлись представления о суровом климате (более 60%). Отметим, что данный вопрос предполагал возможность предоставления нескольких ответов. Значительная часть респондентов также отметила, что много слышала о России в целом, многие участники опроса были знакомы с русской кухней и внешней политикой страны. При этом небольшая группа опрошенных указала, что до приезда не располагала никакой информацией о России. Таким образом, наиболее устойчивыми стереотипами и знаниями о России перед прибытием были знания о климатических особенностях, общие сведения о стране, её кулинарные традиции и политический имидж. При обработке анкеты было обнаружено лишь несколько ответов, содержащих более конкретную информацию. Так, один из опрошенных написал, что слышал о русском писателе А. Чехове, один был знаком с творчеством В. Цоя,

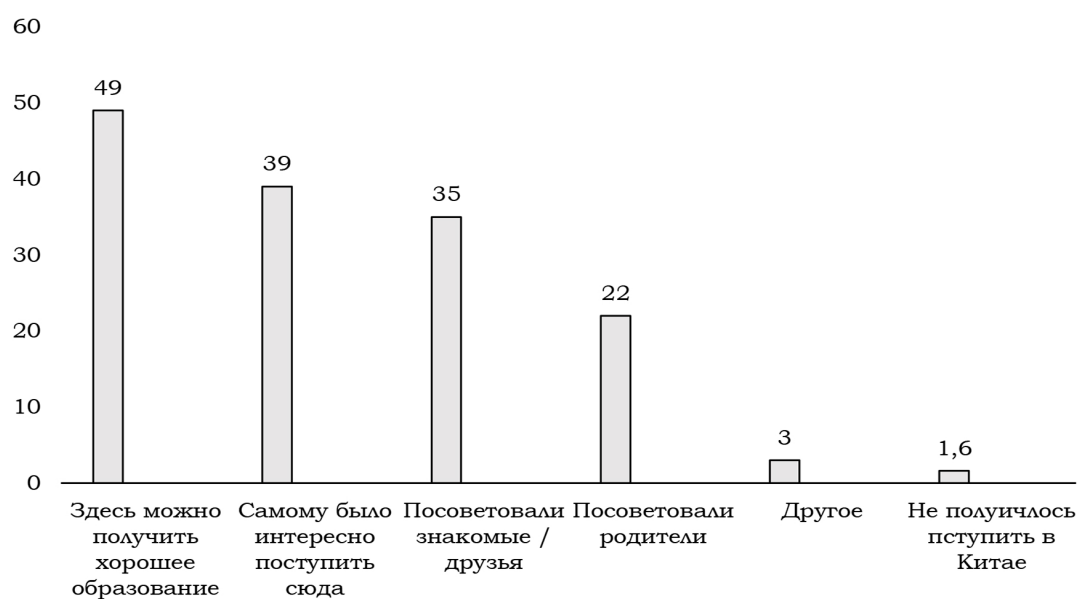

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Почему вы выбрали Россию для обучения?» (в % от числа опрошенных)

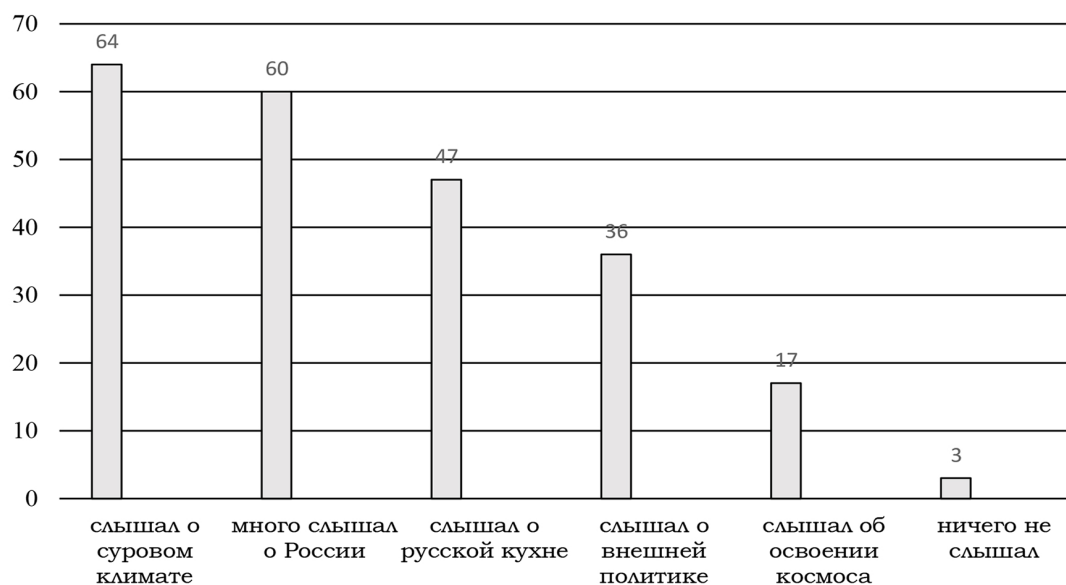

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Какие знания о России у вас были до приезда?» (в % от числа опрошенных)

один интересовался историей СССР.

Большинство опрошенных (61%), оценивая динамику изменения своего отношения к России и ее гражданам за период проживания в стране, выбирали промежуточные оценки (3 или 4 по пятибалльной шкале, где «5» – отношение кардинально изменилось, «4» – значительно изменилось, «3» – изменилось в некоторых аспектах, «2» – незначительно изме-

нилось, «1» – практически не изменилось) (рис. 4). Это указывает на тенденцию к сбалансированному восприятию, при котором респонденты избегают полярных суждений, что может свидетельствовать о более рефлексивном осмыслении полученного опыта. Данный факт также отражает склонность значительной части обучающихся к рациональной оценке, исключаяющей как идеализацию, так и

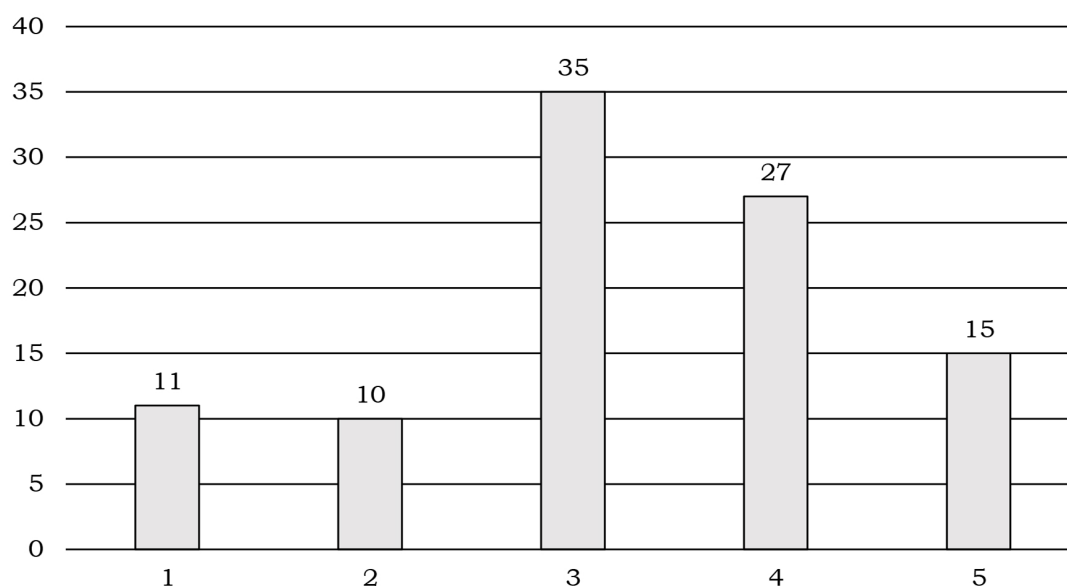

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Оцените по шкале от 1 до 5, насколько изменилось Ваше отношение к России и ее жителям за время вашего проживания здесь» (в % от числа опрошенных)

выраженную негативную реакцию по отношению к принимающему обществу.

Тем не менее трансформация восприятия имела место, причем ключевую роль в этом процессе сыграл город как пространство адаптации (рис. 5). Дело в том, что ранее сформированный у иностранцев образ России часто базируется на представлениях о так называемой «европейской части» страны, которая ассоциируется с более высоким уровнем развития и экономических возможностей. Однако при переезде в провинциальные или периферийные регионы китайские студенты зачастую сталкиваются с когнитивным диссонансом, вызванным расхождением между ожиданиями и реальными условиями жизни. Изначально формируя несколько идеализированный образ страны, студенты после прибытия сталкиваются с реальной средой, которая существенно отличается от их ожиданий как визуально, так и функционально [Кузнецова и др., 2024].

Значительная часть респондентов отмечала неудовлетворённость городской инфраструктурой: состоянием дорог, общественного транспорта, отдельных городских пространств и др. Некоторые респонденты, не конкретизируя детали, указывали на недостаточный уровень

развития города по сравнению с их ожиданиями. Яркой иллюстрацией этого диссонанса стало высказывание одного из участников опроса: «Шанхай-Сити (прим. Торговый центр в Иркутске) совсем не такой развитый, как сам Шанхай».

Архитектурный облик городов также часто воспринимался студентами как устаревший, что усиливало контраст с современными урбанизированными ландшафтами их родных городов.

Адаптация к повседневной жизни включала необходимость взаимодействия с административными учреждениями, где студенты столкнулись с различиями в организационной культуре. В анкетах неоднократно встречалось упоминание термина «эффективность работы», что отражает их недовольство скоростью решения бюрократических вопросов. Это явление, вероятно, связано с меньшей степенью автоматизации и цифровизации процессов по сравнению с КНР. Дополнительные сложности создавали проблемы с качеством интернет-связи и коммуникационных сервисов.

Среди бытовых неудобств респонденты выделяли, например, высокую стоимость продуктов питания, нестандартные требования при совершении некоторых покупок (например, необходимость

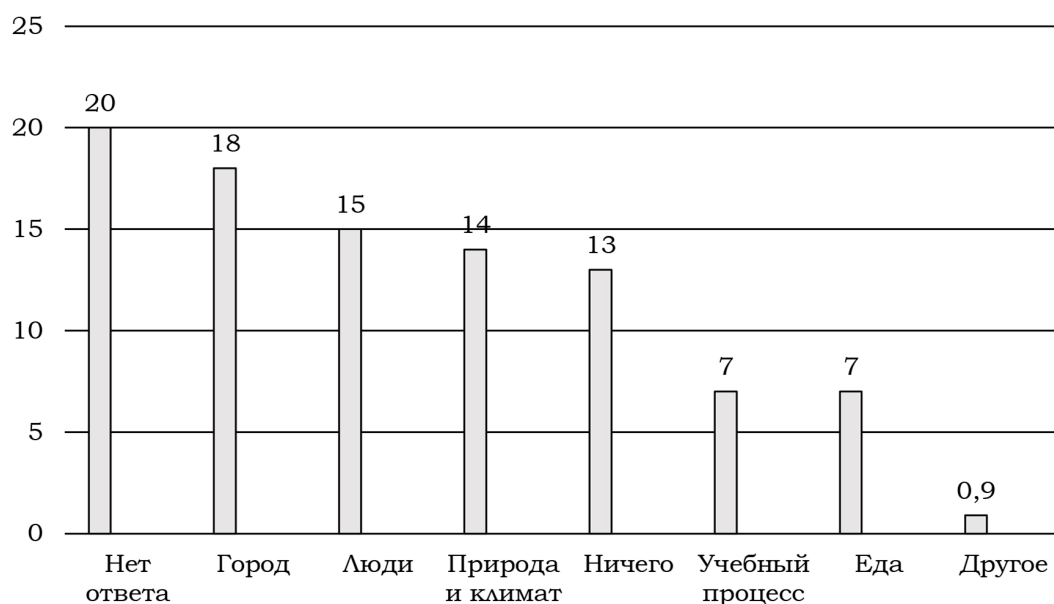

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Что Вас негативно удивило в России?» (в % от числа опрошенных)

предъявления паспорта) и нестабильность валютного курса, осложняющую финансовое планирование. Хотя вопросы личной безопасности упоминались редко, отдельные студенты выражали обеспокоенность этим аспектом.

Жизненный уклад местных и правила организации быта также являются отдельными вызовами адаптации. Показательный пример – в Китае распространено курение в общественных местах, это позволительно и на улице, и во многих помещениях. Иностранцы студенты из КНР в России при ответе на некоторые вопросы жаловались на то, что по правилам нельзя курить в комнатах общежитий. Эти и другие детали повседневной жизни, в зависимости от индивидуальных реакций студентов, могут восприниматься негативно и препятствовать социокультурной адаптации.

Полученные данные анкетирования подчёркивают значимость предварительного ознакомления иностранных студентов с особенностями жизни и учебы в России, а также необходимости создания механизмов культурной поддержки и сопровождения в начальный период их пребывания. Тем не менее редкие упоминания отдельных аспектов и трудностей, связанных с ними, указывают

на удовлетворительную способность студентов адаптироваться к определенным условиям. Показательно и то, что в 110 анкетах не содержится ответа на вопрос «Что Вас негативно удивило в России?», 71 респондент ответил «Ничего».

Рассмотрим, каким образом распределились ответы на вопрос «Что Вас позитивно удивило в России?» (рис. 6). При ответе у студентов была возможность выбрать несколько вариантов.

Наибольшее число респондентов (142 чел.) отметило, что самое приятное впечатление на них произвела природа России, в данном случае это частично объясняется географическим положением регионов, где проводилось анкетирование – безусловно, в качестве конкретизации в первую очередь называлось озеро Байкал как наиболее выдающаяся природная достопримечательность. Многие опрошенные отмечали, что впервые увидели такие красивые пейзажи именно в России: «Здесь прекрасные пейзажи, уникальные ландшафты, которых я никогда не видел в Китае, и маленькие животные, которые не боятся людей».

В ряде областей Китая, особенно в южных регионах и крупных городах, студенты практически не видят снежных зим или обширных природных террито-

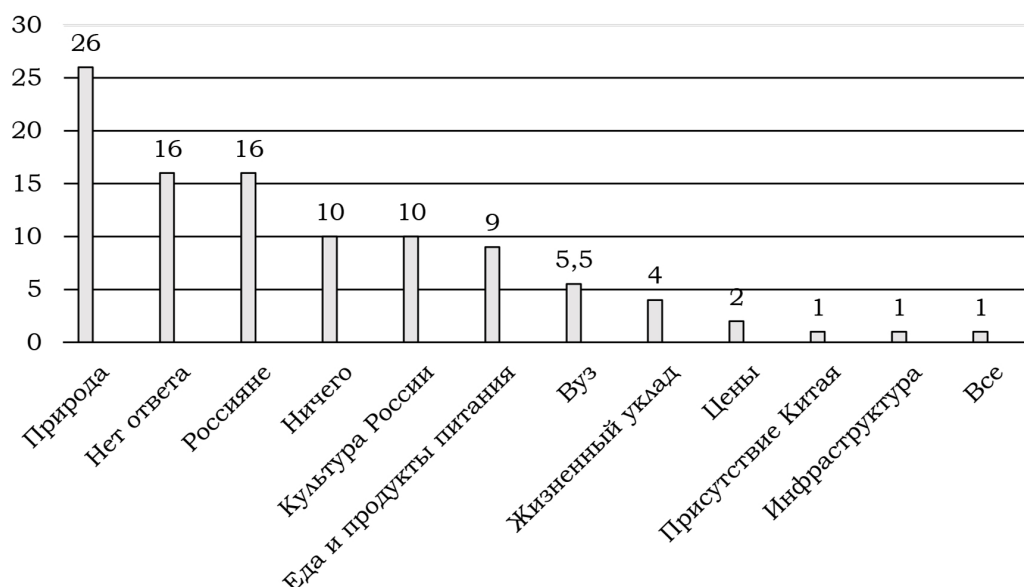

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «Что Вас позитивно удивило в России?»
(в % от числа опрошенных)

рий, поэтому знакомство с российской природой вызывает не только любопытство, но и ощущение новизны и восхищения. Позитивное отношение к природным условиям может служить своеобразной психологической поддержкой, помогающей справляться с бытовыми и климатическими трудностями. В этой связи особенно поощряются мероприятия, направленные на ознакомление студентов с природой региона. Такими мероприятиями могут стать экскурсионные программы, совместные поездки с учителями и местными студентами вуза, задания в домашних работах, стимулирующие студентов выйти из общезжитий и изучить окружающую их природную и городскую среду.

Некоторые студенты описывали россиян как «недружелюбных», «нетерпимых», «холодных», когда происходили ситуации социального взаимодействия, что диктуется как культурной дистанцией и отсутствием опыта межкультурной коммуникации, так и личным восприятием поведения другого человека, на которое влияют психофизические особенности отвечающего.

Одним из моментов, представляющих особый интерес, является удивление от контраста с культурными стереотипа-

ми, когда китайские студенты, ожидая столкнуться с «холодностью» и «серьезностью» россиян, напротив, встречали доброжелательность и открытость в свою сторону. Это снижает тревогу от смены обстановки на этапе адаптации и формирует позитивное восприятие страны, в которой им нужно будет длительное время жить и учиться.

Ряд вопросов анкеты был направлен на выявление тенденции к установлению контактов с российскими студентами. Чуть более 40% респондентов отметили, что имеют много друзей и знакомых среди российских студентов, что является удовлетворительной динамикой, так как способность выстроить неформальные связи с представителями принимающей страны – основополагающая в процессе социокультурной адаптации.

Пищевые привычки и питание принимающей страны являются немаловажным элементом социокультурной адаптации. Для студентов, приехавших недавно, возможность попробовать новые и неизведанные вкусы является интересным и позитивным событием. Однако не все продукты и блюда приходятся по вкусу китайским студентам, привыкшим на Родине к богатым

пищевым традициям. Поэтому особенности питания в стране обучения нередко представляют собой особые трудности для иностранных студентов. Как уже отмечалось выше, перед непосредственным въездом в страну опрошенные студенты много слышали о русской кухне. Такие знания, как правило, стереотипированы: борщ, водка, каша и т.д. Позднее студенты обнаруживают, что в стране имеется вариативность продуктов и блюд.

Примечательно, что при ответе на вопрос «Как проходил процесс привыкания к русской пище?» равная доля опрошенных (37 %) либо «сразу привыкла», либо «до сих пор привыкает». Долго привыкали 20% китайских студентов. Подобный результат может интерпретироваться как доказательство субъективной оценки местной пищи, которая зависит от индивидуальных предпочтений, уже имевшегося опыта употребления национальной кухни, а также условий проживания и финансового положения.

Хотя китайцы традиционно более этноцентричны в вопросах о предпочтениях в творчестве, выбирают слушать китайскую музыку, смотреть китайские фильмы и телешоу, более половины опрошенных в разной степени проявляют интерес к продуктам местного творчества и культуры, также упоминая всемирно известные произведения: *«В моём представлении, здесь очень хорошо развиты различные виды искусства, и они пользуются большой популярностью. Ещё до приезда в Россию я смотрел некоторые записи российских спектаклей, такие как «Граф Монте-Кристо» и балет «Лебединое озеро»... После приезда я время от времени хожу в театр на живые музыкальные выступления — мне это очень нравится».*

При ответе на вопрос о том, что именно из русской культуры понравилось больше всего, 171 человек отметил категорию «музыка и танцы», 71 человек – «литература и художественное искусство», 50 человек – «фильмы и сериалы». Подобный интерес к русской культуре со стороны китайских студентов благо-

приятно влияет на процесс адаптации в социуме, помогая стать эмоционально вовлеченными и сформировать положительное впечатление о России.

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что установление социальных связей между иностранными студентами и местными жителями в значительной степени влияет на адаптацию иностранных студентов к новой культуре. Большинство китайских студентов позитивно оценивает отношения с местными жителями. Однако некоторые студенты упоминали свой негативный опыт с представителями вуза, ссылаясь на высокие требования к их языковым навыкам и нежелание оказывать помощь. Китайские студенты также описывали свои проблемы с установлением социальных связей с местными жителями, в частности, языковой барьер и культурные различия, взаимное недопонимание. Некоторые студенты описывали россиян как «недружелюбных», «нетерпимых» и «холодных», что диктуется как культурной дистанцией и отсутствием опыта межкультурной коммуникации, так и индивидуальным восприятием поведения другого человека.

Китайские студенты, обучающиеся в России, делятся положительными впечатлениями о стране, отмечая доброжелательность и открытость россиян. Большинство студентов имеет друзей и знакомых среди российских студентов, что является благоприятной динамикой. Ограниченность контактов у некоторых студентов может быть обусловлена коммуникационной неуверенностью или отсутствием желания выстраивать близкие отношения.

Университет является основным местом, где студенты знакомятся с россиянами. Создание университетской платформы для установления дружеских отношений на разных этапах жизни и обучения иностранных студентов – это способ предложить им завязать общение с местными и приобрести полезные контакты.

Климат и кухня принимающей стра-

ны являются важными факторами адаптации. Китайские студенты, приезжающие в Россию, испытывают трудности с адаптацией к климатическим условиям, особенно холодному климату, и частичным неприятием местной кухни. Для облегчения адаптации рекомендуется проводить мероприятия, такие как информирование студентов о климатических условиях и погоде различных сезонов, а также обеспечить доступ к медицинским услугам и качественным условиям проживания и обучения. Важно также обеспечить информационными материалами о магазинах, рынках и о способах оформления доставки, а также рецептами несложных русских блюд или

рекомендациями лучших столовых, ресторанов или кафе.

Приезжая в Россию, студенты могут испытать разочарование в реалиях жизни, отличающихся от их представлений о стране до переезда. Студенты испытывают трудности с адаптацией к городской среде, архитектуре, с организацией быта и стиля жизни. Данные проблемы постепенно решаются по мере привыкания к региону и городу. При желании интегрироваться со стороны студентов и при стремлении помочь и оказать поддержку со стороны вузов, преподавателей и местного населения, процесс адаптации будет протекать безболезненно и эффективно.

Список источников/References:

1. Беляев, В. П., Беляева, Е. А. Особенности взаимодействия российских и китайских студентов в образовательном пространстве российского вуза // Материалы XXII Международной конференции памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования». Екатеринбург: УрФУ, 2019. С. 799–811.

Belyaev, V. P., Belyaeva, E. A. (2019) Features of Interaction between Russian and Chinese Students in the Educational Space of a Russian University in Proceedings of the XXII International Conference in Memory of Professor L. N. Kogan «Culture, Personality, Society in the Modern World: Methodology, Experience of Empirical Research». Yekaterinburg: UrFU, pp. 799–811 (in Russ.).

2. Беляева, Е. А. Адаптация китайских студентов в поликультурной среде российской высшей школы в период дистанционного обучения // Koinon. 2022. Т. 3. № 2. С. 215–226. DOI: 10.15826/koinon.2022.03.2.025 EDN: QCYKMY

Belyaeva, E. A. (2022) Adaptation of Chinese Students in the Multicultural Environment of Russian Higher Education during Distance Learning. *Koinon*, vol. 3, no. 2, pp. 215–226. DOI: 10.15826/koinon.2022.03.2.025 EDN: QCYKMY (in Russ.).

3. Дерюгин, П. П., Кремнёв, Е. В., Ярмач, О. В., Ши И, Вэнсинь Чжэн. Сетевые модели деловых ценностей в структуре человеческого капитала китайских студентов // Научный результат. Социология и управление. 2021а. Т. 7, № 3. С. 135–151. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-3-1-2 EDN: HCWAKD

Deryugin, P. P., Kremnev, E. V., Yarmak, O. V., Shi Yi, Wenxin Zheng (2021a) Network Models of Business Values in the Structure of Human Capital of Chinese Students. *Research Result. Sociology and Management*, vol. 7, no. 3, pp. 135–151. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-3-1-2 EDN: HCWAKD (in Russ.).

4. Дерюгин, П. П., Лебединцева, Л. А., Ярмач, О. В., Ши И, Камышина, Е. А. Формирование деловых качеств китайского студенчества как фактор обеспечения экономической безопасности (по результатам эмпирического исследования) // Вестник Прикамского социального института. 2021б. № 1 (88). С. 166–174. EDN: JGYVDA

Deryugin, P. P., Lebedintseva, L. A., Yarmak, O. V., Shi Yi, Kamyshina, E. A. (2021b) Formation of Business Qualities of Chinese Students as a Factor in Ensuring Economic Security (Based on the Results of an Empirical Study). *Bulletin of the Kama Social Institute*, no. 1 (88), pp. 166–174. EDN: JGYVDA (in Russ.).

5. Иванов, Н. Ю., Цынзак, М. П., Степанова, С. С. Адаптация китайских студентов к российской образовательной среде (на материале авторефератов диссертаций)

ций) // Профессиональное образование и рынок труда. 2023. Т. 11. № 3. С. 123–133. DOI: 10.52944/PORT.2023.54.3.008 EDN: XEEZAU

Ivanov, N. Yu., Tsynzak, M. P., Stepanova, S. S. (2023) Adaptation of Chinese Students to the Russian Educational Environment (Based on Dissertation Abstracts). *Professional Education and the Labor Market*, vol. 11, no. 3, pp. 123–133. DOI: 10.52944/PORT.2023.54.3.008 EDN: XEEZAU (in Russ.).

6. Кузнецова, О. В., Дерюгин, П. П., Кремнёв, Е. В. Социальная адаптация китайских студентов в России как управленческая проблема // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10. № 3. С. 150–167. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-3-1-0 EDN: DUTLZZ

Kuznetsova, O. V., Deryugin, P. P., Kremnev, E. V. (2024) Social adaptation of Chinese students in Russia as a management problem. *Research result. Sociology and management*, vol. 10, no. 3, pp. 150–167. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-3-1-0 EDN: DUTLZZ (in Russ.).

7. Максимов, Н. Р., Панина, С. В. К вопросу о социальной адаптации китайских студентов в российских университетах // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 1. С. 106–108. EDN: XRIKXD

Maksimov, N. R., Panina, S. V. (2017) On the issue of social adaptation of Chinese students in Russian universities. *Society: sociology, psychology, pedagogy*, no. 1, pp. 106–108. EDN: XRIKXD (in Russ.).

8. Рыбакова, М. В., Иванова, Н. А. Адаптация китайских студентов в российских вузах: некоторые проблемы // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 3. С. 410–417. DOI: 10.34823/SGZ.2022.3.51823 EDN: YFWZPT

Rybakova, M. V., Ivanova, N. A. (2022) Adaptation of Chinese students in Russian universities: some problems. *Social and humanitarian knowledge*, no. 3, pp. 410–417 (in Russ.).

9. Berry, J. W. (1992) Acculturation and Adaptation in a New Society. *International Migration*, no. 30, pp. 69–85. DOI: 10.1111/j.1468-2435.1992.tb00776.x

10. Berry, J. W. (1997) Immigration, acculturation, and adaptation. *Applied Psychology International Review*, vol. 46, pp. 5–34. DOI: 10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x

11. Berry, J. W. (2005) Living successfully in two cultures. *International Journal of Intercultural Relations*, vol. 29, pp. 697–712. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2005.07.013

12. Coles, R., Swami, V. (2012) The sociocultural adjustment trajectory of international university students and the role of university structures: A qualitative investigation. *Journal of Research in International Education*, no. 11, pp. 87–100. DOI: 10.1177/1475240911435867 EDN: PIKAXD

13. Hwang, K., Wang, M., Sodanine, S. (2011) The effects of stressors, living support, and adjustment on learning performance of international students in the Taiwan. *Social Behavior & Personality: An International Journal*, no. 39 (3), pp. 333–344. DOI: 10.2224/sbp.2011.39.3.333

14. Searle, W., Ward, C. The prediction of psychological and sociocultural adjustment during cross-cultural transitions // *International Journal of Intercultural Relations*. 1990. № 14. P. 449–464. DOI: 10.1016/0147-1767(90)90030-Z

Wang, Q., Hannes, K. Academic and socio-cultural adjustment among Asian international students in the Flemish community of Belgium: A photovoice project // *International Journal of Intercultural Relations*. 2014. № 39, pp. 66–81. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2013.09.013

Статья поступила в редакцию 18.07.2025; одобрена после рецензирования 02.09.2025; принята к публикации 04.09.2025.

The article was submitted 18.07.2025; approved after reviewing 02.09.2025; accepted for publication 04.09.2025.

Информация об авторах

О В. Кузнецова – кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков, заведующий кафедрой регионоведения АТР, руководитель сектора трансрегионализации Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков, Иркутский государственный университет; ассоциированный научный сотрудник Российско-китайского центра междисциплинарных исследований, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН;

К. А. Карапетян – стажер Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков, Иркутский государственный университет.

Information about the authors

O. V. Kuznetsova – Candidate of Philology, Associate Professor, dean, the faculty of foreign languages, the chair of the Asia-Pacific Regional Studies, Head of the trans-regionalization sector of the research center for trans-disciplinary regionology, the Irkutsk State University, Irkutsk, Russia;

Associate Researcher of the Russian-Chinese center for interdisciplinary studies, Sociological Institute of RAS, branch of the Federal center of theoretical and applied sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia;

K. A. Karapetyan – intern, the Research Center for trans-disciplinary regionology of Asia Pacific, faculty of foreign languages, the Irkutsk State University.

Научная статья
УДК 316.344.24(571.62)
<https://elibrary.ru/YNRNAN>

Социальные представления молодёжи Хабаровского края о престижности профессий

Петр Эдуардович Перепечай

НО «Фонд поддержки научной и научно-технической деятельности Хабаровского края»;
Дальневосточная государственная академия физической культуры, Хабаровск, Россия.
mr.perepechai@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-8276-4615>

Аннотация. Статья посвящена исследованию социальных представлений молодёжи Хабаровского края о престижности профессий как интегрального статусного конструкта. На основе массового опроса реконструируются ключевые детерминанты престижа (экономические ожидания, общественное признание, карьерные перспективы, условия труда, символический капитал), анализируются их взаимосвязи с критериями «хорошего рабочего места», образовательными траекториями и миграционными намерениями. Рассматривается территориальная специфика престижных иерархий в городской, районной и сельской среде и её соотнесённость с особенностями регионального рынка труда. В заключении предложены направления совершенствования профориентационной и информационной инфраструктуры, механизмы согласования образовательных выборов молодёжи с потребностями экономики, а также меры социальной регуляции, направленные на снижение дисбалансов и укрепление потенциала закрепления молодых специалистов в регионе.

Ключевые слова: престиж профессий, молодёжь, социальная стратификация, рынок труда, территориальные различия, миграционные намерения, Хабаровский край, непараметрические методы

Для цитирования: Перепечай, П. Э. Социальные представления молодёжи Хабаровского края о престижности профессий // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 3 (112). С. 133–141. EDN: YNRNAN

Original article

Social Representations of the Khabarovsk Territory Youth About the Prestige of Professions

Petr E. Perepechai

Found for the support of scientific and technical activities of the Khabarovsk territory;
Far Eastern State Academy of Physical Culture, Khabarovsk, Russia
mr.perepechai@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-8276-4615>

Abstract. The article is devoted to the study of social ideas of youth of the Khabarovsk territory about the prestige of professions as an integral status construction set. Based on a mass survey, the key determinants of prestige (economic expectations, public recognition, career prospects, working conditions, symbolic capital) are reconstructed, their relationships with the criteria of «good workplace», educational trajectories and migration intentions are analyzed. Territorial specifics of prestigious hierarchies in the urban, regional and rural environment and its correlation with the peculiarities of the regional labor market are considered. In conclusion, directions for improving the career guidance and information infrastructure, mechanisms for coordinating educational choice for young people with the

economy needs, as well as the social regulation measures aimed at reducing imbalances and strengthening the potential for securing young professionals in the region are offered.

Keywords: *prestige of professions, youth, social stratification, labor market, territorial differences, migration intentions, the Khabarovsk territory, non-parametric methods*

For citation: Perepechai, P. E. (2025) Social Representations of the Khabarovsk Territory Youth About the Prestige of Professions. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 3 (112), pp. 133–141. EDN: YNRNAN

Введение

Современные трансформации занятости и ускорение технологических изменений усиливают роль символических механизмов, через которые общество распределяет признание между профессиональными группами. Для молодёжных когорт особое значение приобретают социальные представления о престижности профессий, направляющие образовательные выборы и ранние трудовые стратегии, а также формирующие ожидания относительно «хорошего рабочего места» [Вебер, 2016; Бурдье, 2002]. В такой оптике престиж выступает интегральным статусным конструктом, соединяющим экономические и культурные параметры иерархий.

Хабаровский край представляет собой периферийный, сложный рынок труда, сочетающий промышленно-транспортное ядро и значимый сектор социальной инфраструктуры. Его удалённость и центро-периферийные обмены усиливают специфику локальных статусных кодов и каналов профессионализации [Перепечай, 2023; Шкаратан, 2012].

Актуальность исследования заключается в выявлении содержания и детерминант престижности в молодёжной среде региона, описании, каким образом критерии престижа (ожидаемый доход и стабильность, общественное признание, карьерные перспективы, условия и безопасность труда, символический капитал) сопрягаются с учебными траекториями и миграционными намерениями. Исследовательская новизна состоит в фокусе на интерсубъективных оценках как регуляторах локальной стратификации и мобильности.

Практическая значимость определяется возможностью калибровки профориентационных и информационных

инструментов, ориентированных на снижение дисбалансов на рынке труда и на укрепление потенциала закрепления молодых специалистов в крае. Полученные результаты релевантны для сравнительных исследований регионов со сходной структурой экономики и вызовами.

Методологические подходы и методы исследования

Исследование опирается на междисциплинарную рамку, объединяющую классические теории социальной стратификации, подход социальных представлений и инструменты анализа региональных рынков труда. Отправной точкой является многомерная концепция стратификации Питирима Сорокина, в которой престиж профессий трактуется как элемент статусного порядка и канал структурированной мобильности молодёжи между полями образования и занятости [Сорокин, 2005]. Для разведения экономического положения, статуса и власти используется веберовская типология классов, статусных групп и партий как автономных измерений социального пространства [Вебер, 2016].

Теоретическая логика включает функционалистскую дискуссию о стратификации как механизме распределения «важных» ролей: престижные позиции вознаграждаются выше вследствие дефицита компетенций и затрат их приобретения [Davis, Moore, 1945]. Критическая традиция подчёркивает конфликты интересов, институциональные барьеры и асимметричный доступ к капиталам, деформирующие критерии «заслуженной» престижности [Tumin, 1953; Dahrendorf, 1959]. Такое сочетание оптик предотвращает натурализацию локальных иерархий и позволяет выявлять точки их изменения в зависимости от институционального

контекста региона.

Для объяснения устойчивости и трансформации иерархий применяются идеи символического и социального капиталов: символический капитал закрепляет репутацию профессии в глазах общества и работодателей, социальный капитал снижает издержки доступа за счёт сетей доверия и обмена [Бурдьё, 2002; Coleman, 1988]. Поскольку предметом выступают именно массовые «картины мира», вводится подход социальных представлений Сержа Московичи, трактующий здравый смысл как коллективно производимое знание, нормализующее оценочные схемы и повседневные классификации «престижных» и «непрестижных» занятий [Moscovici, 1984].

Операционализация понятия «престиж профессии» опирается на международную традицию статусных индексов и сопоставимые ранжирования. Используются наработки по SEI¹, SIOPS² и ISEI³ с локальной калибровкой под специфику дальневосточного рынка труда [Duncan, 1961; Treiman, 1977; Ganzeboom, Treiman, 1996; Hauser, Warren, 1997]. Для увязки оценок и экономических стимулов привлекаются теории человеческого капитала, рыночного сигналинга и конкуренции за рабочие места, что позволяет различать источники дохода и источники признания и фиксировать расхождения между оплатой труда и репутацией профессий [Becker, 1993; Spence, 1973; Thurow, 1979].

Эмпирический дизайн реализует смешанный подход. Количественный блок основан на стандартизированном анкетировании молодёжи Хабаровского края: старшие школьники, обучающиеся колледжей, студенты вузов, молодые работники. Инструментарий включает батарею детерминант престижности (уро-

вень дохода, общественное признание, безопасность и условия труда, статусные привилегии, карьерные перспективы), ранжирование профессиональных групп по критериям «престиж», «полезность», «желаемость», а также индикаторы образовательных и миграционных намерений. Конструирование шкал, формулировки вопросов и процедуры полевого контроля валидируются с опорой на стандарты опросных исследований и принципы измерения в социологии [Fowler, 2014; Толстова, 1998].

Качественный блок представлен полуструктурированными интервью и фокус-группами, сформированными по гомогенным основаниям (уровень образования, тип поселения, профиль подготовки). Интервью реконструируют «языки описания» престижа, роли значимых взрослых, медийные источники и кейсы локальных карьер. Фокус-группы позволяют выявлять коллективные критерии легитимации оценок, различия по полу и месту жительства и пороговые представления о «правильной» престижной траектории [Morgan, 1997]. Аналитическая обработка сочетает тематическое кодирование и сопоставление с количественными профилями для триангуляции выводов.

Контекстуальный слой строится на официальной статистике и институциональных источниках: структура занятости и заработной платы по отраслям, динамика вакансий и кадрового дефицита, параметры образовательной инфраструктуры и региональные программы развития⁴. Для интерпретации «нормативной карты» престижа привлекаются мониторинги общественного мнения, фиксирующие общероссийские рейтинги престижных и доходных профессий⁵. Региональная идентичность и пространственная специ-

¹ SEI – Socioeconomic Index of Occupational Status: индекс социально-экономического статуса профессий, агрегирующий доход и образование работников.

² SIOPS – Standard International Occupational Prestige Scale: международная шкала престижа профессий, основанная на опросных оценках общественного статуса.

³ ISEI – International Socio-Economic Index of Occupational Status: индекс, связывающий образование, профессиональный статус и доход, обеспечивающий международную сопоставимость.

⁴ Хабаровскстат (ТО Росстата по Хабаровскому краю). Списочная численность работников и потребность организаций в работниках для замещения вакантных рабочих мест на 31 октября 2024 г. Хабаровск: Хабаровскстат, 2025. URL: <https://27.rosstat.gov.ru/folder/25721> (дата обращения: 23.05.2025).

⁵ ВЦИОМ. Наиболее престижные и доходные профессии: мониторинг: пресс-выпуски и обзоры. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/naibolee-prestizhnye-i-dokhodnye-professii-monitoring> (дата обращения: 15.07.2025).

фика учитываются через рамку исследования идентичности и территориального позиционирования [Paasi, 2013], а институциональные условия рынка труда – через аналитические обзоры по занятости и оплате труда [Капелюшников, 2023].

Стратегия выборки направлена на репрезентацию молодёжи края: используется стратифицированный отбор по типу поселения и уровню образования с квотами по полу и возрасту. Постстратификационные веса корректируют структуру массива. Проверяются надёжность шкал и устойчивость ранжирований, применяются непараметрические критерии согласованности, регрессионные модели для тестирования детерминант престижности и кластерные процедуры, выявляющие типологии представлений.

Этические регламенты включают информированное согласие, право на отказ, анонимизацию и минимизацию рисков стигматизации «непрестижных» занятий. Ограничения фиксируются заранее: поперечный срез, зависимость от самоотчётов, эффекты социальной желательности и медийной повестки, а также сезонность спроса на рынке труда. Они компенсируются треугольной историчностью, сопоставлением с объективированными контекстами и проверкой альтернативных спецификаций.

Предложенная методологическая конфигурация позволяет связать социальные представления молодёжи о престижности профессий с их образовательными и миграционными решениями. Сопоставляя престиж профессий с престижем конкретных рабочих мест (репутация работодателя, прозрачность карьерных лестниц, наличие наставничества), мы уточняем механизмы удержания молодых специалистов в регионе и выделяем зоны политики, где символические стимулы согласуются с институциональными возможностями [Климов, 2005; Радаев, 2003].

Результаты исследования

Эмпирическая база исследования охватывает 1977 респондентов молодёжного возраста Хабаровского края и три территориальные подвыборки: Хабаровск (N=1140), сельская местность (N=642) и районные центры (N=195). Полученный массив позволяет реконструировать престиж профессии как интегральный статус, в котором экономические ожидания, ка-

рьерные перспективы, институционально-трудовые условия, символические маркеры и общественная значимость образуют согласованную систему. Проверка конвергентной валидности с помощью ранговых корреляций Спирмена показала, что выбранные индикаторы «ядра» престижности согласованно связаны с практическими критериями «хорошего рабочего места», что задаёт надёжную основу для интерпретации.

В оценках молодёжи Хабаровского края лидируют «востребованность на рынке труда» (63,3%) и «высокий уровень оплаты» (61,6%). Эти два основания образуют устойчивый экономико-функциональный «каркас» престижности. Третьим по значимости выступает «возможность карьерного роста» (50,3%), фиксирующая инвестиционную логику выбора профессии и ожидание вознаграждения в динамике жизненного пути. Нормативно-символический слой представлен «уважением со стороны общества» (38,7%) и «значимостью профессии для региона» (36,6%). Содержательно-деятельностный мотив «интересный вид деятельности» набирает 25,9% и дополняет экономико-карьерный блок, а не конкурирует с ним. Доля неопределённости невелика: вариант «трудно сказать» выбрали 6,6% респондентов.

При общей стабильности ТОП-3 детерминант фиксируются умеренные смещения акцентов. В Хабаровске чаще подчёркивается «высокая оплата» (64,0% против 56,1% в сельской местности), что соотносится с более конкурентной городской средой труда и большим разнообразием высокодоходных ниш. В сельской местности несколько выше доля выбора «интересной работы» (27,4% против 24,4% в городе), а в наборе критериев «хорошего места» заметнее «близость к дому» и «простота труда». Районные центры по профилю детерминант ближе к городской конфигурации, однако сильнее «слышат» запрос на инженерно-инфраструктурные траектории.

На основе матрицы ранговых корреляций Спирмена между бинарно закодированными выборами респондентов выявленные связки между основаниями престижности и практическими критериями выбора работы подтверждают «переводимость» ценностных установок в поведение. Выбор «высокой оплаты» как основа-

ния престижа положительно сопряжён с критерием «большая зарплата» при оценке «хорошего места» ($\rho^6 = 0,328$; $p^7 < 0,01$) и, хотя и слабее, с ориентацией на карьерный рост ($\rho = 0,129$; $p < 0,01$) и «комфортные условия» ($\rho = 0,095$; $p < 0,01$). Детерминанта «возможность карьерного роста» коррелирует с ожиданием высокой зарплаты ($\rho = 0,129$; $p < 0,01$) и с содержательной привлекательностью труда. Норматив «значимость для региона» положительно связан с выбором «комфортных условий» ($\rho = 0,122$; $p < 0,01$) и установкой «чтобы работа нравилась» ($\rho = 0,099$; $p < 0,01$), что свидетельствует: общественно полезная деятельность мыслится как институционально защищённая, качественно организованная занятость. Содержательно-деятельностный мотив («интересный вид деятельности») закономерно сопряжён с одноимённым критерием выбора работы ($\rho = 0,158$; $p < 0,01$). Одновременно «близость к дому» образует устойчивые отрицательные связи с «большой зарплатой» ($\rho = -0,125$; $p < 0,01$), «комфортом» ($\rho = -0,094$; $p < 0,01$) и «интересной работой» ($\rho = -0,073$; $p < 0,01$), тем самым структурируя альтернативный, «локально-адаптивный» режим ожиданий.

В личных ТОП-3 устойчиво доминируют ИТ-специалист (48,6% включений), врач (32,4%) и бизнесмен/предприниматель (31,9%). Во «второй линии» располагаются адвокат (22,1%) и директор/руководитель (19,2%); далее следуют военный (18,4%), нефтяник (17,1%), пожарный/МЧС (16,7%), блогер (13,5%) и инженер (11,3%). Конфигурация одновременно «рыночна» (акцент на высокие доходы, быстрые карьерные траектории, престиж работодателя) и «социальна» (сохранение высокого статуса медицинских и силовых ролей). Такая двойственность согласуется с профильными детерминантами: экономико-карьерный блок сопрягается со статусно-символическими

ожиданиями и требованиями к качеству трудовой среды.

Непараметрические сравнения (Н Краскела–Уоллиса⁸, $\alpha=0,01$) фиксируют, что общий набор престижных статусов «собирается» в разные композиции в зависимости от типа поселения. В Хабаровске сильнее выражены управленческо-рыночные позиции: ИТ-специалист (51,6%), бизнесмен/предприниматель (34,6%), директор (21,7%), адвокат (21,2%); в десятке замечен «депутат» (16,5%). В сельской местности ядро смещается к общественно значимым и силовым ролям: помимо ИТ (43,9%) высоки доли «врача» (32,9%), «военного» (22,0%), «пожарного/МЧС» (19,5%); присутствует «нефтяник» (16,4%), а в нижней части десятки — «косметолог» (12,0%) как маркер локально востребованных сервисов. В районных центрах технологическая компонента усиливается: при сопоставимых долях ИТ (47,2%) и врача (33,8%) выше представление инженерно-индустриального спектра (инженер — 16,9%; нефтяник — 17,4%; директор — 16,4%). Значимые различия фиксируются как по позициям, «пересобирающим» локальные ядра (ИТ-специалист, бизнесмен, военный, директор, железнодорожник, инженер, косметолог, учитель, музыкант, повар), так и по оценкам общественной пользы (сфера услуг, военная служба, госслужба, инженерия).

Корреляционная структура совместного включения профессий в личные ТОП-3 выявляет несколько устойчивых «семейств» статусов. Экономико-административный блок (банкир — бухгалтер — менеджер — директор) формирует ядро офисно-корпоративного престижа. Внутри него наблюдаются тесные связи «менеджер — маркетолог» и «менеджер — бухгалтер», что отражает целостную нормативную фигуру управленца, владеющего координацией, коммуникациями и финансовым контролем. К этому ядру примыкает креативно-

⁶ ρ (ρ_0) — коэффициент ранговой корреляции Спирмена, измеряет силу и направление монотонной связи между признаками (от -1 до +1; знак показывает направление, модуль — силу связи).

⁷ p — достигнутый уровень статистической значимости (p -value); $p < 0,01$ означает, что вероятность получить такую или более сильную связь случайно меньше 1 %. Пример чтения: « $\rho = 0,328$; $p < 0,01$ » — положительная статистически значимая связь умеренной силы; « $\rho = -0,125$; $p < 0,01$ » — значимая отрицательная связь. В опросных данных с бинарной кодировкой значений ρ порядка 0,05–0,20 обычно трактуются как слабые, но интерпретируемые эффекты.

⁸ Н-критерий Краскела–Уоллиса — непараметрический тест для сравнения ≥ 3 независимых групп при порядковых или ненормально распределённых данных. Он ранжирует все наблюдения и сравнивает суммы рангов между группами.

медийный контур (дизайнер, актёр, музыкант, журналист, блогер, маркетолог, переводчик), демонстрирующий рыночную капитализацию культурного и коммуникационного капитала; «бьюти-сервис» (косметолог, парикмахер, повар) плотно прилегает к нему и к офисному сегменту, задавая клиентоориентированное поле престижа. На противоположном полюсе расположен «гражданско-заботный» кластер вокруг «врача» и «учителя», который образует прочные «мосты» с профессиями общественной безопасности («пожарный/МЧС», «военный») и статистически дистанцируется от предпринимательского и инфлюенсерского полей. Силово-героический и транспортно-индустриальный блок собирает «военного», «пожарного/МЧС», «пилота/лётчика», «железнодорожника» и «инженера», акцентируя рискогеройство, технологичность и ресурсную экономику. «IT-специалист» занимает амбивалентную позицию: положительно сопряжён с предпринимательским ядром и маркетинговыми ролями, но показывает устойчивые отрицательные связи с «врачом», «пожарным/МЧС» и «депутатом», что фиксирует отдельное символическое поле инноваций и рыночной капитализации.

Представления о престижности согласуются с ответами о «важных для развития края» и «востребованных сегодня» профессиях. Различия между типами поселений статистически значимы для сферы услуг, военной службы, госуправления и инженерии: город чаще указывает на сервисно-управленческий и IT-контур модернизации, сельская местность – на безопасность и здравоохранение, районные центры – на инженерно-инфраструктурное ядро экономики. Эта конгруэнтность показывает, что престижные ожидания «подстраиваются» под локально распознаваемые ниши рынка труда.

Поступление в вуз обладает устойчиво высоким престижем: 55,9% выбирают ответ «да», ещё 27,4% – «скорее да». Различия между типами поселений проявляются именно по безусловной поддержке вуза ($p < 0,01$): в краевом центре она выше, чем в сельской местности, что отражает неодинаковую «плотность» университетских траекторий. Программы среднего профессионального образования воспринимаются как легитимная,

но «мягче» маркированная престижем альтернатива (25,6% «да» и 31,3% «скорее да»), с более ровным пространственным распределением. На уровне индивидуальных стратегий 42,9% уже имеют персональный план карьерной подготовки, ещё 29,0% заявляют о намерении его разработать; различия между территориями умеренные, что позволяет трактовать планирование как норму ранней профессионализации. Источники социализации фиксируют баланс автономии и семейной поддержки: «самостоятельный выбор» называют 78,3% опрошенных, влияние родителей отмечают 34,4%; роль учителей (7,0%) и расширенной семьи (9,1%) ограничена. Медийные каналы (СМИ/Интернет) фигурируют у 17,8% и варьируют территориально (ниже в сельской местности, выше в районных центрах), что отражает неодинаковую плотность информационных сред.

Молодёжь демонстрирует высокую готовность пользоваться единой региональной онлайн-платформой о профессиях и карьере: суммарно 65% отвечают «да, обязательно» или «скорее да». Структура запрашиваемого контента воспроизводит «ядро» престижных ожиданий: прежде всего интерес к уровню заработной платы в регионе (63,7%) и к описаниям профессий и основных обязанностей (60,6%); далее – «где получить профессию» (45,6%) и «возможности карьерного роста» (45,1%); дополнительно – «отзывы работников» (33,6%) и списки вакансий (31,5%). Тем самым образовательные и информационные каналы переводят символические оценки в язык «узнаваемых выгод» – доход, карьерная мобильность, институциональное качество занятости.

Корреляционная структура критериев «хорошего рабочего места» подтверждает наличие двух режимов. «Экспансионистский» профиль включает притязания к высокой зарплате, комфортным условиям, социальному пакету и свободному графику и сопряжён с ориентацией на престиж работодателя. «Инерционно-локальный» профиль опирается на близость к дому и простоту функций и вступает в противоречие с «дорогими» ожиданиями: «близость» отрицательно связана с «большой зарплатой», «интересной работой» и «комфортом», но положитель-

но – с «простотой». Эти режимы согласуются с кластерами престижных образов: рыночно-техно-креативные поля чаще «подтягивают» экспансионистские ожидания, а «гражданско-заботный» и сервисный кластеры поддерживают удерживающие факторы.

Территориальная принадлежность сама по себе не разделяет группы по готовности уехать/остаться (Н Краскела-Уоллиса⁸: различия по месту проживания незначимы), что подчёркивает опосредующий характер локального контекста: важны не столько «город/село», сколько совпадение престижных ожиданий с реально доступными возможностями. По детерминантам престижности единственная значимая разница между группами с разными миграционными планами касается «высокого уровня оплаты труда» ($p < 0,01$): экономический компонент статистически отделяет склонных к мобильности от ориентированных на закрепление. По критериям выбора места работы различия шире: «близость к дому», «престиж организации», «зарплата», «свободный график», «чтобы работа нравилась» (все $p < 0,01$). Это позволяет реконструировать механизм принятия решений: чем более «инвестиционным» является престижный профиль (зарплата+карьера+качество условий+статус работодателя), тем выше вероятность рассматривать внешние рынки занятости; преобладание «локально-адаптивного» профиля, напротив, сопряжено с удерживающими факторами.

Сравнение ценностных профилей фиксирует различия между городом и селом по позициям «интересная работа», «любовь», «материально-обеспеченная жизнь», «развлечения», «уверенность в себе»; в интерпретации это проявляется как более инструментальная конфигурация в краевом центре и более гедонистическая и автономная – на селе. В иерархиях престижности ИТ-специалист везде занимает верхние позиции, однако его символическое превосходство слабее в сельской местности, чем в Хабаровске; «врач» стабильно удерживает топ-позицию (особенно на селе), а «бизнесмен/предприниматель» сильнее маркирует престиж в городе. Представления о «важных для развития края» и «востребованных сегодня» профессиях

воспроизводят ту же логику: город чаще подчеркивает сервисно-управленческий и ИТ-контур модернизации, село – безопасность и здравоохранение, районные центры – инженерные и транспортные позиции. Тем самым локальные рынки труда и институциональные условия «настраивают» периферию общего «ядра» престижности.

Значения коэффициентов связей невысоки – это ожидаемо для многовариантных номинальных индикаторов и непараметрических процедур. Однако направленность эффектов устойчива, повторяется в подмассивах и поддерживается содержательной логикой регионального контекста. Это повышает доверие к выводам и задаёт основу для последующего многомерного анализа медиаторной роли образовательного статуса, ценностных установок и локального рыночного режима.

Зафиксирована согласованная конфигурация престижности профессий в молодёжной среде Хабаровского края: экономико-карьерное «ядро», территориально детерминированные периферии и внутренняя кластерная структура престижных образов. Эти три измерения совместно направляют образовательные и трудовые решения, а через них – готовность к пространственной мобильности. Практически это означает необходимость точной настройки профориентационных и кадровых инструментов под территориальные «ниши» престижа: ИТ и предпринимательство – для городских агломераций; инженерия и транспорт – для районных центров; здравоохранение, образование и силовые службы – для сельских территорий. Усиление прозрачности карьерных лестниц, повышение качества условий труда и укрепление статуса работодателей универсально резонируют с экономико-карьерными ожиданиями и способны повышать шансы закрепления молодёжи в регионе.

Заключение

Исследование выявило устойчивую конфигурацию престижности профессий у молодёжи Хабаровского края: экономико-карьерное «ядро» (востребованность, высокая оплата, рост) дополняется статусно-символическими и деятельностью ориентирами. На этом

фоне складываются различные территориальные композиции: в городе усиливается IT-предпринимательский контур, в районных центрах — инженерно-инфраструктурный, в сельской местности — медицинско-силовой. Кластерная архитектура престижных образов согласуется с критериями «хорошего рабочего места» и задаёт поведенческую валидность конструкта: «экспансионистский» профиль связан с мобильностью, «локально-адаптивный» — с закреплением. Ключевым «шарниром» миграционной готовности выступает ожидание высокой оплаты.

Практически это требует таргетированных мер: прозрачных карьерных лестниц, улучшения условий труда, усиления статуса работодателей и адресной

профориентации под локальные ниши. Универсальным ресурсом остаётся развитие образовательных каналов и региональной информационной платформы о профессиях. Ограничения исследования связаны с номинальной природой индикаторов и пересечениями эффектов; однако направленность связей устойчива. Перспективы включают многомерное моделирование медиаторной роли образования и ценностей, лонгитюдные замеры и сопоставления с другими регионами. Сегментированные рекомендации следует тестировать на пилотных площадках региона с оценкой эффекта. Полученные результаты задают эмпирическую основу для согласования молодежной политики, рынка труда и стратегий пространственного развития.

Список источников/ References:

1. Бурдьё, П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74. Bourdieu, P. (2002) Forms of Capital. *Economic Sociology*, vol. 3, no. 5, pp. 60–74. (in Russ.).
2. Вебер, М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. / [пер. с нем.]; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина; НИУ ВШЭ. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. Т. I: Социология. 445 с.
Weber, M. (2016) *Economy and Society: Essays on Understanding Sociology*: in 4 volumes / [translated from German]; compiled, general editor and foreword by L. G. Ionina; National Research University Higher School of Economics. – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, vol. I: Sociology. 445 p. (in Russ.).
3. Капелюшников, Р. И. Российский рынок труда: статистический портрет на фоне кризисов: препринт WP3/2023/02. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 78 с. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-8-5-37 EDN: USUZBY
Kapelyushnikov, R. I. (2023) *The Russian Labor Market: A Statistical Portrait Against the Background of Crises*: preprint WP3/2023/02. – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 78 p. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-8-5-37 EDN: USUZBY (in Russ.).
4. Климов, Е. А. Психология профессионального самоопределения: учебное пособие. 2-е изд., испр. – М.: Академия, 2005. 304 с.
Klimov, E. A. (2005) *Psychology of Professional Self-Determination: a study guide*. 2nd ed., corrected. – Moscow: Academy, 304 p. (in Russ.).
5. Перепечай, П. Э. Профессиональная стратификация как социальный феномен на региональном рынке труда Хабаровского края // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 2 (103). С. 95–107. DOI: 10.22394/1818-4049-2023-103-2-95-107 EDN: XABKLZ
Perepechai, P. E. (2023) Professional stratification as a social phenomenon in the regional labor market of Khabarovsk Krai. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 2 (103), pp. 95–107. DOI: 10.22394/1818-4049-2023-103-2-95-107 EDN: XABKLZ (in Russ.).
6. Радаев, В. В. Социология рынков: к формированию нового направления. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. 328 с.
Radaev, V. V. (2003) *Sociology of markets: towards the formation of a new direction*. – Moscow: State University Higher School of Economics, 328 p. (in Russ.).
7. Сорокин, П. Социальная мобильность / пер. с англ. М. В. Соколовой. – М.: Академия; LVS, 2005. 588 с.

- Sorokin, P. (2005) *Social Mobility* / translated from English by M. V. Sokolova. – Moscow: Academia; LVS, 588 p. (in Russ.).
8. Толстова, Ю. Н. Измерение в социологии: курс лекций. – М.: ИНФРА-М, 1998. 224 с.
Tolstova, Yu. N. (1998) *Measurement in Sociology: A Course of Lectures*. – Moscow: INFRA-M, 224 p. (in Russ.).
9. Шкаратан, О. И. Социология неравенства: теория и реальность. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 526 с.
Shkaratan, O. I. (2012) *Sociology of Inequality: Theory and Reality*. – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 526 p. (in Russ.).
10. Becker, G. S. (1993) *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*. 3rd ed. – Chicago; London: University of Chicago Press, 412 p.
11. Coleman, J. S. (1988) Social Capital in the Creation of Human Capital. *American Journal of Sociology*, vol. 94, Supplement, pp. 95–120.
12. Dahrendorf, R. (1959) *Class and Class Conflict in Industrial Society*. – Stanford: Stanford University Press, 358 p.
13. Davis, K., Moore W. E. (1945) Some Principles of Stratification // *American Sociological Review*, vol. 10, no. 2, pp. 242–249.
14. Duncan, O. D. (1961) A Social Economic Index for All Occupations. *Occupations and Social Status*. New York: Free Press, pp. 109–138.
15. Fowler, F. J. (2014) *Survey Research Methods*. – 5th ed. – Thousand Oaks: SAGE. 171 p.
16. Ganzeboom, H. B. G., Treiman, D. J. (1996) Internationally Comparable Measures of Occupational Status for the 1988 ISCO. *Social Science Research*, vol. 25, no. 3, pp. 201–239.
17. Hauser, R. M., Warren, J. R. (1997) Socioeconomic Indexes for Occupations: A Review, Update, and Critique. *Sociological Methodology*, vol. 27, is. 1.
18. Morgan, D. L. (1997) *Focus Groups as Qualitative Research*. – 2nd ed. – [S.l.]: [s.n.]. – (Qualitative Research Methods; v. 16).
19. Moscovici, S. (1984) The Phenomenon of Social Representations // *Social Representations* / ed. by R. M. Farr, S. Moscovici. – Cambridge: Cambridge University Press, pp. 3–69.
20. Paasi A. (2013) Regional Planning and the Mobilization of 'Regional Identity': From Bounded Spaces to Relational Complexity. *Regional Studies*, vol. 47, no. 8, pp. 1–14.
21. Spence, M. (1973) Job Market Signaling. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 87, no. 3, pp. 355–374.
22. Thurow, L. C. (1979) A Job Competition Model. *Unemployment and Inflation: Institutional and Structuralist Views* / ed. by M. J. Piore. – White Plains, N.Y.: M. E. Sharpe, pp. 17–32.
23. Treiman, D. J. (1977) *Occupational Prestige in Comparative Perspective*. New York: Academic Press.
24. Tumin, M. M. (1953) Some Principles of Stratification: A Critical Analysis. *American Sociological Review*, vol. 18, no. 4, pp. 387–394.

Статья поступила в редакцию 21.07.2025; одобрена после рецензирования 03.09.2025; принята к публикации 05.09.2025.

The article was submitted 21.07.2025; approved after reviewing 03.09.2025; accepted for publication 05.09.2025.

Информация об авторе

П. Э. Перепечай – соискатель, начальник отдела проектной работы и стратегического развития НО «Фонд поддержки научной и научно-технической деятельности Хабаровского края»; преподаватель кафедры менеджмента, экономики спорта и туризма, Дальневосточная государственная академия физической культуры.

Information about the author

P. E. Perepechai – applicant, head of the department of project work and strategic development of the «Found for the support of scientific and technical activities of the Khabarovsk territory; teacher of the chair of management, economics of sport and tourism, the Far-Eastern State Academy of Physical Culture.

ПРЕДСТАВЛЯЮ К ЗАЩИТЕ

Научная статья

УДК 316.356.2:159.9

<https://elibrary.ru/ZBOIPM>

Оценки молодежью внутрисемейных отношений как условие для психологической помощи и поддержки: социологический анализ

Эдгард Александрович Зайцев

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления –
филиал, Хабаровск, Россия
12345zaiaz67@mail.ru

Аннотация. В научной статье представлен анализ результатов регионального социологического исследования «Молодежь Хабаровского края: состояние, проблемы и перспективы развития», раскрывающего особенности состояния внутрисемейных конфликтов, психологического самочувствия молодежи. Важно понимать, что социальный комфорт и психологическое благополучие молодежи в семье в значительной степени определяются как наличием и масштабами внутрисемейных конфликтов, так и способностью членов семьи эффективно их смягчать и разрешать. Поэтому для нас было важным выявить наличие и частоту семейных конфликтов, их причины и способы разрешения, а также востребованность молодежью психологической помощи и поддержки. Результаты проведенного исследования выявили распространенность внутрисемейных конфликтов, связанных в большей степени с особенностями межличностных отношений. Молодежь продемонстрировала высокий уровень потребности в психологической помощи и поддержке, связанной в значительной степени с самооценкой и самопринятием, что указывает на трудности во взаимодействии молодежи с окружающими. Выявленный высокий уровень тревожности сознания молодежи вызван ее неуверенностью и неопределенностью различных условий ее жизнедеятельности, в связи с чем молодежь Хабаровского края продемонстрировала особый запрос на оказание психологической помощи и поддержки со стороны органов государственных власти, реализующих молодежную политику.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, семейные конфликты, психологическое благополучие, психологическая помощь и поддержка

Для цитирования: Зайцев, Э. А. Оценки молодежью внутрисемейных отношений как условие для психологической помощи и поддержки: социологический анализ // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 3 (112). С. 142–150. EDN: ZBOIPM

Young People's Assessments of Intra-family Relationships as a Condition for Psychological Assistance and Support: Sociological Analysis

Edgard A. Zaytsev

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA, Khabarovsk, Russia
12345zaiaz67@mail.ru

Abstract. *This scientific article presents analysis of the results of regional sociological study «Youth of the Khabarovsk territory: state, problems and development prospects,» which reveals the features of intra-family conflicts, psychological well-being of young people. It is important to understand that the social comfort and psychological well-being of youth in the family is largely determined by both the presence and scale of intra-family conflicts and the ability of family members to effectively mitigate and resolve them. Therefore, it was important for us to identify the presence and frequency of family conflicts, their causes and methods of resolving, as well as the demand for psychological assistance and support by young people. Results of the study revealed the prevalence of intra-family conflicts associated to a greater extent with the characteristics of interpersonal relationships. Young people demonstrated the high level of need for psychological help and support related largely to the self-esteem and self-acceptance, indicating difficulties in youth interaction with others. The revealed high level of anxiety of consciousness of young people is caused by the uncertainty of various conditions of their life. In this connection, the youth of the Khabarovsk territory demonstrated special request for psychological assistance and support from the state authorities implementing the youth policy.*

Keywords: youth, youth policy, family conflicts, psychological well-being, psychological help and support

For citation: Zaytsev, E. A. (2025) Young People's Assessments of Intra-family Relationships as a Condition for Psychological Assistance and Support: Sociological Analysis *Power and Administration in the East of Russia*, no. 3 (112), pp. 142–150. EDN: ZBOIPM

Введение

Семья выступает наиболее значимым социальным институтом, участвующим в процессах социализации молодежи. И очень многое в состоянии психологического самочувствия молодежи зависит от состояния семейной атмосферы, умения выстраивать внутрисемейный диалог. Как отмечает один из ведущих специалистов в области социологии молодежи В. Т. Лисовский: «Диалог поколений, обеспечивающий преемственность исторической жизни человечества, является законом социокультурного развития. При этом отсутствие взаимопонимания в семье приводит к подавленности, отчужденности, к ухудшению психологического и физического состояния» [Лисовский,

2003. С. 280, 291].

Согласно К. Манхейму, важно исследование «взаимодействия поколений друг с другом, поскольку передача опыта от одного к другому выступает основой взаимного общения поколений» [Семенова, 2009. С. 41]. С точки зрения его коммуникативного подхода рассмотрение внутрисемейных коммуникативных связей выступает основой для формирования поколенческого единства.

С точки зрения феноменологической концепции А. Шюца в изучении социальной повседневности важное значение занимает вопрос: как люди понимают друг друга в повседневной жизни? Особое значение при этом имеет понимание непосредственного окружения инди-

вида, так называемый «мир партнеров» [Шубрт, Подвойский, 2024. С. 317].

Поэтому в рамках настоящей работы было важным изучить особенности состояния внутрисемейных отношений и разобраться, как они влияют на психологическое самочувствие молодежи, какова потребность молодежи в психологической помощи и поддержке.

Методика исследования

В основе выводов и научной аргументации настоящей статьи лежат результаты социологического исследования по теме: «Молодежь Хабаровского края: состояние, проблемы и перспективы развития» (далее – исследование 2025 г.), проведенного автором под научным руководством кандидата социологических наук, доцента, директора АНО «Дальневосточные социологические исследования» Ю. В. Березутского в мае – июне 2025 г. на территории Хабаровского края. В исследовании приняло участие 1200 молодых людей в возрасте от 14 до 35 лет трех возрастных групп: 14–17 лет; 18–24 года и 25–35 лет. Ошибка выборки не превышает $\pm 5\%$. Выборка репрезентативна по полу, возрасту и территории проживания респондентов в муниципальных образованиях Хабаровского края.

Семейные конфликты в оценках молодежи

В определяющей степени семья, в которой воспитывается молодой человек, является главной социальной средой его состояния и самочувствия, в значительной степени определяет его настоящее, а во многом и будущее. Поэтому одной из задач нашего исследования являлось, прежде всего, выявление особенностей семейных конфликтов, являющихся питательной средой психологического самочувствия, а зачастую и психологических проблем молодежи.

Воспитание молодого человека в семье может иметь как благоприятное для него психологическое воздействие, так и наоборот – может приводить к психологическим проблемам, психическим расстройствам. Как отмечают современные исследователи: «Неблагоприятные условия в семье, такие как эмоциональное насилие, пренебрежение, частые конфликты или развод родителей, могут стать триггерами для развития тревожных расстройств,

депрессии, посттравматического стрессового расстройства и других нарушений» [Музеев, Понидзельская, Дурицкая, 2025. С. 303].

Следует отметить, что семейные конфликты – это обыденная реальность, которая, как отмечает социолог Ю. С. Борцов, «пронизывает все семейные отношения, проникая потенциально в каждую семейную интеракцию» [Борцов, 2019. С. 199].

При этом социальный комфорт и психологическое благополучие детей и молодежи в семье в значительной степени определяются как наличием и масштабами внутрисемейных конфликтов, так и способностью членов семьи эффективно их смягчать и разрешать. Кроме того, важным фактором является наличие ресурсов и знаний для обращения за внешней психологической помощью и поддержкой, что, безусловно, может способствовать более успешному разрешению конфликтов.

Согласно результатам нашего исследования 2025 г., действительно, семейные конфликты пронизывают самые различные сферы семейных коммуникаций.

Внутрисемейные конфликты возникают с разной частотой и периодичностью. В подавляющем большинстве семей конфликты присутствуют. Лишь 15,5% респондентов отметили, что в их семьях конфликты никогда не возникают. Практически в каждой десятой семье (8,4%) конфликты возникают часто. В половине семей (45,6%) конфликты возникают редко, а в каждой третьей семье (30,5%) они иногда случаются.

В большей степени причины семейных конфликтов связаны с бытовыми проблемами (39,4%), различиями в интересах и взглядах (34,6%) и непониманием членами семьи друг друга – грубостью, неверностью, неуважением (30,5%) (табл. 1).

Полученные результаты свидетельствуют, что повседневные вопросы, такие как распределение домашних обязанностей и несовпадение жизненных приоритетов, являются основными триггерами внутрисемейных конфликтов. Непонимание между членами семьи, трансформируемое в грубость, неверность, неуважение друг к другу, также подтверждает важность межличностных коммуникаций в профилактике конфликтов.

Результаты исследования показывают, что семьи в подавляющем своем большинстве пытаются справиться с разрешением конфликтов самостоятельно: 59,9% используют примирение и еще 52,3% стремятся совместно обсудить сложившиеся противоречия и принять обоюдоприемлемое решение (табл. 2).

Тем не менее практически в каждой десятой семье (8,6%) конфликты имеют затяжной характер и практически не разрешаются. При этом лишь 3,6% обращаются за помощью к психологам и еще 2,5% обращаются за помощью к психологическим услугам онлайн, что может свидетельствовать как о низком уровне дове-

рия к внешней помощи (нежелании семей «выносить сор из избы»), так и о недостаточной осведомленности об имеющихся доступных психологических ресурсах.

Потребность в психологической помощи у молодежи

Потребность у молодежи в психологической помощи, с одной стороны, выступает индикатором наличия проблем психологического состояния и неспособности саморегуляции этих проблем. С другой стороны, наличие потребности свидетельствует о важности создания условий для психологической помощи и поддержки молодежи со стороны социальных институтов общества, включая

Таблица 1

Результаты ответа респондентов на вопрос анкеты: «Укажите, пожалуйста, основные причины Ваших семейных конфликтов, ссор»

(в % от числа опрошенных, отметивших наличие семейных конфликтов; сумма вариантов ответа превышает 100%, т. к. согласно методике опроса можно было выбрать несколько вариантов ответа)

Причины семейных конфликтов	%
Непонимание членами семьи друг друга (грубость, неверность, неуважение)	30,5
Различие в интересах, взглядах	34,6
Разногласия в воспитании детей	10,4
Бытовые проблемы	39,4
Финансовые проблемы	16,7
Вредные привычки (употребление алкоголя, курение)	12,3
Жилищные проблемы (отсутствие жилья, конфликты с родственниками из-за проживания на одной территории)	7,3
Взаимоотношения с родителями, родственниками, друзьями	10,5
Особых причин нет	15,4

Источник: составлено автором по результатам исследования по теме: «Молодежь Хабаровского края: состояние, проблемы и перспективы развития», 2025 г.

Таблица 2

Результаты ответа респондентов на вопрос анкеты:

«Каковы способы разрешения конфликтов в Вашей семье?»

(в % от числа опрошенных; сумма вариантов ответа превышает 100%, т. к. согласно методике опроса можно было выбрать несколько вариантов ответа)

Способы разрешения конфликтов	%
1. Примирение	59,9
2. Обсуждение ситуации и принятие обоюдоприемлемого решения	52,3
3. Прекращение конфликтов на некоторое время	14,0
4. Конфликты практически не разрешаются, имеют затяжной характер	8,6
5. Обращение за помощью к другим людям (родителям, соседям, друзьям, учителям)	3,6
6. Обращение за помощью к психологам	3,6
7. Обращение за помощью к Интернет-ресурсам, онлайн-психологическим услугам	2,5
8. Другое (компромисс, игнорирование, просто забыли, само по себе пройдет)	3,4

Источник: составлено автором по результатам исследования по теме: «Молодежь Хабаровского края: состояние, проблемы и перспективы развития», 2025 г.

органы молодежной политики.

Результаты нашего исследования 2025 г. показали достаточно высокий уровень потребности молодежи в психологической помощи и поддержке. Более половины опрошенной молодежи с различной степенью частоты нуждаются в ней: 11,3% – часто нуждаются, 20,4% – иногда нуждаются и 22,9% – нуждаются в помощи, но редко. Лишь 45,4% молодых людей отмечают отсутствие нужды в психологической помощи.

Анализ ответов молодежи показал, что наиболее значимая потребность молодежи в психологической помощи (43,3%) связана с принятием себя, самооценкой и самореализацией. Это, возможно, указывает на проблемы с формированием социальной самоидентичности, что может быть связано как с определенным социальным давлением со стороны общества, так и диссонансом между собственными ожиданиями и существующей реальностью. Неслучайно, что в значительной степени молодежь сегодня пребывает в состоянии страхов и неопределенности. Достаточно высокий процент (38,1%) таких молодых людей свидетельствует о том, что многие из них испытывают тревогу по поводу будущего, жизненных выборов и неопределенности, связанной с различными аспектами их жизни (табл. 3).

Также следует обозначить важность проблем межличностных взаимоотноше-

ний для молодежи: с родителями – для 19,4%, противоположным полом – 23,8% и сверстниками – 14,0%, что может свидетельствовать о существующих трудностях в межличностных коммуникациях.

Нуждаемость молодежи в поддержке при сложных жизненных ситуациях (14,5%) может свидетельствовать о том, что молодежь сегодня сталкивается с непростыми эмоциональными вызовами, вызванными множеством внешних факторов и условий.

Роль молодежной политики в создании условий для психологической поддержки молодежи

Один из идеологов создания российской модели государственной молодежной политики, автор гуманистической концепции молодежной политики И. М. Ильинский настаивал на особой роли создаваемых условий для воспитания и решения психологических проблем молодежи: «... общество должно предоставить возможности и гарантировать молодому поколению если не непрерывное и постоянное, то хотя бы последовательное культурное и психологическое становление, каждая стадия которого расширяет возможности и условия социального развития молодежи» [Ильинский, 2001. С. 365].

Однако в главном нормативном акте о молодежи – Федеральном законе Российской Федерации «О молодежной политике в Российской Федерации»¹ – отсутствуют акценты на создание условий

Таблица 3

Результаты ответа респондентов на вопрос анкеты:
«По каким аспектам Вашей жизни Вы нуждаетесь в психологической поддержке, помощи, консультациях?» (в % от числа опрошенных; сумма вариантов ответа превышает 100%, т. к. согласно методике опроса можно было выбрать несколько вариантов ответа)

Аспекты психологической помощи	%
1. Не нуждаюсь	23,9
2. Принятие себя, самооценка, саморазвитие, самореализация	43,3
3. Преодоление страхов и неопределенности	38,1
4. Взаимоотношения с противоположным полом, личная жизнь	23,8
5. Взаимоотношения с родителями, детьми	19,4
6. Вопросы здоровья	14,6
7. Сложные жизненные ситуации (развод родителей, смерть близких)	14,5
8. Конфликты со сверстниками, друзьями, коллегами, педагогами	14,0
9. Планирование и создание семьи	9,1
10. Другое (мысли о суициде, тревожное состояние)	1,8

Источник: составлено автором по результатам исследования по теме: «Молодежь Хабаровского края: состояние, проблемы и перспективы развития», 2025 г.

¹ Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ.

для решения психологических проблем молодежи, являющихся наиболее значимыми в достижении психологического комфорта как основы ее развития. Не прослеживаются эти акценты и в правовых документах, регламентирующих реализацию государственной молодежной политики в Хабаровском крае². Все это свидетельствует о проблемах понимания, изучения и принятия управленческих решений в отношении разрешения психологических проблем молодежи, актуализированных в современных ре-

алиях, связанных с радикальной трансформацией существующих геополитических и внутрироссийских условий.

При этом полученные результаты исследования 2025 г. наглядно демонстрируют особый общественный запрос молодежи на оказание ей психологической помощи и поддержки (табл. 4).

Каждый третий молодой человек (33,3%) отметил «оказание психологической помощи» как наиболее актуальное направление государственной молодеж-

Таблица 4

**Результаты ответа респондентов на вопрос анкеты:
«Какие из перечисленных направлений государственной молодежной
политики, на Ваш взгляд, являются наиболее актуальными,
значимыми для Хабаровского края (района, города)?»**

(в % от числа опрошенных; сумма вариантов ответа превышает 100%, т. к. согласно методике опроса можно было выбрать несколько вариантов ответа)

Варианты ответа	%
1. Поддержка молодых граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, инвалидов, детей-сирот	40,1
2. Патриотическое воспитание	40,0
3. Духовно-нравственное воспитание	38,9
4. Оказание психологической помощи	33,3
5. Обеспечение защиты прав и законных интересов	32,6
6. Содействие решению жилищных проблем молодежи, молодых семей	29,0
7. Обеспечение занятости и трудоустройства	25,9
8. Организация досуга, отдыха и оздоровления	25,4
9. Формирование условий для занятий физкультурой, спортом, ЗОЖ	25,3
10. Поддержка инициатив, инициативных проектов молодежи	24,7
11. Поддержка молодых семей, сохранение и укрепление традиционных семейных ценностей	23,8
12. Поддержка одаренных детей и молодежи	23,4
13. Предоставление социальных услуг	22,3
14. Содействие образованию и научной деятельности	20,0
15. Профилактика правонарушений и антиобщественных действий	17,8
16. Развитие добровольческой (волонтерской) деятельности	17,3
17. Развитие сельской молодежи, привлекательности сельского образа жизни	15,6
18. Формирование экологической культуры и мировоззрения	15,5
19. Правовое просвещение	14,9
20. Поддержка молодежных организаций и объединений	14,8
21. Обеспечение межнационального и межконфессионального согласия	14,0
22. Развитие института наставничества для молодежи	13,3
23. Содействие общественной деятельности	12,8
24. Содействие предпринимательству	12,5
25. Организация подготовки специалистов по работе с молодежью	11,3
26. Содействие международному сотрудничеству	10,8
27. Другое	2,8

Источник: составлено автором по результатам исследования по теме: «Молодежь Хабаровского края: состояние, проблемы и перспективы развития», 2025 г.

² Постановление Правительства Хабаровского края от 05.12.2016 № 445-пр (ред. от 30.05.2024 г.) «Об утверждении государственной программы Хабаровского края «Развитие патриотического воспитания и молодежной политики в Хабаровском крае».

ной политики Хабаровского края, что свидетельствует о наличии внутренних молодежных проблем, с которыми она самостоятельно справиться не может.

С точки зрения современных инструментов психологической помощи и поддержки молодежи сегодня распространение получают онлайн-технологии, технологии с использованием искусственного интеллекта (далее – ИИ).

Так, интересная практика психологической помощи детям и молодежи нашла свое отражение в Республике Карелия при поддержке регионального правительства. На территории республики реализуется проект «Чат-бот психологической помощи для подростков». Авторы подчеркивают актуальность применения современных средств коммуникации для повышения эффективности психологической поддержки молодежи: «Чат-боты могут стать альтернативным вариантом психологической помощи. Предоставление психологической помощи через чат-боты особенно актуально для подростков, поскольку они часто предпочитают общаться в цифровой среде и могут испытывать стеснение или дискомфорт при личных встречах со специалистами» [Юдина, Сафронова, Круглова и др., 2025. С. 204].

Психологическое консультирование посредством ИИ также становится популярным и достаточно востребованным в молодежной среде. Однако эти технологии не могут успешно и полностью заменить консультацию квалифицированного психолога. На это сделан акцент по результатам исследования группы отечественных педагогов и обучающихся: «Установлено, что ИИ способен генерировать советы и упражнения, схожие с методиками когнитивно-поведенческой терапии. Однако возможности ИИ в психологической помощи ограничены: отсутствуют персонализация и глубина анализа; затруднено решение сложных проблем; не хватает гибкости и адаптивности; отсутствует межличностное взаимодействие; у субъекта не сформирован необходимый уровень мотивации, осознанности, ответственности и рефлексии. Таким образом, ИИ может служить

дополнением к традиционным методам психологической помощи, оказывая лишь поддерживающее воздействие, но полностью заменить квалифицированного психолога в случае серьезных запросов ИИ пока не способен» [Тимофеев, Панфилова, Певзнер, Ширин, 2025. С. 421].

При этом, безусловно, прямые консультации психолога имеют особое значение в разрешении психологических противоречий в семейных взаимоотношениях. Так, авторы монографии «Семья в социокультурной реальности XXI века» подчеркивают, что «сегодня семейное консультирование востребовано потому, что, несмотря на то, что к психологу часто обращаются с типовыми проблемами, каждый конкретный случай уникален и имеет свои особенности и специфику, требующую квалифицированной оценки семейного психолога» [Руденко, 2024. С. 260].

Наши предыдущие исследования также актуализировали потребность молодых семей в психологической помощи и поддержке, в том числе в современном онлайн-формате: «Выявленный потенциал внутрисемейной конфликтности актуализирует необходимость развития консультационной помощи и поддержки, в т. ч. психологической. В современных условиях применение психологических онлайн технологий представляется достаточно целесообразным и востребованным» [Березутский, Зайцев, 2024. С. 204]. Следует обратить внимание на целесообразность развития современных онлайн-форматов психологической поддержки и психологического консультирования в отдаленных территориях, сельских населенных пунктах и малых городах ввиду их удаленности и ограниченности в доступности таких видов помощи в офлайн-формате.

Заключение

Таким образом, результаты проведенного исследования 2025 г. позволяют сформулировать ряд ключевых выводов.

Во-первых, семья является важным элементом социальной среды молодежи, влияющей на ее психологическое самочувствие. При этом внутрисемейные

конфликты широко распространены и в большей степени связаны с особенностями межличностных отношений.

Во-вторых, молодежь демонстрирует достаточно высокий уровень потребности в психологической помощи и поддержке, которая связана в значительной степени с самооценкой и самопринятием, что указывает на трудности во взаимодействии с окружающими. Результаты

исследования показывают высокий уровень тревожности сознания молодежи, вызванной неуверенностью и неопределенностью различных условий ее жизнедеятельности.

В-третьих, молодежь продемонстрировала особый запрос на оказание ей психологической помощи и поддержки со стороны государственных органов власти, реализующих молодежную политику.

Список источников:

1. Березутский, Ю. В., Зайцев, Э. А. Семья и семейные ценности в новых реалиях: взгляд молодых семей Хабаровского края // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 4 (109). С. 188–206. DOI: 10.22394/1818-4049-2024-109-4-188-206 EDN: JAKYZD
2. Борцов, Ю. С. Семейные конфликты как угроза стабильности российской семьи // Гуманитарий юга России. 2019. Том 8 (36). № 2. С. 196–205. DOI: 10.23683/2227-8656.2019.2.15 EDN: ZIQWAP
3. Ильинский, И. М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. – М.: Голос, 2001. 696 с.
4. Тимофеев, К. А., Панфилова, А. М., Певзнер, М. Н., Ширин, А. Г. Искусственный интеллект как инструмент повышения доступности психологической помощи студентам // Бизнес. Образование. Право. 2025. № 1(70). С. 415–422. DOI: 10.25683/VOLBI.2025.70.1211 EDN: IPFAJO
5. Лисовский, В. Т. Молодежь: любовь, брак, семья (Социологические исследования). – СПб.: Наука, 2003. 368 с.
6. Музеев, А. А., Понидзельская, С. Н., Дурицкая, Е. С. Влияние семейного воспитания на психическое и психиатрическое развитие молодежи // Международный научный журнал «Вестник науки». № 3 (84). Том 4. Март 2025 г. С. 301–306.
7. Руденко, А. М., Шестаков Ю. А. Семья в социокультурной реальности XXI века : монография / под. общ. ред. А. М. Руденко; Донской государственный технический университет. – Новочеркасск: Лик, 2024. 283 с.
8. Семенова, В. В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 271 с.
9. Шубрт, И., Подвойский, Д. Г. Современные социологические теории: Как не заблудиться в концептуальном лабиринте? – М.: ВЦИОМ, 2024. 380 с.
10. Юдина, О. Ю., Сафронова, Е. А., Круглова, В. В., Семенова, А. Э., Абрамова, А. А., Белова, А. А. Чат-бот как средство организации психологической помощи подросткам в республике Карелии // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота. 2025. № 1(71). С. 203–211. DOI: 10.46845/2071-5331-2025-1-71-203-211 EDN: YPHTHL

References:

1. Berezutskiy Yu. V., Zaitsev E. A. (2024) Family and Family Values in New Realities: Views of Young Families of the Khabarovsk Territory. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 4 (109), pp. 188–206. DOI: 10.22394/1818-4049-2024-109-4-188-206 EDN: JAKYZD (in Russ.).
2. Bortsov, Yu. S. (2019) Family Conflicts as a Threat to the Stability of the Russian Family. *Humanitarian of the South of Russia*, vol. 8 (36), no. 2, pp. 196–205. DOI: 10.23683/2227-8656.2019.2.15 EDN: ZIQWAP (in Russ.).
3. Ilyinsky, I. M. (2001) Youth and Youth Policy. Philosophy. History. Theory. – Mos-

cow: Golos, 696 p. (in Russ.).

4. Timofeev, K. A., Panfilova, A. M., Pevzner, M. N., Shirin, A. G. (2025) Artificial Intelligence as a Tool for Increasing the Availability of Psychological Assistance to Students. *Business. Education. Law*, no. 1(70), pp. 415–422. DOI: 10.25683/VOLBI.2025.70.1211 EDN: IPFAJO (in Russ.).

5. Lisovsky, V. T. (2003) Youth: Love, Marriage, Family (Sociological Research). – St. Petersburg: Nauka, 368 p. (in Russ.).

6. Muzeev, A. A., Ponidzelskaya, S. N., Duritskaya, E. S. (2025) The Influence of Family Education on the Mental and Psychiatric Development of Young People. *International Scientific Journal "Bulletin of Science"*, no. 3 (84), vol. 4, pp. 301–306. (in Russ.).

7. Rudenko, A. M., Shestakov, Yu. A. (2024) Family in the Sociocultural Reality of the 21st Century: Monograph / ed. A. M. Rudenko; Don State Technical University. – Novocherkassk: Lik, 283 p. (in Russ.).

8. Semenova, V. V. (2009) Social Dynamics of Generations: Problem and Reality. – M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 271 p. (in Russ.).

9. Shubrt, I., Podvoisky, D. G. (2024) Modern Sociological Theories: How Not to Get Lost in the Conceptual Labyrinth? – M.: VTsIOM, 380 p. (in Russ.).

10. Yudina, O. Yu., Safronova, E. A., Kruglova, V. V., Semenova, A. E., Abramkova, A. A., Belova, A. A. (2025) Chatbot as a Means of Organizing Psychological Assistance to Adolescents in the Republic of Karelia. *Bulletin of the Baltic State Academy of the Fishing Fleet*, no. 1 (71), pp. 203–211. DOI: 10.46845/2071-5331-2025-1-71-203-211 EDN: YPHTHL (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 07.07.2025; одобрена после рецензирования 26.08.2025; принята к публикации 28.08.2025.

The article was submitted 07.07.2025; approved after reviewing 26.08.2025; accepted for publication 28.08.2025.

Информация об авторе

Э. А. Зайцев – аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the author

E. A. Zaytsev – graduate student, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPa.

Власть и управление на Востоке России

Научный журнал

2025 г. № 3 (112)

«ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ»
В ИНТЕРНЕТЕ

<http://vlastdviu.ru/>
<http://elibrary.ru/>
<https://e.lanbook.com/>
<http://cyberleninka.ru/>
www.worldcat.org
app.dimensions.ai

Дата выхода в свет – 09.10.2025 г.

Формат бумаги 60x84 1/8 А-4

Усл. печ. л. – 17,0

Учетн.-изд. л. – 21,0

Тираж – 500 экз.

Заказ № 11.

Свободная цена

Адрес издателя и типографии: 680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33
Дальневосточный институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».
Тел.: (4212)30-53-06, (4212)30-65-49; факс: (4212) 30-53-06 E-mail: rio-dviu@ranepa.ru
Web-сайт: <http://vlastdviu.ru/index.html>
